ВИКТОРИАНСКАЯ ТРИЛОГИЯ

ФЕЛИКС Х. ПАЛЬМА

КАРТА ХАОСА

CORPVS

Жонглируя самыми удивительными персонажами и целыми мирами, Пальма виртуозно выстраивает на наших глазах потрясающую эпопею.

PUBLISHERS WEEKLY

Викторианская трилогия

Феликс Пальма

Карта хаоса

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

Пальма Ф. Х.

Карта хаоса / Ф. Х. Пальма — «Corpus (АСТ)», 2016 — (Викторианская трилогия)

ISBN 978-5-17-099680-3

«Карта хаоса» — последняя книга «Викторианской трилогии» Феликса Х. Пальмы (любую ее часть, по словам автора, можно читать независимо от двух других). В основу каждого романа трилогии положен один из романов Г.-Дж. Уэллса. Для «Карты времени» — это «Машина времени», для «Карты неба» — «Война миров», для «Карты хаоса» — «Человек-невидимка». По воле Пальмы фантастические сюжеты Уэллса становятся реальностью, а сам писатель, превратившись в литературного героя, вовлекается в невероятные приключения. В «Карте хаоса» в круговерть исключительных событий втянуты и другие знаменитые персонажи — Артур Конан Дойл и Льюис Кэрролл. Читатели смогут многое узнать об их личной жизни и творческой судьбе, а также о том, чем закончились их попытки спасти гибнущий мир. Кроме того, роман приоткроет тайны столь популярных в XIX столетии спиритических сеансов, но главное — расскажет историю любви, которая сумела выдержать самые жестокие испытания. Феликс Х. Пальма (р. 1968) — испанский писатель, журналист, литературный критик. Автор нескольких романов и пяти сборников рассказов, удостоенных многих литературных премий. «Викторианская трилогия» принесла писателю международную известность и была издана более чем в 30 странах мира. Роман «Карта времени» был отмечен премией «Атенео де Севилья».

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-099680-3

© Пальма Ф. Х., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

К читателям 7
Часть первая 9
Пролог 11
I 33
II 44
III 53
IV 57
V 67
VI 75
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Феликс Пальма
Карта хаоса

Моим родителям и делу их жизни,
к которому прибавляются все новые и новые страницы

Trilogía victoriana

Félix J. Palma
El mapa del Caos

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Félix J. Palma Macías, 2016
© Claudio Sánchez Viveros Licencia editorial otorgada por Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U., иллюстрации
© Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2018
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
© ООО “Издательство Аст”, 2018
Издательство CORPUS ®

К читателям

Учитывая сложность сюжета и большое количество персонажей, которые кочуют по страницам этого романа, я почитаю своим долгом заранее объяснить благосклонному читателю, какие отношения связывают между собой самых примечательных из них. Однако спешу предупредить: чтение этих объяснений может раньше времени приоткрыть некоторые линии сюжета; поэтому, если кто-то из вас предпочитает погрузиться в повествование вслепую, советую просто пролистнуть ближайшие страницы. Обижаться я не стану.

Для менее отважных прилагаю список, составленный строго в порядке появления действующих лиц в романе. Вот он:

Уэллс Наблюдатель – выдающийся биолог, альтернативное воплощение писателя Г.-Дж. Уэллса в одном из других миров.

Джейн Наблюдательница – супруга Уэллса Наблюдателя, руководитель проекта в его лаборатории, альтернативное воплощение Эми Кэтрин Роббинс в одном из других миров.

Доджсон Наблюдатель – профессор математики, альтернативное воплощение писателя Льюиса Кэрролла в одном из других миров.

Ньютон – собака породы бордер-колли, которую Уэллс Наблюдатель использует в своих научных экспериментах.

Герберт Джордж Уэллс – английский писатель, более известный как Г.-Дж. Уэллс, которого считают основоположником жанра научной фантастики; автор многочисленных романов, в том числе “Машина времени”, “Война миров” и “Человек-невидимка”. Если вы читали два первых тома этой трилогии, нет нужды добавлять что-то еще, кроме того, пожалуй, что в 1970 году его имя было присвоено одному из лунных кратеров.

Эми Кэтрин Роббинс – супруга Г.-Дж. Уэллса, который ласково называет ее Джейн.

Корнелиус Клейтон – агент специального подразделения Скотленд-Ярда, которое занимается сверхъестественными явлениями. Потерял руку, выполняя свое первое задание, и с тех пор пользуется протезом из дерева и металла.

Ангус Синклер – капитан специального подразделения Скотленд-Ярда. Неизвестно, при каких обстоятельствах он остался без правого глаза, так что не будем исключать и того, что это произошло, когда он выщипывал себе брови.

Валери де Бомпар – французская аристократка, красавица, поселившаяся в Богом проклятой деревне Блэкмур; предмет любовного увлечения агента Клейтона.

Арман де Бомпар – супруг графини де Бомпар, ученый, опередивший свое время.

Muscardinus avellanarius – млекопитающее семейства соневых, более известно как ореховая соня, водится на Британских островах.

Янтарная Леди – знаменитый лондонский медиум, особым успехом пользовались ее эктоплазматические материализации.

Сэр Генри Бленделл – архитектор ее величества, создавший самые грандиозные тайные переходы и самую хитроумную мебель с секретом; пользовался репутацией человека высоких нравственных принципов, пока не обнаружилось обратное.

Теодор Рэмси – выдающийся хирург, химик и биолог, любитель похрустеть пальцами.

Уильям Крукс – известный ученый, а также исследователь паранормальных явлений. Прославился в первую очередь своими выступлениями в защиту медиума Флоренс Кук, которая была способна войти в контакт с духом Кэти Кинг, дочери легендарного пирата Генри Моргана.

Кэтрин Лэнсбери – старая леди с загадочным прошлым, вдова, увлекающаяся спиритизмом, изобретательница Механического слуги, любительница печенья “Кемп”.

Человек-невидимка – вошел в историю как безжалостный убийца, однако загадку его подлинной личности мы, разумеется, не станем раскрывать на первых же страницах книги. Достаточно сказать, что пока его называют просто С.

Клайв Хиггинс – невролог, психоаналитик, специалист по самому широкому кругу душевных недугов.

Гиллиам Мюррей – прежде был известен как Властелин времени, но сам пустил слух о своей гибели в четвертом измерении. С тех пор скрывается под маской миллионера Монтгомери Гилмора, который страдает боязнью высоты.

Эмма Харлоу – молодая жительница Нью-Йорка, невеста миллионера Гилмора, любовь которой нельзя завоевать, пользуясь теми же приемами, что безотказно действуют на других женщин. Не знает подлинного имени своего жениха.

Дороти Харлоу – тетка Эммы, ворчливая старая дева, обреченная умереть в одиночестве.

Баскервиль – кучер Гилмора, старик примерно восьмидесяти лет, которого отличает крайняя нелюбовь к собакам.

Артур Конан Дойл – врач и писатель, увлеченный спиритизмом и считающий себя телепатом; прославился как создатель самого знаменитого в мире сыщика Шерлока Холмса.

Джин Лекки – возлюбленная А. Конан Дойла.

Исполнитель 2087V – кибернетический организм, запрограммированный на то, чтобы убивать тех, кто способен совершать прыжки из одного мира в другой. Безупречно выполняет свою работу, но из-за какого-то производственного дефекта не может избавиться при этом от чувства вины.

Клив – дворецкий в “Андершоу”. Сведений о его частной жизни не имеется.

Альфред Вуд (он же Вуди) – верный секретарь Конан Дойла, отлично играет в крикет и обладает незаурядным талантом чревовещателя.

Великий Анкома (также известный как Амока или Макома) – чудо-медиум, воспитанный в Южной Африке в племени банту, особых успехов достиг в автоматическом письме. Это имя, если его правильно произнести, означает “ребенок, рожденный последним”, хотя я должен предупредить вас, что перевод мой весьма приблизителен.

Алиса Лидделл – девочка шести лет, одна из дочерей декана Лидделла, прототип главной героини “Алисы в Стране чудес”.

Льюис Кэрролл – псевдоним английского писателя Чарльза Латуиджа Доджсона, автора “Алисы в Стране чудес” и ее продолжения – “Алисы в Зазеркалье”; опубликовал также множество статей и книг по математике, но уже под своим настоящим именем. Прекрасный фотограф, безобидный мечтатель и милый заика. Профессор колледжа Крайст-Черч в Оксфорде, не пожелавший стать священником. Причины неизвестны.

Элмер – дворецкий Гилмора, счастливо женатый на Дейзи, которая обожает печенье с начинкой из черничного джема.

Эрик Рюкер Эддисон – английский писатель, известный прежде всего как автор “Змея Уробороса”, первого его романа, основанного на скандинавской мифологии. Многие исследователи полагают, что именно эта книга открыла путь современной фантастике.

“Карта хаоса” – книга, в которой описан способ спасения мира – как нашего, так и любого другого, какой только можно себе вообразить. А еще это название романа, который вы сейчас вознамерились прочесть.

Часть первая

Я не верю в призраков, но боюсь их.
Мадам дю Дефан

…Если бы можно было каким-то образом
управлять разными вероятностями, то нам
стали бы доступны трюки, сходные с волшебством.
Митио Каку Параллельные миры[1]

Бог свидетель, я видел сны, бодрствовал
и снова видел сны, так что теперь толком и не знаю,
где сон, а где реальность.
Эрик Рюкер Эддисон Змей Уроборос

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вперед, дорогой читатель, сейчас ты с головой окунешься в события, описанные в нашем последнем романе, где тебя ждут приключения, еще более невероятные, чем те, о которых было рассказано в двух предыдущих книгах!

Если путешествия во времени и нашествие марсиан не потрясли твоего воображения, то сейчас ты сможешь заглянуть в мир призраков и прочих чудовищ, рожденных разумом.

Пожалуй, ты должен как следует подумать, прежде чем перейти к следующей странице, однако мой долг предупредить тебя: если тебе не хватит смелости сделать это, ты никогда не узнаешь, что таится по другую сторону реальности, про которую, как тебе кажется, ты знаешь всё.

[1] Митио Каку. Параллельные миры. Об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем Космоса. – М.: 2018. Перевод с англ. М. Кузнецовой, Н. Нарциссовой. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

– Сегодня вы ослепительны, графиня.

– И это единственный комплимент, который пришел вам в голову? – насмешливо спросила она. – А я искренне надеялась услышать нечто большее от человека, наделенного воистину незаурядным умом. Кроме того, напрасно вы решили пофлиртовать со мной. Я женщина опасная. Мне казалось, вы это уже поняли.

Пролог

Оставалась всего четверть часа до начала дебатов, когда впереди, на фоне золотистых сумерек, они различили Дворец знаний. Его покрытые изразцами купола величественно возвышались на лондонском горизонте над островерхими крышами и разбивали последние солнечные лучи на тысячи бликов. Вокруг Дворца среди облаков словно тучи насекомых плавно покачивались толстобрюхие дирижабли, аэростатические корабли, орнитоптеры и воздушные кабриолеты. Как раз в одной из таких летучих карет и сидел выдающийся биолог Герберт Джордж Уэллс со своей красавицей супругой. Нет, лучше скажу иначе: со своей умной и красивейшей супругой.

В этот самый миг биолог глянул через окошко вниз. На улицах, которые сверху казались узкими тропками и пролегали между стройных башен, щедро украшенных витражами и соединенных друг с другом висячими мостами, бурлила возбужденная толпа. Мужчины в плащах и цилиндрах вели беседы, прижимая ко рту что-то вроде латных рукавиц, дамы выгуливали механических собачек, дети катались на электрических самокатах, а голенастые роботы проворно сновали в людской толчее, с заученной ловкостью избегая столкновений и спеша выполнить каждый свое поручение. Из вод Темзы, подсвеченных закатным золотом, время от времени всплывали на поверхность маленькие “Наутилусы”, изготовленные на “Заводах Верна”. Они, подобно рыбам-шарам, мечущим икру, выбрасывали своих пассажиров на тот или другой берег. Но по мере приближения к Южному Кенсингтону, где стоял Дворец, этот суетливый людской муравейник превращался в единый целенаправленный поток. Всем было известно, что нынче вечером там состоятся дебаты, важнее которых Дворец знаний не проводил последние десять лет. И словно специально для того, чтобы напомнить об этом пассажирам орнитоптера, рядом с ним пролетела механическая птица, оповещая о событии в самых высокопарных тонах. Затем птица, ни на миг не умолкая, спланировала к ближайшему зданию и села на голову одной из гаргулий.

Уэллс незаметно вздохнул, пытаясь успокоиться, и вытер потные ладони о брюки.

– Как ты думаешь, у него сейчас тоже потеют руки? – спросил он, повернувшись к Джейн.

– Ну разумеется, Берти. Он ведь ставит на карту не меньше твоего. К тому же не будем забывать, что у него есть один недостаток и…

– Недостаток? Да ладно тебе, Джейн! – перебил жену Уэллс. – Он уже вон сколько лет занимается с лучшим логопедом королевства. Так что вряд ли нам следует особенно рассчитывать на это обстоятельство.

И, словно решив поставить точку в едва не вспыхнувшем споре, биолог откинулся на спинку сиденья и стал рассеянно созерцать ряд домов-подсолнухов, которые заполняли Гайд-парк и сейчас вращались на своих ножках, ловя последние лучи заходящего солнца. Уэллсу не хотелось признавать перед Джейн, что у его противника действительно есть этот злосчастный и предательский дефект, хотя, с другой стороны, и собирался в случае необходимости сыграть на нем. Ведь, если Уэллс все-таки потерпит поражение, провал будет вдвойне обидным и унизительным. Но он был настроен на победу. Правда, и у него тоже имеется своя *маленькая проблема*, но он сумеет держать ее под контролем. К тому же Уэллс гораздо лучше владеет ораторским искусством, чем старик. Если на него снизойдет обычное вдохновение, он без труда выйдет победителем. Да и без всякого вдохновения тоже. Биолога беспокоило только одно: как бы оппонент не пустил в ход один из тех силлогизмов, которыми часто приправлял свои выступления, желая воздействовать на публику. Но Уэллс надеялся, что нынешние зрители не дадут себя ослепить столь пошлым фейерверком.

Уэллс ухмыльнулся. Он искренне верил, что его поколение – самое значительное из всех, что до сих пор появлялись на земле, ведь, в отличие от предыдущих, оно держит в своих руках

будущее рода человеческого. Решения, верные или нет, которые будут сейчас приняты, повлияют на судьбу грядущих веков. Вот такая роль выпала на долю его современников. Трудная роль. Тем не менее Уэллс всякий раз испытывал восторг при мысли, что ему довелось жить в столь важный исторический период. И если все пройдет удачно, этот вечер накрепко впишет его собственное имя в Историю.

– Да, я хочу победить, Джейн, но движет мною отнюдь не тщеславие, – неожиданно заявил он. – Просто я верю, что моя теория верна, к тому же мы не можем терять время на проверку его гипотезы.

– Знаю, дорогой. Что бы я ни думала о твоем характере, тщеславным ты мне никогда не казался, – солгала она. – Но, возможно, найдутся средства и на то, чтобы реализовать оба проекта. Выбирать один из двух – слишком рискованно. А если мы ошибаемся…

Джейн не закончила фразу. Уэллс тоже ничего не сказал в ответ. Если его проект победит, ошибки не произойдет. В этом он был совершенно уверен. Хотя порой, особенно по ночам, глядя из окна своего кабинета на сияющий огнями огромный город, Уэллс задавался вопросом: а вдруг они, несмотря ни на что, все-таки заблуждаются, а вдруг их мир, где поиск Знания ставится превыше всего и где этот поиск правит всем и стал всем, на самом деле не лучший из миров, которые возможно было построить? В такие минуты слабости, как сам он их называл уже при свете дня, Уэллса тешила мысль, что Неведение, пожалуй, предпочтительней Знания. Лучше было бы, пожалуй, позволить природе и ее законам по-прежнему оставаться тайной за семью печатями и лучше было бы по-прежнему верить, что появление кометы предвещает смерть королей, а кроме территорий, попавших на карты, существуют и другие, где водятся драконы… Однако Церковь Знания, храм которой находился в Лондоне, полновластно управляла жизнью человека. Это была единственная религия на планете – вера, намертво соединившая в одну общую дисциплину философию, теологию, политику и все прочие науки. Человека с самого рождения нацеливали на то, что надо полностью расшифровать творение Создателя, надо непременно понять, как действуют любые его механизмы, как оно было задумано и какого рода силы поддерживают и обеспечивают его целостность. А еще им внушали, что они должны раскрыть загадку собственного существования. Единая религия заставила людей превратить поиск Знания в смысл жизни, и в своем неуемном стремлении докопаться до разгадки всех тайн, которые прежде так украшали мир, человек сумел-таки приподнять роковую завесу. Что ж, возможно, сейчас пришло время дорого заплатить за эту дерзость.

Перед входом во Дворец была расстелена красная дорожка, вдоль которой стояли толпы зевак. Они кричали и размахивали плакатами, а дюжина полицейских следила за тем, чтобы их энтузиазм не выходил из-под контроля. С самого момента возведения этого грандиозного здания в нем проводились великие дебаты. Там разгорались споры о масштабе вселенной, законах времени или существовании суператома. Все они обросли легендами, а лучшие фразы оппонентов, их ораторские приемы и шутки вошли в повседневную речь.

Орнитоптер обогнул башни Дворца и на какое-то время замер, прежде чем приземлиться на уличную площадку, оцепленную по этому случаю стражами порядка. После работы пауков-чистильщиков дворцовые витражи сверкали, а механические пеликаны успели заглотать весь мусор с тротуаров, и примыкающая ко Дворцу часть города выглядела сейчас настолько безупречно чистой, что страшно было обронить здесь хотя бы соринку. Когда орнитоптер наконец коснулся земли, наряженный в ливрею робот подбежал к нему и открыл дверцы. Прежде чем выйти, Уэллс бросил на Джейн взгляд, в котором соединялись решимость и страх. Она ответила ему ободряющей улыбкой. Толпа взорвалась радостными воплями. Но биолог услышал не только крики своих сторонников, но еще и свист тех, кто поддерживал его оппонента. Уэллс взял жену под руку, и они двинулись за роботом-лакеем по красной ковровой дорожке, посылая рукой приветствия публике. При этом биолог старался выглядеть спокойным, как и положено человеку, уверенному в своем превосходстве над соперником.

Они приблизились к портику, над которым огромными буквами из железа и бронзы было написано: “Наука без религии хрома. А религия без науки слепа”[2]. Когда Уэллсы вошли во Дворец, робот довел их по узкой галерее до комнатки за сценой, после чего вознамерился проводить Джейн в ложу для почетных гостей. Пора было прощаться. Джейн подошла к Уэллсу и поправила узел у него на галстуке:

– Успокойся, Берти. У тебя все отлично получится.

– Спасибо, дорогая, – пробормотал он.

Затем оба закрыли глаза и на несколько секунд мягко соприкоснулись лбами, словно таким образом каждый отдавал дань уважения интеллекту другого. Но было в этом еще и что-то очень личное – признание необходимости и важности взаимной поддержки на пути к Знанию. Джейн пристально посмотрела в глаза мужу.

– Удачи тебе, дорогой, – сказала она, а потом произнесла: – “Хаос неумолим”.

– “Хаос неумолим”, – эхом отозвался Уэллс.

Правда, с куда большим удовольствием он произнес бы на прощание лозунг, который был в ходу во времена их родителей: “Мы то, что мы знаем”, – очень верно отражавший устремления этого мира. Но с того момента, как стало известно о неизбежной гибели вселенной, Церковь внедрила другой лозунг, чтобы люди твердо усвоили, что конец близок.

Расставшись с мужем, Джейн последовала за роботом в ложу. Уэллс посмотрел ей вслед и в очередной раз восхитился комбинацией генов, в результате которой явилась на свет эта женщина – миниатюрная и прекрасная, как дрезденская фарфоровая статуэтка. Надо признаться, в свое время он не смог побороть соблазна и, запершись у себя в лаборатории, заглянул в тайну этой самой генной комбинации, хотя и чувствовал, что есть нечто до странности непристойное в попытке превратить свою жену всего лишь в абстрактный набор цифр и формул.

Прежде чем исчезнуть в конце коридора, Джейн обернулась и послала ему последнюю ободряющую улыбку, и биолога вдруг охватило желание поцеловать ее в губы. Но он тут же упрекнул себя за это. Поцелуй? Боже, придет же такое в голову! Поцелуи ушли в далекое прошлое, Церковь Знания давным-давно заклеймила их, объявив непродуктивными и подрывающими основы. Потом, уже после окончания дебатов, нужно будет сесть и спокойно проанализировать свой порыв, уныло подумал Уэллс. Церковь приучала их с младых ногтей анализировать все, включая собственные чувства, а также составлять картограммы внутреннего состояния и блокировать любые эмоции, которые нельзя сделать полезными либо усмирить. Нет, конечно, любовь, страсть или дружба не попали под запрет. Любовь к книгам или страсть к научным исследованиям всячески приветствовались, но только при одном условии: их должен строго контролировать разум. А вот за любовью между лицами противоположного пола полагалось строго присматривать. Каждый может вполне свободно предаваться любви – на самом деле Церковь даже подталкивала молодых к подбору подходящей пары в целях продолжения рода, – но предписывалось ежедневно выделять определенное время на анализ этого чувства. Следовало обдумывать свои тайные побуждения, чертить таблицы их развития, сравнивать с побуждениями партнера и предоставлять регулярные отчеты о зарождении, эволюции и колебаниях чувств приходскому священнику, а уж тот поможет разложить на составные части предательские эмоции и понять их, поскольку только понимание позволяет поставить все явления под контроль. Но, на беду, чувства никогда не встают живыми с анатомического стола, где производится вскрытие. Чем больше человек понимает свои чувства, тем слабее и бледнее они становятся.

Уэллс не переставал восхищаться тем, как Церковь Знания разобралась со столь неудобной проблемой. Вмененная всем обязанность вникать в суть любви стала превосходной вакциной против самой любви. Ведь всякий запрет только возвеличил бы любовь, сделал бы более

[2] Слова Альберта Эйнштейна, которые часто цитируют вырванными из контекста.

притягательной, способной толкнуть на бунт, борьбу и даже акты мести. То есть в итоге запрет обернулся бы долгими периодами обскурантизма, способными затормозить прогресс. Ну и что бы тогда с нами со всеми стало? По мнению Уэллса, он никогда не добился бы того, чего добился, если бы позволил чувствам управлять собой. Людям не удалось бы накопить столько знаний – а ведь только знания, надо надеяться, дадут им шанс на спасение. Да, Уэллс не сомневался: разумное обуздание душевных порывов, освобождение от чувств, как за тысячи лет до того человек освободился от инстинктов, – в этом ключ к выживанию. Хотя иногда, глядя на спящую Джейн, он не мог не усомниться в своих убеждениях. Он смотрел на мягкую отрешенность ее прекрасного лица, на беззащитное тело, разом утратившее восхитительную волю, которая вдыхала в тело жизнь, и начинал терять веру в то, что путь к спасению и путь к счастью – это одно и то же.

Он резко тряхнул головой, прогоняя ненужные сейчас мысли, и вошел в крошечную комнатку, где ему предстояло провести последние минуты перед выходом на сцену. Он не стал садиться в кресло и остался стоять в центре. Дверь напротив той, в которую вошел он, вела в амфитеатр. Через нее просачивались рев разгоряченной публики и голос знаменитого ведущего Авраама Фрая. Как раз сейчас Фрай приветствовал представителей власти, почтивших дебаты своим присутствием. Совсем скоро он назовет имя Уэллса, и тот предстанет перед публикой. Уэллс с грустью уставился на стену справа. По другую ее сторону, в соседней комнате, как он знал, находился его противник и, наверное, тоже слушал вопли собравшихся и так же, как Уэллс, старался настроиться на победу.

Тут биолог действительно услышал свое имя, и дверь распахнулась, словно приглашая его покинуть временное убежище. Он сделал глубокий вдох и решительным шагом вышел на заднюю часть сцены. Собравшиеся разразились бурными аплодисментами. Два шара-магнитофона из тех, что заполняли амфитеатр, сорвались с места и теперь кружили у него над головой. Уэллс поднял руки в знак приветствия и одновременно изобразил на лице до невозможности безмятежную улыбку, представляя себе, как она будет выглядеть на коммуникационных экранах в тысячах домов. Потом двинулся к отведенной ему трибуне и положил руки на плоскую поверхность, из которой рос ствол усилителя голоса. Висевший над сценой прожектор сразу залил золотом его щуплую фигуру. В пяти-шести метрах от Уэллса, справа, стояла вторая трибуна, пока еще пустая. Благодаря публику за аплодисменты, биолог постарался рассмотреть зрительные ряды, отделенные от сцены ямой, где механический оркестр наигрывал какую-то знакомую мелодию. “Музыка создает порядок из хаоса”, – вспомнил он слова знаменитого скрипача[3], превозносимого Церковью. Он заметил, что в зале мелькают плакаты с его фотографиями и самыми известными изречениями. Он ведь тоже успел породить несколько фраз, которые стали популярными или которым предстояло прославиться в будущем, когда смерть автора отшлифует их до полного блеска. Где-то наверху, на фоне огромного штандарта с восьмиконечной звездой – восемь стрел исходят из одного круга и пересекают второй круг, побольше, – сидела на вращающемся троне королева Виктория. На этом же самом троне она в последнее время и передвигалась. Рядом с ней, на другом, более скромно украшенном, троне восседала кардинал Вайолет Такер, высшее лицо в Церкви Знания. Именно ей и было поручено руководить сегодняшней научной дискуссией. Справа от нее расположилась свита – плотно слепленная гроздь епископов и диаконов с суровыми и кислыми физиономиями. Эти персоны вместе с кардинальшей составляли Комиссию по бюджету. Сухая старуха в черной сутане с золотыми шелковыми пуговицами, золотым же поясом и в золотой шапочке – ибо это был цвет Знания – должна была в самом конце дебатов вынести решение. Уэллс обратил внимание на кубок, который она сжимала в руке. Если слухи не обманывали, в нем содержалась лечебная настойка против рака. Сбоку от сцены находились ложи, предназначенные для представителей

[3] Эти слова принадлежат Иегуди Менухину.

власти и прочих известных персон. Среди них биолог отметил французского магната Жюля Верна, а также Клару Шелли, богатую наследницу заводов “Прометей”, считавшихся лидером по производству роботов. Сидели там и члены ученой курии. В ложе для почетных гостей он увидел Джейн. Она беседовала с доктором Плезенс, женой его соперника, красивой женщиной лет сорока. Она, как и Джейн, занимала должность руководителя проекта в лаборатории собственного мужа. В нескольких метрах от Джейн сидели остальные члены команды Уэллса. Все они улыбались ему, стараясь выразить поддержку. Слава богу, мелькнуло у него в голове, что никому не пришло в голову прихватить с собой еще и лабораторных морских свинок.

По сцене между трибунами для выступающих и оркестровой ямой сновал Авраам Фрай в бронзовой каске – с правой стороны к ней был прикреплен усилитель голоса, так что руки у него оставались свободными и он мог жестикулировать сколько угодно. В данный момент Фрай представлял оппонента Уэллса, в частности, перечислял многие и многие достижения, которыми была отмечена его долгая жизнь, отданная Знанию. Утонув в этом длинном списке, биолог вдруг услышал название колледжа Крайст-Черч в Оксфорде, где профессор читал свои знаменитые курсы математики и физики и где учился когда-то сам Уэллс. Там, в этих исторических стенах, они подолгу беседовали, а потом прогуливались по окрестным бархатным лугам, там укрепились очень много давшие им обоим отношения учителя и ученика. В дальнейшем Уэллс променял физику на биологию, но продолжал регулярно встречаться с профессором, будучи не в силах отказаться от дружбы, которую оба считали весьма плодотворной. Ни тот, ни другой в те времена не могли даже помыслить, что судьба превратит их в соперников. Да и теперь в частных разговорах они называли нынешнюю ситуацию не иначе как забавной, хотя каждый яростно отстаивал собственные идеи и принципы во время многочисленных дискуссий, которые предшествовали той, что по решению Церкви проводилась сегодня.

– А теперь, ваше величество, ваше высокопреосвященство, ваши преосвященства, леди и джентльмены, поприветствуем знаменитого физика и математика Чарльза Латуиджа Доджсона!

Сторонники Доджсона, услышав имя своего идола, разразились громкими криками. Дверца его укрытия распахнулась, и оттуда появился старик лет шестидесяти. Он направился к трибуне, по дороге приветствуя публику – точно так же, как это делал несколько минут назад Уэллс. У высокого и худого Доджсона лицо отличалось такой болезненной красотой, что в нем было что-то от изнуренного архангела. Уэллс при взгляде на учителя не мог побороть чувства жалости. Конечно же Чарльз предпочел бы провести этот чудесный *золотой* день[4], прогуливаясь, как обычно, на лодке по Темзе, вместо того чтобы спорить с бывшим учеником о способах спасения мира, но ни один из них не имел права пренебречь своим долгом. Они обменялись короткими кивками и застыли на трибунах, подчинившись воле ведущего. Фрай мягко описал руками в воздухе полукруг, требуя тишины.

– Леди и джентльмены, – разнесся по залу прославивший его баритон, – как мы знаем, наш дорогой мир умирает. Он умирает уже миллионы лет. С того самого момента, когда он внезапно родился из всепожирающего пламени. С тех пор вселенная безостановочно и безмерно расширялась, но одновременно еще и остывала. И этот процесс остывания, который долго благоприятствовал развитию жизни, с течением веков уничтожит ее. – Фрай сделал паузу, сунул руки в карманы и начал расхаживать по сцене, глядя себе под ноги с видом мечтательного и рассеянного пешехода. – Галактики бессильны против трех начал термодинамики… Все кругом стареет. Все исчерпывает свои возможности. Конец мира недалек. Звезды исчезнут, черные дыры тоже, температура приблизится к абсолютному нулю. И в этой ледяной пустыне человечество уже не будет способно выполнять предназначенную ему роль… оно погибнет. – Фрай

[4] Отсылка к вступительному стихотворению к “Алисе в Стране чудес” Льюиса Кэрролла (“Июльский полдень золотой”, перевод Д. Орловской).

издал театральный вздох, а потом, чтобы усилить напряжение, принялся молча трясти головой и в конце концов провозгласил, почти задыхаясь от возмущения: – Но мы ведь не растения и не беспомощные животные, готовые покориться гибельной судьбе! Мы Люди! Да, мы Люди! И, осознав ужасное открытие, Человек задался вопросом, сумеет ли он выжить в грядущей катастрофе, даже если смерть грозит всей нашей вселенной. Ответом, леди и джентльмены, стало безусловное “да”! Однако Человек не должен бороться с хаосом как воин-самоубийца, он не должен выступать против природы, против окружающего мира… против Бога. Нет, такое безрассудное геройство не имело бы ни малейшего смысла. Достаточно будет… если Человек просто-напросто… эмигрирует. Да, достаточно будет, если мы переселимся в другую вселенную. Но разве это возможно? Неужели мы сумеем покинуть вселенную, обреченную на гибель, и обосноваться в другой, более гостеприимной, чтобы начать там все заново? Но как? Грифельные доски всех лабораторий нашего мира испещрены уравнениями, которые свидетельствуют о попытках отыскать подходящий способ. Но не исключено, что наше спасение зависит от двух человек, наделенных блестящим умом, от двух ученых, которые сейчас находятся здесь с нами.

Уэллс смотрел на публику, встретившую речь ведущего громкими аплодисментами. Плакаты и лозунги колыхались, словно деревья на ветру. Эти люди, как и он сам, родились в мире, приговоренном к смерти, и, хотя каждый из них закончит свои земные дни задолго до столь ярко описанного Фраем страшного финала, до так называемого Дня хаоса, они знали, что их внуков и внуков этих внуков катастрофа настигнет. Согласно подсчетам, речь шла об отсрочке всего на несколько поколений, ибо охлаждение вселенной происходило стремительнее, чем думали поначалу. Неужели они захотят оставить своим потомкам такое наследство? Ледяной мир, где жизнь невозможна? Нет и еще раз нет. Бог бросил им вызов, и они подняли перчатку. Как только Уэллс вошел в разум, мать сказала ему: все, что он видит – тогда это были двор их дома в Бромли, а также небо и деревья, росшие за забором, – будет уничтожено, поскольку их мир не предназначен для вечного существования. Правда, Создатель проявил чуткость и дал человеку настолько короткую жизнь, чтобы тот прожил ее, веря, будто мир вечен. И как большинство молодых людей своего поколения, Уэллс начал пожирать книги на неистовом пире знаний – а подгоняла его романтическая цель спасти мир. Да разве существует более великая цель? То, что было наивной мечтой ребенка, возможно, этим вечером превратится в реальность, ибо ребенок стал теперь главным защитником одной из двух основных спасительных теорий.

Порядок выступлений был определен жеребьевкой, и ведущий предоставил слово Чарльзу, который, прежде чем начать, сделал глоток воды из стакана. Бывший учитель Уэллса и в молодости никогда не принадлежал к числу тех румяных юнцов, что блещут энергией и здоровой силой, теперь же старость завладела его телом, и оно стало болезненно хрупким. Казалось, он не сумел бы даже как следует шикнуть на гуся, не говоря уж о более значительных подвигах. Итак, профессор поставил стакан на трибуну, произнес положенные приветствия и начал свою речь:

– С тех пор как мы осмыслили ужасную весть и поняли, что всё, что мы любим, обречено на гибель, в воздухе повис вопрос: а нельзя ли воспользоваться достижениями нашей всемогущей науки и покинуть этот злосчастный мир, перенесясь в другой? Можно, дорогие соотечественники, разумеется, можно. И я пришел сегодня сюда, чтобы объяснить, как это следует сделать.

Профессор говорил спокойно, держа под контролем эмоции, чтобы они не нарушали плавности речи, как, скорее всего, посоветовал ему логопед. Хотя, если Доджсон и дальше будет продолжать в том же духе, выступление его покажется холодноватым по сравнению с речью Уэллса, ведь биолог не преминет пустить в ход театральные приемы, на которые так падка публика. Однако Уэллс пока не мешал старику говорить, дожидаясь подходящего момента, чтобы втянуть того в спор.

– Как многие знают, – продолжал профессор, – когда в этом же зале после дискуссии, которой, вне всякого сомнения, уготовано место в Истории, было объявлено, что наш мир гибнет, я уже занимался исследованиями способов введения метана в атмосферу Марса. Мне хотелось создать искусственным образом парниковый эффект на Красной планете, благодаря чему поднимется температура и постепенно растает вечная мерзлота под ее поверхностью, а озера и реки наполнятся водой – тогда можно было бы отправить на Марс первую колонию людей. И если бы в нас ударил метеорит или застал врасплох еще один Ледниковый период, мы нашли бы приют там. Стоит ли говорить, что известие о неизбежном конце вселенной изменило направление моих научных интересов – да и всю мою жизнь тоже. Я забыл про Марс, поскольку наравне с другими почувствовал себя обреченным. И как любой верный своему долгу ученый, стал искать способы эмиграции в более молодую вселенную, над которой не висит дамоклов меч. Все мы знаем, с тех пор как великий Ньютон помог нам прозреть, – тут послышался громовой крик: “Будь нашим новым Ньютоном!” – что наша вселенная – не единственная, а лишь еще один воздушный пузырек в бескрайнем океане, и это подтвердили сотни других ученых трудов и исследований. И тут не может быть двух мнений. А еще нам известно, что в вечном океане такие пузырьки постоянно возникают и разрушаются. Сей факт, будучи плохой новостью, поскольку сами мы находимся именно на обреченном пузырьке, все-таки несет в себе и надежду: ведь даже сейчас, пока я выступаю перед вами, зарождается несчетное количество новых вселенных. А значит, где-то нас ждет сияющий юный мир, идеально подходящий для того, чтобы утратившая родину цивилизация построила там для себя новый дом. Но как этого добиться? Как реализовать самый великий за всю историю человечества исход? Очень просто: надо использовать традиционный способ – открыть туннель, то есть сделать то, что известно даже самому невежественному человеку. Как я не раз писал в своих статьях, вселенная пронизана миллионами магических дыр, сила притяжения которых настолько велика, бесконечно велика, что они засасывают в себя любой предмет, оказавшийся поблизости. При этом не исключено, что дыры эти для чего-то предназначены. Не исключаю, что это тонкий намек Создателя – подсказка для нас, как выскочить из Им же подстроенной ловушки. Но куда же ведут магические дыры? Теорий на сей счет много, до бесконечности много, если мне будет позволено пошутить. Тем не менее я убежден: в центре каждой дыры имеется туннель, и он ведет в подобную же дыру в другой вселенной. Да, пока мы еще не готовы отправиться в путь по такому туннелю, потому что, к несчастью, все дыры расположены слишком далеко от нашей планеты и ситуация внутри дыр очень нестабильна. Но я не вижу здесь особой проблемы, так как собираюсь искусственным путем создать магическую дыру в своей лаборатории. И уверен, что в условиях, которые мы сможем контролировать…

– Но ведь дыра будет слишком маленькой, дорогой Чарльз, – перебил его Уэллс. – Трудно себе представить, чтобы все люди друг за другом прошли через нее. Даже сам Создатель в конце концов заскучает от такого зрелища. Кроме того, лично я, например, отнюдь не желаю – не знаю, как другие, – чтобы меня заглатывала магическая дыра или что-то вроде нее. Вы не хуже меня знаете: гравитационное поле немедленно разорвет на части атомы любого объекта, который имел бы несчастье туда попасть. – Биолог сделал театральную паузу, потом добавил с насмешливой гримасой: – По-моему, единственное, для чего годятся ваши дыры, так это, чтобы надежно избавляться от улик после совершения преступлений.

Эта шутка, тысячу раз отрепетированная перед зеркалом, вызвала, как и было рассчитано, смешки у публики. Однако Доджсон не смутился:

– О, не бойся, Джордж. Ничего такого не случится, если дыра будет вращающейся, центробежная сила уравновесит действие гравитации. И если мы попадем в дыру, нас не расплющит, а всего лишь протянет в параллельную вселенную. Надо только правильно все рассчитать, чтобы дыра не разломилась. И естественно, через дыру не придется проходить всему человечеству. Достаточно будет послать несколько роботов с закодированной в их памяти генетиче-

ской информацией на каждого землянина. Роботы, оказавшись по другую сторону дыры, сразу построят лабораторию и имплантируют эту информацию в живые клетки, чтобы скопировать все человечество без исключений.

– Клянусь “Атлантическим кодексом”[5]! – изобразил крайнее возмущение Уэллс, хотя был отлично знаком с таким решением. – Остается только надеяться, что эти куколки не перепутаются и мы не получим в результате лягушачьи головы…

Со скамей до него донеслись новые раскаты смеха, и Уэллс отметил про себя, что профессор занервничал.

– Т-т-аким образом все человечество смогло бы пройти сквозь отверстие размером с к-к-роличью норку, – начал было объяснять Доджсон.

– Знаю, знаю. Но сначала придется создать такое отверстие, друг мой. – Уэллс скроил кислую мину. – Скажи, а не кажется ли тебе все это слишком уж сложным? Не будет ли проще, если каждый из нас сам по себе перенесется в другую вселенную?

– Хорошо, Джордж, сделай это. Давай, слетай в другую вселенную и принеси мне оттуда стакан воды – видишь, свою я уже выпил, – снова позволил себе пошутить Доджсон.

– Я с превеликим удовольствием утолил бы твою жажду, Чарльз, но, боюсь, пока ничем не могу тебе помочь. Чтобы перенестись в другую вселенную, мне нужно получить на это средства от Комиссии по бюджету.

– Ты хочешь сказать, что сегодня еще не готов туда отправиться, а завтра, уже завтра, тебе это, скорее всего, удастся, так? – спросил профессор, и в глазах его вспыхнул огонек.

Уэллс растерянно посмотрел на учителя.

– Да, именно это я и хочу сказать, – ответил он осторожно.

– В таком случае, как мне кажется, у тебя никогда ничего не получится, дорогой мой, потому что мы никогда не попадем в “завтра”, завтра никогда не бывает сегодня[6].

Парадокс, которым неожиданно воспользовался Чарльз, вызвал в публике смех. Уэллс чертыхнулся, проклиная себя за то, что так легко попался в ловушку, но не смутился.

– Тогда я скажу иначе: я займусь этим в тот самый день, когда получу средства от Комиссии по бюджету, – объяснил он очень медленно, сперва убедившись, что во фразе нет слабого звена, которым тут же воспользуется профессор. – Как тебе известно, сейчас я работаю над чудодейственной вакциной, ищу способ синтезировать вирус болезни, которую окрестил “хронотемией” – в честь старинных экспериментов, их проводили люди Возрождения, полагавшие, будто они способны путешествовать во времени. Стоит привить человеку этот вирус, и он попадет в кровь, а затем в мозг, где соединится с определенными химическими элементами и вызовет генетическую мутацию, которая перенесет нас в другую вселенную, – тогда не придется разбирать человечество на составные части и снова собирать. Мне осталось сделать совсем немного, чтобы довести сыворотку до готовности – найти взвешенное решение, способ внести практически неприметные изменения в молекулярное строение нашего мозга, – и мы увидим то, чего не видим сегодня. Как, вне всякого сомнения, известно нашей образованнейшей публике, любая материя имеет общее происхождение – первоначальный взрыв, создавший вселенную, вот почему атомы нашего тела связаны с некоторыми атомами по другую сторону космоса. И коль скоро частичка, которая колеблется где-то у самого края нашего же мира, способна войти в контакт с нами, значит, существует какой-либо способ заглянуть в эту бездну, увидеть, что находится за ее пределами, – и совершить прыжок. Хотим мы того или нет, но мы связаны с другими мирами незаметной для нас самих пуповиной. Остается только выяснить, как можно перенести это соединение с атомного уровня в нашу макроскопическую реальность.

---

[5] *“Атлантический кодекс”* – манускрипт Леонардо да Винчи, состоящий из 1119 страниц (1478–1519); содержит чертежи и записи на различные темы – аэродинамика, оружие, музыкальные инструменты, математика, ботаника и др.

[6] Ср.: “Завтра никогда не бывает сегодня. Разве можно проснуться поутру и сказать: «Ну вот, сейчас наконец завтра»?” (“Алиса в Стране чудес”, перевод Н. Демуровой).

Дискуссия растянулась на целый час и сопровождалась остроумными репликами и неожиданно резкими замечаниями, призванными выставить противника в смешном свете либо смутить его. Иногда профессор даже повышал голос – он все больше нервничал, видя, что бывший ученик начинает завоевывать доверие публики. Зато биолог ни на миг не утратил спокойствия и даже тайком ухмылялся, наблюдая за тем, как Доджсон теряет выдержку и злится, из-за чего заикание его усиливается и речь становится почти невразумительной. Наконец, когда до завершения дебатов оставалась пара минут, Уэллс, прекрасно понимавший, что тот, кто возьмет сейчас слово, тот и подведет итог состязанию, пустил в ход тщательно отрепетированную реплику:

– Укольчик. Всего один укольчик моей вакцины – и мы станем суперлюдьми, способными обитать в любом измерении. Я верю в свой проект, ваше величество. Позвольте мне превратить всех нас в богов, и оставим моего оппонента играть с его кроличьими норками.

Профессор собрался было ответить, но ему помешал удар гонга. Дебаты завершились. Усилители голоса сразу уплыли куда-то под трибуны, и теперь был слышен только голос Фрая, который отдавал должное обоим проектам и призывал Церковь Знания объявить свое решение. Оркестр грянул что-то новое, хотя тоже, безусловно, знакомое, пока церковные иерархи шепотом совещались, не покидая своих мест. Однако кардинал Такер очень скоро встала, опираясь на посох, и в зале повисла мертвая тишина.

– Мы выслушали кандидатов, претендующих на получение средств для работы над проектом “Спасение человечества”, – проговорила она слабым голосом, – и нами принято следующее решение: несмотря на всеми признанные ученые заслуги профессора Доджсона, мы полагаем, что ответственность за столь важный проект должна лечь на плечи многообещающего молодого биолога Герберта Джорджа Уэллса, которому я хочу пожелать удачи. И пусть Знание направит ваши усилия по правильному пути, мистер Уэллс. Хаос неумолим!

Уэллсу показалось, что он теряет сознание, а зал между тем взорвался победными криками, и сотни флажков со звездой хаоса заколыхались подобно морским волнам. Джордж поднял руки – именно в них только что была отдана судьба человечества – и поблагодарил взбудораженный зал, который тотчас принялся скандировать его имя. Уэллс увидел Джейн и всю свою команду – они аплодировали и обнимались в почетной ложе, а вот супруга Доджсона по-прежнему сидела в кресле сложа руки на коленях и словно не замечала того, что творится вокруг. Она не сводила глаз с мужа, а тот стоял, опустив голову в знак того, что признает свое поражение. Уэллсу хотелось подбодрить его, но сейчас этот жест выглядел бы неуместно. По знаку Фрая биолог подошел к ведущему, и тот поднял вверх его правую руку. Из-за царящего вокруг шума только один Уэллс расслышал, как профессор произнес за его спиной:

– *Eppur si muove!*[7]

Уэллс сделал вид, что ничего не произошло, и улыбнулся, позволяя обожать себя публике, которая уже начала покидать свои места. Несколько девушек поднялись на сцену и протянули ему учебники, прося оставить на них автограф. Биолог с большим удовольствием сделал это, но взглядом не переставал искать Джейн в толпе, собравшейся перед сценой, чтобы поздравить его. Наконец он нашел жену – она улыбалась ему сочувственной улыбкой. Он не видел, ни как Доджсон покинул свою трибуну и ушел со сцены, ни огромного мужчину, который приблизился к профессору, прежде чем тот успел скрыться за дверью. Уэллс между тем пытался свыкнуться с мыслью, что он одержал победу и, что бы там ни изрек его противник, спасти человечество предстоит ему. Во всяком случае, такое было принято решение.

Восемь месяцев ушло у него на создание волшебной вакцины. Восемь месяцев они с Джейн и вся остальная команда работали день и ночь, практически поселившись в сверхсо-

[7] “И все-таки она вертится!” (*ит.*)

временной лаборатории, которую смогли оборудовать на деньги, полученные от Комиссии по бюджету. Когда они наконец поверили, что им удалось синтезировать вирус, Уэллс попросил Джейн привести Ньютона – щенка бордер-колли, приобретенного три месяца назад. Биолог решил, что именно собака будет удостоена чести возглавить исход человечества, а не лягушка, не морская свинка и не обезьяна, потому что, хотя обезьяна и считалась умнее, все знали: собаки наделены куда более развитым инстинктом, чем любой другой вид, и он позволяет им вернуться в то место, которое они считают своим домом, преодолевая немалые расстояния. Иначе говоря, если Ньютону удастся совершить прыжок, останется крохотная надежда, что он прыгнет и в обратном направлении, словно возвращаясь назад по своим же следам. Тогда они смогут изучить результаты воздействия как вируса, так и собственно прыжка на организм собаки. Правда, надежда Джорджа на пресловутую собачью верность показалась Джейн недостаточно научной. Однако, когда она увидела в витрине магазина непоседливого щеночка с веселыми глазками и очаровательным белым пятном-сердечком на лбу, все ее сомнения как ветром сдуло. Таким образом маленький Ньютон и попал в дом Уэллсов, чтобы согласно плану хозяев через несколько месяцев раствориться в воздухе, а до той поры ничто не мешало ему играть роль всеобщего любимца.

Когда Джейн привела щенка, Уэллс поместил его на лабораторный стол и без лишних церемоний ввел ему в холку шприц с вакциной. Потом они заперли Ньютона в специально приготовленной для этой цели маленькой комнате со стеклянным окном, и команда биолога составила график дежурств, чтобы по очереди вести наблюдение. Как предполагалось – если только в расчеты не вкралась ошибка, – вирус, попав в кровеносную систему, достигнет мозга, проникнет в мозговые клетки и доставит в них новые агенты, которые обострят их чувствительность до такой степени, что, если объяснить это попроще, можно будет увидеть нить Ариадны, которая соединяет мозг с его частью, затерянной по другую сторону вселенной.

Они дежурили, сидя перед стеклом по шесть часов каждый, хотя Джейн с большим удовольствием проводила отведенное ей время внутри, играя со щенком. Уэллс предупредил жену, что ей не стоит слишком привязываться к Ньютону, ведь рано или поздно он исчезнет, и она обнаружит, что гладит не собаку, а коврик на полу. Но дни шли за днями, а предсказание Уэллса все не исполнялось. Наконец истек срок, назначенный для прыжка, и естественным образом возникла мысль об ошибке. Настал день, когда Уэллс понял, что продолжать сидеть перед окошком и ждать исчезновения собаки было бы проявлением либо тупого упрямства, либо слепой веры, и объявил: опыт не удался и сотрудники лаборатории могут возвращаться к нормальной жизни.

За следующие недели они проверили шаг за шагом все этапы изготовления вакцины, в то время как Ньютон, выпущенный из заточения, вертелся у них под ногами, с очевидностью доказывая, что здоровье его ни в малой степени не пострадало, но даже не пытался совершить чудо, которое бы потрясло общество. На бумаге все выглядело безупречно. Проклятый вирус должен был сработать. Так в чем же дело? Они попробовали модифицировать штамм, но ни один из полученных вариантов не внушал такого доверия, как первый. Все свидетельствовало: они синтезировали правильный вирус, единственно возможный для подобных целей. Уэллс отчаянно искал ошибку, не желая смириться с поражением, а вот его коллеги, включая Джейн, начали подумывать, что сама теория, на которой основывался эксперимент, была некорректной. Однако Уэллс выходил из себя при малейшем намеке на это. Он не мог позволить себе проиграть, не мог позволить себе отступить назад, поэтому без устали продолжал поиски, становясь все более нервным и вспыльчивым, из-за чего многие сотрудники лаборатории покинули его. Джейн молча работала, поглядывая на мужа, теперь одинокого и неистового, и спрашивала себя, сколько еще времени ему понадобится, чтобы признать, что он напрасно растратил деньги Церкви, так как допустил теоретическую ошибку.

Однажды утром Уэллсы получили от Чарльза Доджсона приглашение на чай. За последние месяцы они обменялись несколькими письмами, в которых старый профессор любезно интересовался их успехами, но Уэллс на его вопросы отвечал уклончиво. Он решил ничего не говорить Чарльзу, пока не синтезирует вирус, не введет его Ньютону и не удостоверится, что вирус действует. Тогда он напишет учителю либо позвонит по перчатке-коммуникатору и пригласит в гости, удостоив чести быть первым ученым, не из числа сотрудников лаборатории, которому сообщит, что добился своего. Но Ньютон вопреки ожиданиям не исчез, поэтому Чарльзу Уэллс так и не позвонил. И вот пришло приглашение от него самого. Джордж сперва решил отказаться под пристойным предлогом, поскольку пребывал в ужасном настроении и меньше всего ему хотелось сейчас признаваться учителю в своей неудаче; но Джейн сказала, что, возможно, старый друг посоветует им что-нибудь дельное. Кроме того, Чарльз по-прежнему жил в колледже Крайст-Черч, где когда-то учился Уэллс. А вдруг воспоминания, связанные с этими благородными стенами, вдохнут в него новые силы, не говоря уж о том, что супруги смогут прогуляться по чудесным окрестностям – всегда ведь полезно подышать свежим воздухом. Короче, Уэллс принял приглашение – скорее, чтобы не спорить с женой, чем по собственному желанию. Он не стал возражать, и когда она предложила взять с собой собаку, так как Ньютон, оставаясь один взаперти, обычно развлекался тем, что раздирал подушку, книгу или любой другой предмет, по оплошности не убранный хозяевами подальше от его зубов. Итак, холодным январским вечером орнитоптер доставил супругов к дверям колледжа, где Чарльз уже поджидал их, так что ветер от винта летательного аппарата растрепал его седые волосы.

Когда орнитоптер снова поднялся в небо, Уэллс и Чарльз несколько секунд молча глядели друг на друга как люди, дождавшиеся рассвета, чтобы драться на дуэли, а потом дружно расхохотались. И крепко обнялись, похлопывая один другого по спине и словно помогая согреться.

– Мне очень жаль, Чарльз, что ты проиграл дебаты, – не мог не сказать Уэллс, когда они наконец расцепили объятия.

– Да не о чем тут сожалеть, – ответил Чарльз. – Ведь и я не стал бы мучиться угрызениями совести, случись проиграть тебе. Каждый из нас считает, что ошибается противная сторона, но мне достаточно и того, что ты веришь, будто мое заблуждение относится к числу самых блестящих.

Уэллс весело улыбнулся, подтверждая, что и сейчас не отказывается от своих слов, а уж Доджсон может истолковывать их как ему угодно. Мимоходом Уэллс отметил про себя, что профессор почти не заикается.

– Ты прав, Чарльз, – ответил он, – и я не смог бы выразить это лучше.

Затем Доджсон с большой симпатией поздоровался с Джейн и объяснил с должными извинениями, что его супруги Плезенс нет дома, так как в эти часы она проводит занятия в колледже. Но если ученики не слишком ее задержат, она еще успеет повидаться с гостями.

– А это кто у нас такой? – обратился профессор к собаке, которая в ответ завиляла хвостом.

Прежде чем Уэллс успел объяснить, что щенок – живое напоминание о его неудаче, Джейн сказала:

– Его зовут Ньютон, и он живет у нас вот уже пять месяцев.

Чарльз опустился на колени и мягко коснулся белого пятна на лбу щенка, нашептывая тому на ухо что-то, что только один Ньютон и мог услышать. Обменявшись с собакой тайными признаниями, Доджсон встал, пригладил руками растрепавшиеся волосы и через маленький садик повел гостей к своему жилищу, расположенному рядом с башней собора. В одной из самых просторных комнат, где стены были оклеены обоями с огромными подсолнухами размером с торт, робот-слуга уже расставлял чайный сервиз на чудесном резном столе, вокруг кото-

рого стояли четыре чиппендейловских[8] стула. Услышав шаги гостей, робот обернулся, опустил металлические руки до самого пола и приблизился к людям, двигаясь на четырех конечностях. Затем опять принял человекоподобную позу и отвесил прибывшим театральный поклон, сделав такой жест, будто снимает перед ними несуществующую шляпу.

– Как вижу, ты по-прежнему не можешь удержаться от соблазна перепрограммировать своих роботов, Чарльз, – усмехнулся Уэллс.

– Понимаешь ли, таким образом я придаю им некую индивидуальность. Меня просто тошнит от скучной программы, которую закладывают в них на заводе, – с улыбкой пояснил профессор. Потом, обращаясь уже к роботу, добавил: – Большое спасибо, Роберт Луис. Никто не сумел бы расставить чашки вокруг сахарницы лучше тебя.

Робот поблагодарил за похвалу, и им даже показалось, что он покраснел, хотя, вне всякого сомнения, это было лишь еще одним нововведением Чарльза в изначальную программу. Уэллс весело тряхнул головой, а Роберт Луис, потрескивая коленными шарнирами, последовал к двери и занял там свое место в ожидании новых приказаний.

У биолога тоже был робот-слуга модели R.L.6 завода “Прометей”, но ему и в голову не пришло бы дать тому имя, соответствующее буквам заводской марки, и уж тем более – вскрыть его черепную коробку, вложить туда душу циркового акробата и провести соответствующую настройку. А вот Чарльзу, само собой разумеется, пришло. Он не мог принять вещи такими, какими их получил, он должен был непременно все переделать, подлаживая под собственные вкусы и предпочтения. Именно поэтому в свое время Уэллс выделил его среди прочих преподавателей.

Пока Чарльз вместе с Джейн заканчивал накрывать на стол, Уэллс воспользовался случаем, чтобы побродить по комнате. Здесь были собраны самые современные технологические артефакты. Он увидел подогреватель пищи, самопишущую рукавицу, излучатель тепла и даже мышь-пылеглотатель с открытым брюхом, словно Чарльз подверг ее вивисекции, о чем потом забыл или просто отвлекся, так и оставив стоять на столе. Были в комнате и другие предметы, которые позволяли обнаружить новые грани незаурядной профессорской души: несколько старинных игрушек и коллекция музыкальных шкатулок на отдельной полке. Уэллс подошел к ним и погладил одну за другой, точно задремавших кошек, но не осмелился открыть крышки – ему не хотелось выпускать на свободу ни музыку, ни крошечную балерину, наверняка лежащую внутри. В глубине комнаты тяжелая штора отделяла благородную часть помещения от *terra ignota*[9] – лаборатории профессора.

Уэллс оглядел стены, украшенные несколькими рисунками самого Чарльза, которые иллюстрировали книги по математической логике, написанные для детей. Несмотря на то что книги были пронизаны духом игры, Церковь, которая всегда охотно поощряла эксцентричные выходки Доджсона, благословила их, так как полагала, что они помогают детям с малых лет развивать интеллект. И тем не менее, опасаясь нанести вред своей научной репутации, Чарльз проявил осторожность и публиковал книги для детей под псевдонимом Льюис Кэрролл. Большую часть этих сочинений он написал, сидя под деревом на берегу Темзы, в нежных лучах весеннего солнца, поскольку имел привычку совершать прогулки по реке на лодке. В годы учебы Уэллс не раз имел счастливую возможность сопровождать его.

– Садись рядом, – сказал ему однажды профессор, – и вообрази что-нибудь, что не имело бы абсолютно никакой практической пользы.

– Никакой практической пользы? – переспросил Уэллс, устраиваясь под деревом. – Нет, боюсь, у меня не получится. Кроме того, какой в этом смысл?

---

[8] Имеется в виду стиль, получивший свое название по имени знаменитого столяра-краснодеревщика Томаса Чиппендейла (1718–1779), имевшего в Лондоне свою мастерскую.

[9] Неведомая земля (*лат.*).

– О, смысла в этом куда больше, чем ты думаешь. – Чарльз улыбнулся и, заметив сомнение на лице ученика, добавил: – У меня есть вещь, которая, пожалуй, тебе поможет.

Он вытащил из кармана куртки барочную фарфоровую табакерку – крышка у нее открывалась как у карманных часов, если нажать на пружинку. В табакерке лежала горка тонкой золотистой пудры. Уэллс поднял брови:

– Это… волшебная пыльца?

К его изумлению, Чарльз кивнул. Джордж никогда бы не заподозрил учителя в чем-то подобном. Церковь уже более десяти лет назад запретила пыльцу, так как посчитала, что она негативно воздействует на мозг человека, побуждая воображать бесполезные вещи.

– Возьми немного и делай то же, что и я, – подбодрил его Доджсон, ухватив щепотку пыльцы и поднеся к носу. Потом протянул коробочку Уэллсу, который явно колебался: – Ну же, Джордж, смелей. Зачем, по-твоему, человеку нужен нос – чтобы нюхать полевые цветы?

Уэллс ухватил немного пыльцы, поднес к носу и вдохнул. Профессор одобрительно ухмыльнулся и, как только ритуал был исполнен, спрятал табакерку, прислонился спиной к дереву и сладко закрыл глаза.

– А теперь пусть твое воображение немного полетает, Джордж, – произнес он мягким шепотом. – И ты наконец-то узнаешь, как далеко оно способно унестись.

Уэллс принял ту же позу и тоже закрыл глаза. Несколько минут он пытался представить какой-нибудь бесполезный пустяк, как велел Чарльз, но голова по-прежнему была занята вполне конкретным вопросом: можно ли обнаружить болезнь человека, исследуя его дыхание так же, как кровь или мочу. Об этом способе диагностики он размышлял вот уже несколько дней. Короче, пыльца не действовала на него, и, слегка разочарованный, он уже хотел сообщить о своей неудаче профессору, но решил еще немного посидеть с закрытыми глазами и подождать, пока тот сам подаст признаки жизни. Джордж не хотел мешать учителю, который, возможно, запустил свое воображение в полет, как дети запускают в небо бумажный змей. Уэллс наслаждался свежим ветерком, дувшим с реки, а чтобы не заскучать, попытался вычленить некую систему в жужжании насекомых. И вдруг почувствовал, что засыпает. В полудреме он заметил, как его рассудок начал странным образом вибрировать, а мысли – перекатываться с места на место, постепенно избавляясь от всякой логики. А еще он понял, что теперь любая из сформулированных им идей плывет по течению, как лодка, отвязавшаяся от причала, и его охватила паника. Однако Уэллс быстро успокоился, сказав себе, что с его рассудком не происходит ничего плохого, а беспорядок в голове случился под воздействием пыльцы. И он решил не противиться ее эффекту, хотя двигало им скорее любопытство, нежели страх. Дюжины нелепых образов, совершенно фантастических и одновременно многозначительных, стали рождаться у него в мозгу, то закручиваясь вихрем, то переплетаясь друг с другом в самых противоестественных комбинациях. Он увидел марсианские воздушные корабли, которые приближались к Земле, увидел людей-невидимок, а также странных тварей – помесь свиньи и гиены. И почувствовал острое возбуждение. Как будто скакал на неоседланном диком коне. Это ощущение настолько его заворожило, что Джордж позволил ему усилиться, чтобы понять, сможет ли он точно так же скакать на драконе. Непонятно, сколько времени он провел в подобном состоянии, пока выстраивал истории и снова их разрушал, не подчиняясь никакой другой логике, кроме бредовой. Кажется, Чарльз испытывал то же самое, но, когда вокруг посвежело и Уэллс открыл глаза, он увидел, что профессор с веселой улыбкой наблюдает за ним.

– То, с чем ты сейчас столкнулся, дорогой Джордж, собственно, и называется воображением. Многие, правда, считают, что от него нет никакого прока, но я готов с этим поспорить. Мы то, что мы воображаем, – изрек он, перефразируя, старый лозунг, – в чем ты и сам со временем убедишься.

Так оно и случилось. В ту же ночь, пока Джейн спала, Уэллс заперся у себя в кабинете и надел рукавицу-самописку. Но на сей раз он не собирался работать над научными статьями или книгами, которые помогут заглянуть в тайны мироздания. Он решил записать истории, навеянные теми картинами, что появились у него в голове под воздействием пыльцы. Джордж сделал глубокий вдох и постарался восстановить их в памяти, но у него ничего не вышло. Мозг, вернувшийся к привычному порядку, сопротивлялся. Через несколько часов напрасных усилий биолог вынужден был признать свое поражение. Он вышел на террасу. По ночному небу сновали дирижабли, однако ему не составило труда узнать среди них силуэт “Альбатроса” – ощерившегося винтами воздушного судна, которое “Заводы Верна” изготовили по специальному заказу для самого богатого человека планеты – Гиллиама Мюррея, прозванного Властелином воображения. Хотя на визитной карточке его профессия была обозначена иначе – торговец антиквариатом, все знали, что именно он синтезирует и продает волшебную пыльцу. Сидя в собственном летающем доме, тщеславный толстяк управлял своей обширной империей, однако церковной полиции никак не удавалось пробиться к нему сквозь прочные защитные сооружения, фундаментом которых служили подкуп, шантаж и угрозы. Вот так и получилось, что неуязвимый для высшей земной власти и вездесущий “Альбатрос” позорил своим присутствием лондонские сумерки, напоминая людям, что для исследования возможностей и пределов человеческого разума достаточно всего лишь втянуть носом щепотку золотого порошка.

Уэллс никогда бы не подумал, что однажды его самого заинтересует вещество, которое производит этот негодяй, но факт остается фактом: уже на следующий день биолог отправился – правда, не без стыда – на поиски пыльцы. Он не хотел просить ее у профессора, поэтому рискнул пойти в Лаймхаус, один из лондонских районов, где обитали Дремучие – те, кто решил отказаться от Знания. Как слышал Уэллс, там не составляет труда приобрести пыльцу, и не ошибся. Домой он вернулся с полной табакеркой. Вечером Уэллс опять заперся у себя в кабинете, втянул носом щепотку порошка, надел рукавицу-самописку и стал ждать. Мозг его очень скоро почувствовал волю, как это случилось и в первый раз, тем вечером, который Уэллс провел рядом с Чарльзом. Через три часа, едва замечая, как пальцы бойко выстукивают буквы на бумаге, он убедился, что сумел придать своим фантазиям форму рассказа. На следующую ночь все повторилось – и на следующую тоже, и еще на следующую. Таким образом улов его рос. Это были истории, сочиненные исключительно по воле каприза и словно играючи. Уэллс не знал, зачем писал их – им ведь наверняка предстояло истлеть в ящике стола, поскольку он никогда не рискнул бы никому, даже Джейн, показать свои сочинения. Кроме того, рассказы не казались ему самому предметом полезного искусства, способного открыть людям нечто ценное. Их героями стали ученые, запятнавшие собственную репутацию странными и противоестественными экспериментами, ничего не дающими обществу; амбициозные типы, которые использовали науку в собственных интересах, создавая невидимок или превращая животных в людей. Уэллс сомневался, что Церковь одобрит его рассказы. Возможно, именно поэтому ему так нравилось их сочинять.

Он прекрасно понимал, что сознательно и упорно творит нечто греховное. Во всяком случае, при свете дня его все чаще охватывал страх, особенно когда он сталкивался на улице с агентом церковной полиции. В конце концов страх довел его до того, что он собрал свои сочинения, в которых сам видел больше мудрости, чем в им же написанных скучных научных трактатах, и сжег их в камине. Горсть пепла – вот все, что осталось от нескольких месяцев работы, когда он вел себя как безумец, а не как знаменитый биолог. С тех пор он стал поступать исключительно в соответствии с требованиями общества, а кроме того, впредь избегал проводить *золотые* деньки в компании своего учителя. После тех шальных ночей, отданных сочинению рассказов, прошло девять или даже десять лет. И за все эти годы Уэллс больше ни разу не дал воли воображению. Вернее, он не позволял себе воображать ничего, что не

помогало бы реализовать ту или иную конкретную идею, скажем, создать вирус болезни под названием “хронотемия”.

Биолог тряхнул головой, отгоняя ненужные воспоминания, потом подошел к столу и предложил свою помощь Чарльзу и Джейн. Когда стол был накрыт, они сели и завели приятный разговор – обо всем и ни о чем, разговор, в котором Уэллс участвовал рассеянно и с опаской, так как знал, что это было лишь вежливым вступлением и вот-вот профессор спросит их о том, что на самом деле его волнует. Когда ритуальная часть беседы наконец вроде бы стала угасать и над столом все чаще повисали паузы, Чарльз прочистил горло, и Уэллс понял: настал момент, которого он так боялся.

– Н-н-ну, Джордж, как продвигаются твои ис-с-ледования? – спросил Доджсон, стараясь справиться с заиканием. – В п-письме ты ответил на мой вопрос как-то очень уж обтекаемо.

Уэллс глянул на Джейн, и та кивнула ему, явно советуя открыться Чарльзу.

– Очень хорошо, – ответил Уэллс с фальшивым энтузиазмом. – Я многого добился, можешь не сомневаться.

Чарльз посмотрел на него с сомнением:

– Многого д-д-добился? В самом деле? Я слишком хорошо знаю тебя и готов спорить, что твои голос и поза, не говоря уж о взгляде, которым ты обменялся со своей любимой супругой, свидетельствуют совсем о другом. Достаточно заметить, как напряженно ты вжимаешься в спинку стула, а еще все время нервно покачиваешь ногой, словно это не нога, а язык колокола… Повторяю, я готов спорить на что угодно: положительных результатов ты пока не добился.

Уэллс смутился и переменил позу, затем глянул на Джейн, которая опять кивнула ему, на сей раз более решительно, затем повернулся к профессору, смотревшему на него с прежней улыбкой, и тяжело вздохнул.

– Ты прав, Чарльз, – признался он, понуро опустив голову. – И я в отчаянии. Нам удалось синтезировать вирус, но он не действует. Я испробовал его на собаке, – он указал на лежащего рядом щенка, – никакого результата не последовало. Мы проверили всё тысячу раз, и я не могу понять, где вкралась ошибка.

– Тысячу раз? Как ни странно, именно на тысячу осколков разбивается чашка, упавшая на пол… – пошутил Чарльз. Затем, глянув на своего ученика и заметив, что тому не до шуток, добавил с самым серьезным видом: – Я прекрасно понимаю, какие чувства ты испытываешь, друг мой. И мне жаль, что ты готов сложить оружие.

– Сложить оружие? Ни за что! Сдаваться я не намерен! – воскликнул Уэллс, краем глаза наблюдая за тем, как на лице жены складывается недовольная гримаса, но это только укрепило его решимость. – Можешь не сомневаться, я буду продолжать работу, пока не найду и не исправлю проклятую ошибку. Церковь доверила мне дело спасения человечества, и я не провалю задание. Иначе никогда больше не смогу посмотреть на себя в зеркало.

– Т-тогда тебе будет очень трудно бриться, Джордж. И вообще, не разыгрывай здесь трагедию. Не исключено, что ты прав, – подбодрил его учитель. Уэллс поднял брови. – Просто тебе надо повторить уже пройденный путь в обратном направлении, найти ошибку и исправить ее. – Он хитро улыбнулся. – Хотя это значит, что вернуться следует к гораздо более раннему этапу, чем тебе хотелось бы. Так ведь?

Уэллс промолчал.

– Это правда, Берти, – мягко сказала Джейн. – Наверное, пришло время признать, что… верной была все-таки теория Чарльза.

Биолог посмотрел на жену, затем на учителя, который ждал от него ответа. Уэллс чувствовал, что попал в западню, и тем не менее не хотел сдаваться.

– Боюсь, я не смогу сказать то, что тебе хотелось бы услышать, Чарльз, – произнес он как можно деликатнее. – Мой нынешний провал – это временная неудача. И, хотя пока наш вирус

не подействовал, я на сто процентов уверен, что мы идем правильным путем, как уверен и в том, что тебе не удалось бы создать магическую дыру, даже если бы ты получил на это средства от Комиссии по бюджету.

Чарльз несколько секунд смотрел на него, сохраняя полную невозмутимость, но потом все же не удержался от легкой улыбки:

– Ты так думаешь? А вот я на твоем месте не стал бы делать столь категоричных заявлений.

– Что ты хочешь сказать? – осторожно спросил Уэллс.

– Ваша компания всегда доставляет мне большую радость, – сказал профессор, глядя на них обоих с искренней симпатией, – но я пригласил вас сюда не только поэтому. Я хочу вам кое-что показать. К-к-кое-что, что “мне не удастся создать”.

Уэллс растерянно уставился на него, а Доджсон сделал знак роботу:

– Будь так добр, Роберт Луис, надеюсь, тебе не составит труда отодвинуть штору?

Естественно, робот тотчас направился к шторе – на сей раз он шагал как положено, на двух ногах, – схватил ее за край и, круто развернувшись, начал тянуть в сторону. И тогда их глазам открылось то, что пряталось за ней. Уэллс вскочил со стула, словно рядом раздался крик “Пожар!”. Джейн резко поставила чашку на блюдце. Даже Ньютон насторожился, хотя и продолжал лежать на ковре. И все-таки гостям понадобилось еще несколько секунд, чтобы осознать, что именно находится перед ними, потому что осознать это было совсем не просто. Кто-то проделал дыру в полотне реальности – отверстие диаметром примерно в два метра. И оно как будто медленно вращалось. Вокруг дыры мелко дрожало светящееся кольцо из зернистого тумана, слегка разлохмаченное по краям. В центре зиял мрак, то есть абсолютная чернота, которая к тому же казалась ледяной. Реальность, окружавшая дыру, слегка выгибалась, словно ей хотелось быть втянутой туда. Отверстие начиналось примерно в полуметре от пола, а под ним лежала металлическая плита с торчащими из нее рукоятками, рычагами и клапанами. Многочисленные приборы, очень сложные на вид, располагались тут же и, похоже, поддерживали нужный режим.

– Что это, черт побери, такое? – пробормотал Уэллс.

– Это, Джордж, магическая дыра, – ответил Чарльз.

Уэллс встал и очень медленно двинулся к чуду, следом за ним пошла Джейн, а Чарльз наблюдал за ними с довольной улыбкой, не покидая своего места за столом. Шум приборов помог Уэллсу отчасти прийти в себя, но он все же не отважился переступить условную черту, обозначенную занавесом, поэтому изучал воздушную прореху с некоторого расстояния. Ее края казались сделанными из газа и чуть заворачивались внутрь, из-за чего усиливалось впечатление глубины. Оттуда не доносилось ни единого звука, и там нельзя было различить ничего, кроме плотной и ровной черноты.

– Ты это сделал… – не веря до конца своим глазам, выговорил Уэллс.

Чарльз все-таки встал и присоединился к своим гостям:

– Да, друг мой, я это сделал.

– Но как? Как тебе удалось? И откуда ты взял деньги, чтобы купить столько приборов? – продолжал задавать вопросы биолог, обводя рукой все то, что окружало дыру, словно охраняя ее. – Тут тысяч на шестьсот, не меньше.

– На восемьсот тысяч фунтов, если уж быть точным, – поправил его профессор.

– То есть даже больше, чем могла дать тебе Комиссия по бюджету! – воскликнул Уэллс в полном изумлении. – Если, конечно, ты не получил наследство от богатых тетушек и дядюшек… Не понимаю, как ты смог собрать такую сумму…

– Дорогой Джордж, если Церковь не поверила в мой проект, это не значит, что в него не поверил никто, – весьма загадочно ответил Чарльз. – Многие между тем считали, что прав именно я, и один из таких людей оказался достаточно богатым, чтобы профинансировать мое

исследование. Потому что верил в него, в отличие, кстати сказать, от моего друга и бывшего ученика Герберта Джорджа Уэллса.

– И кто же этот человек?

Чарльз несколько секунд молча улыбался, потом ответил:

– Гиллиам Мюррей.

– Мюррей? Властелин воображения? Это он одолжил тебе денег?

Чарльз кивнул, а Уэллс схватился за голову. Он не мог опомниться от изумления. Новость поразила его еще больше, чем магическая дыра. Гиллиам Мюррей… Как мог Чарльз так поступить! Мюррей был одним из самых богатых людей планеты и единственным, с кем ни в коем случае нельзя было иметь дела. Все это знали.

– Клянусь бородой Кеплера, я тебя не понимаю! Ты что, с ума сошел? – взорвался биолог. – Неужели не знаешь, какая слава идет за этим негодяем? Очень сомневаюсь, что для него на самом деле что-то значит твоя теория. А если даже и значит, то вряд ли он собирается использовать дыру в добрых целях. Господи, Чарльз, твоя наивность во много раз превышает твою гениальность!

– А что мне было делать? – стал защищаться профессор. – Церковь повернулась ко мне спиной… благодаря тебе, кстати, дорогой друг. Мюррей дал мне шанс – единственный, заметь это, шанс – поработать над моим открытием. Единственный!

– Но какова цена, Чарльз, какова цена! – упрекнул его Уэллс.

Профессор в знак раскаяния поджал губы. Было ясно, что ему и самому не нравится собственный поступок. Уэллс почувствовал жалость к старику, который, покачивая головой, уставился на свои ботинки, как ребенок, устыдившийся недавней шалости. Уэллс вздохнул и спросил уже более мирным тоном:

– Когда ты должен вернуть ему деньги?

– Ну… – замялся Чарльз, – срок истек пару недель назад.

– Что?!

– Но какое это теперь имеет значение, Джордж? – поспешил успокоить его профессор. – Значение имеет только то, что мне удалось создать дыру. Да, я создал магическую дыру! Посмотри, вот она. И прав был я, а не ты. Я! Но пригласил я вас сегодня не для того, чтобы хвастаться своей победой, – продолжил он, очень серьезно глядя на ученика, – а для того, чтобы ты замолвил за меня словечко перед Церковью. Дыра еще не совсем готова. Она вполне годится для маленьких посылок, но я не знаю, что случится со столь сложным с точки зрения заложенной в нем информации и энергии существом, как человек.

Профессор положил свою старую руку Уэллсу на плечо и с жадным вниманием наблюдал за его реакцией. Биолог тем временем с подозрением рассматривал дыру.

– А что с ним может случиться? – спросил он.

– Не знаю, – признался профессор. – Скорее всего, дыра раздавит в лепешку всякого, кто попытается пройти через нее. Но если ты убедишь Церковь и они дадут мне денег, я сумею довести это дело до ума, и тогда мне не придется ломать голову, где добыть сумму, которую я задолжал Мюррею, так как у меня будет столько денег, что их не удастся истратить до конца жизни. Ты сделаешь это, Джордж? Поможешь мне? Ты ведь уже не сомневаешься, что моя теория верна?

Уэллс с отчаянием обежал взглядом лабораторию. В углу покрытый слоем пыли как символ былых надежд человечества стоял макет колонии, которую Чарльз надеялся основать на Марсе, к востоку от горы Олимп. Потом Уэллс еще раз посмотрел на дыру, потом на Ньютона, по-прежнему лежавшего на ковре. Это были символы мрачного настоящего.

– Ты прав, Чарльз, – признал он сокрушенно. – Да, прав был ты, а не я. Не беспокойся, я поговорю с ними.

– Спасибо, друг мой. Я уверен, что через три-четыре месяца все будет готово. Осталось доработать кое-какие мелочи.

– Только кое-какие мелочи? Вы не представляете, профессор, как мне приятно это узнать, – услышали они голос у себя за спиной.

Поняв, к своему изумлению, что они не одни в комнате, Уэллс, Чарльз, Джейн и даже Ньютон обернулись. И увидели у двери троих мужчин. Только один из них, тот, что стоял в центре, не был вооружен. Тем не менее он казался самым опасным из троицы. Мощное тело минотавра было скрыто под роскошным пальто, полы которого едва не подметали пол. На толстых губах играла высокомерная улыбка. Слева от него находился рыжий парень почти такого же сложения, хотя, пожалуй, гораздо более сильный и способный, что называется, жонглировать быками. Стоявший справа казался скорее ловким, чем сильным, то есть он запросто успел бы увернуться от быка, которого швырнет в него левый. Каждый из этих двоих держал в руке пистолет, и легко было догадаться, какую роль они исполняли при первом, направившим сейчас непонятный прибор на Роберта Луиса. Тот, раздвинув штору, отошел к стене и замер, но вдруг весь как-то перекосился: голова упала на грудь, руки бессильно повисли вдоль туловища, красноватые огоньки в глазах потухли. Уэллс подумал, что такая штуковина, наверное, способна сбить даже орнитоптер, и не мог отделаться от вопроса: какого рода силы действуют под ее оболочкой.

– Господин Мюррей, как я рад снова вас видеть! – воскликнул Чарльз с притворной любезностью, но не решился сделать хотя бы шаг навстречу незваным гостям. – А мы как раз пили чай, так что присаживайтесь к столу, коли есть желание.

Властелин воображения сунул грозный прибор в карман пальто и, не двигаясь с места, несколько секунд смотрел на Чарльза и улыбался ему едва ли не с нежностью.

– Вы очень любезны, профессор, но я пришел сюда вовсе не для того, чтобы пить с вами чай.

– Конечно, конечно, – сказал Чарльз, бросая нервный взгляд на Уэллса и Джейн, которые по-прежнему стояли недалеко от дыры. – Д-д-думаю, вы пришли за деньгами. Я п-п-помню, что должен был вернуть долг две недели назад, но мы, ученые, самые рассеянные создания на планете, – рискнул он пошутить, теребя полы пиджака. – Хотя, конечно, это непростительная задержка с моей стороны, и вы очень тактично напомнили мне о долге в своей телеграмме, к тому же без всяких угроз… Что ж, забудем об этом! – предложил он пылко. – Как вы видите, м-м-магическая дыра почти готова, и она принесет много д-д-денег, так что я смогу вернуть вам сумму, вдвое превышающую ту, что вы так великодушно мне предоставили… С учетом причиненных неудобств.

– Вдвое, говорите? – переспросил Мюррей. – Вы по-настоящему щедрый человек, профессор. Но, к несчастью, деньги меня не интересуют.

С этими словами он направился к витрине, где были собраны музыкальные шкатулки, и опять улыбнулся с наигранным любопытством. Он шагал неспешно, и, несмотря на грузную фигуру, его движения обладали почти чувственной грацией. Чарльз видел, как он погладил крышки некоторых шкатулок.

– Вы представляете себе размер моего состояния, профессор? – спросил Мюррей, открывая шкатулку из черного дерева и выпуская на волю легкую, знакомую всем с детства мелодию. Он позволил музыке какое-то время литься в воздухе, а потом снова отправил ее в заточение. Затем обернулся к математику: – Не представляете? И я тоже в точности его не знаю – посчитать это никому не по силам. – Он досадливо поджал губы. – И тем не менее даже такое количество денег не может дать человеку всего, что он пожелает. На беду, есть много вещей, которые я купить не способен. Догадываетесь, о чем я, профессор? Нет, насколько понимаю, не догадываетесь… Видать, потому что вам самому никогда не было нужды покупать их. Я имею в виду достоинство, уважение и восхищение окружающих… – Мюррей невесело рассме-

ялся, в то время как Чарльз смотрел на него с растущей тревогой. – Вы, похоже, удивлены… Скорее всего, вы полагали, что человек вроде меня не придает значения подобным вещам, раз занимается тем, чем занимаюсь я. Но, смею вас заверить, я придаю им значение, да, придаю, и даже большое значение. – Он театрально вздохнул. – Я устал от ханжества нашего мира. Вы и многие вам подобные употребляете наркотики, которыми я торгую…

Чарльз и Уэллс переглянулись. Им, как, впрочем, и всем, было известно, что Мюррей разбогател вовсе не на торговле стульями в елизаветинском стиле. Однако они, опять же как и все, предпочитали ради своего блага притворяться, будто не знают этого. Теперь Мюррей выложил все карты на стол, и его неожиданная откровенность не сулила ничего хорошего.

– Церковь осуждает меня со всех своих амвонов, – с горечью продолжил Мюррей, – хотя в нужный момент умеет закрыть глаза, позволяя моему бизнесу безнаказанно процветать. И не только закрывает глаза… Так вот, мне до смерти надоело стирать сутаны духовенству, кардинальше Такер и мерзким старикашкам из ее свиты! – воскликнул он с внезапной злобой. – Я нужен им, потому что они желают иметь власть над народом, которую сохраняют благодаря мне, а народу я нужен, потому что он желает наслаждаться счастьем, которым я его обеспечиваю. Однако сам я для всех остаюсь персоной нежелательной! Воплощением зла! Великий парадокс, не правда ли? – заключил он с тошнотворно приторной улыбкой.

Уэллс точно онемел. Он уже не сомневался, что нынешняя сцена будет иметь скверный финал. Но, несмотря на это, биолог раздумывал еще и над признаниями миллионера, которые его поразили, поскольку подтверждали, что Церковь втайне была замешана в торговле волшебной пыльцой. Уэллсу не составило труда сделать еще один логический шаг и понять остальное. Церковь расправилась с воображением, применив воистину блестящий план, – и тут нельзя было не вспомнить про ее отношение к любви. Осознав, что запрет на воображение только сделает его более привлекательным, Церковь предпочла внушить людям сомнение в их способности воображать и создала вещество, которое искусственным путем обостряет эту способность, а затем осудила использование порошка, чтобы превратить его в нечто столь же манящее, сколь и опасное. Таким образом человек стал зависим от волшебной пыльцы, хотя, скорее всего, естественный дар воображения никогда не покидал его.

Итак, Церковь Знания делала все, чтобы вещество попадало к людям, так как не желала вырывать с корнем способность, которая, как и любовь, могла привести их к Знанию. Однако делала это тайно. Тут-то на сцену и выходил Мюррей, Властелин воображения, наркоторговец, снимавший с Церкви позорное пятно. Правда, Мюррей был не первым, кто исполнял эту роль – столь же неприглядную, сколь и необходимую. Раньше существовали другие посредники, другие темные фигуры, и они воплощали в себе все самое презренное, что только было в мире. Их в каждом поколении создавала Церковь *ex professo*[10]. Но до сей поры ни один из этих людей не взбунтовался против своей судьбы. Легко было предположить, что Мюррей намерен стать первым.

– Мне надоело делать грязную работу для этих хитрых стариков, – продолжил Мюррей, – в то время как они обливают меня грязью или клеймят с церковных амвонов. Надоело толочь волшебный порошок в моей ступке. – Он горько усмехнулся. – Я не желаю и дальше оставаться Властелином воображения. Не желаю после смерти войти в историю в роли злодея. Нет, есть титул, который нравится мне куда больше. Я хочу, чтобы обо мне вспоминали как о Спасителе человечества! Вряд ли существует слава выше этой! – Он улыбнулся и перевел взгляд с Чарльза на Уэллса, а потом снова на Чарльза. – Вот поэтому, профессор, несмотря на все ваши знания, вы проявили большую наивность, полагая, будто я соглашусь принять от вас деньги и скромненько отойду в сторону, чтобы вся слава досталась вам одному. Нет, история будет складываться иначе.

[10] Со знанием дела (*лат.*).

– И к-к-как же она будет, по-вашему, складываться? – спросил после долгой паузы Чарльз.

– Сейчас объясню, – ответил Мюррей невозмутимо, по-прежнему глядя профессору в глаза. – Все произойдет следующим образом: знаменитый профессор Чарльз Доджсон покончит с собой, пустив себе пулю в лоб, вечером четырнадцатого января одна тысяча восемьсот девяносто восьмого года, то есть прямо сегодня. Он несколько месяцев сражался с депрессией, которая поразила его после того, как бывший ученик, случайно здесь присутствующий, – он послал улыбку Уэллсу, – победил его на дебатах, посвященных спасению мира.

– Боже мой… – простонала Джейн, прижимаясь к мужу, который обнял ее, со страхом поглядывая на телохранителей Мюррея, а они между тем все решительнее расправляли плечи, по мере того как их хозяин излагал свой план.

– Это будет большая потеря, – говорил Мюррей с усмешкой. – Она потрясет мир, но пройдет всего несколько месяцев, и мир об этой потере забудет. Тогда миллионер Гиллиам Мюррей объявит, что работавшая при нем группа ученых сумела-таки создать в его частной лаборатории магическую дыру, о которой так мечтал великий профессор Доджсон, и через нее человечество сумеет убежать от своей гибельной судьбы.

– Что?! – взревел ученый. – Это мое творение! Я не позволю вам завладеть им!

– Чарльз, послушай… – попытался унять его Уэллс, заметивший, как оба телохранителя подняли пистолеты и прицелились в Доджсона.

– Не позволите? – Мюррей расхохотался, и смех его был до того хриплым, что запросто мог расцарапать ему горло. – А я и не собираюсь просить у вас позволения, профессор, если вы еще этого не поняли. Я Гиллиам Мюррей, я привык брать все, что хочу. – Он подал знак рыжему громиле. – Мартин, пожалуйста. В висок. И не забывай, что это должно быть похоже на самоубийство.

Мартин кивнул и медленно направился туда, где, окаменев, стоял Чарльз. Уэллс хотел было броситься ему на помощь, но второй тотчас навел на него свой пистолет. Биолог снова обнял жену, и оба смотрели, как рыжий с театральной осторожностью приставил дуло к виску старика. Доджсон, слишком растерянный и напуганный, чтобы как-то на это отреагировать, только и сделал, что перенес вес тела с одной ноги на другую.

– Ваши последние слова перед уходом, профессор? – весело спросил Мюррей.

Доджсон горько улыбнулся и слегка наклонил голову, словно опершись на ствол пистолета, который должен был его через секунду убить.

– К-к-когда не знаешь, куда идешь, любая дорога годится, – ответил он.

В этот миг Уэллс рукой прикрыл глаза жене, и мир для нее как будто перестал существовать. Джейн не видела, что произошло дальше, только услышала выстрел, а потом глухой удар, с каким тело рухнуло на пол. Потом наступила тишина. Но постепенно мрак начал рассеиваться – по мере того как Уэллс убирал руку от ее лица, – и Джейн смогла увидеть Мюррея, который равнодушно взирал на труп, лежавший на полу, а рыжий стоял рядом с телом профессора, по-прежнему держа в вытянутой руке пистолет, из дула которого текла струйка дыма.

– Господи, Берти, – всхлипнула Джейн, пряча лицо на груди мужа.

Мюррей повернулся к ним:

– Должен признать, что не думал встретить вас здесь, мистер Уэллс, да еще вместе с супругой и… – Он глянул на Ньютона, который грозно лаял на него, – со своим щенком, поэтому для вас в этом спектакле у меня не предусмотрено никакой роли. Но, как вы понимаете, я не могу оставить вас в живых, и, боюсь, лишних свидетелей тоже придется убрать. А потом я швырну ваши тела в дыру. Как вы сами остроумно сказали, магическая дыра отлично помогает избавиться от улик.

– Будь ты проклят, сукин сын, – крикнул ему Уэллс, еще крепче прижимая к себе Джейн. – Надеюсь, что в один прекрасный миг “Альбатрос” не выдержит твоей туши и разобьется – и лучше всего будет, если он рухнет на главный храм.

Мюррей захохотал и сделал знак подручному, который тотчас снова прицелился в биолога.

– Давай, Том. Стреляй куда хочешь, незачем делать это похожим на самоубийство. Да и чертова щенка тоже пристрели.

Парень по имени Том посмотрел на живописную группу, которую ему предстояло уничтожить. Он решил начать с биолога и вытянул руку с пистолетом, целясь тому в голову. Однако Уэллс не испугался. Он не закрыл глаз и даже не опустил взгляда, не молил палача о пощаде и не произносил громких фраз, а просто смотрел убийце в лицо. Казалось, парень был удивлен его отвагой, а может, смеялся в душе над глупой демонстрацией смелости. Как бы то ни было, но его палец чуть помедлил, прежде чем нажать на спусковой крючок. Уэллс успел подумать, что вряд ли этот негодяй когда-нибудь прежде стрелял в человека, который держался с таким достоинством, к тому же рядом рыдала женщина, а у ног злобно тявкал щенок. Уэллса обожгла мысль, что время, необходимое убийце на принятие решения, – это как раз мгновения, оставшиеся в их распоряжении. Он быстро схватил Джейн за руку и толкнул в сторону дыры. А вдруг они выживут, попав туда?

– Прыгай, Джейн! – крикнул он, закрывая ее своим телом, пока они одолевали короткое расстояние, отделявшее их от созданной Чарльзом прорехи.

Уэллс боялся получить пулю в спину. Однако, когда он рванул в дыру и тоже переступил границу, стало понятно, что убийцам их уже не достать. Ньютон кинулся следом за Уэллсами и запрыгнул в отверстие за миг до того, как оно стремительно и с оглушительным гудением съежилось. Затем по комнате пронеслось то, что, вероятно, было порывом космического ветра, и белая вспышка ослепила оставшихся там мужчин. Потом на помещение могильной плитой легла тишина. Когда Мюррей, несколько раз моргнув, снова обрел зрение, он обнаружил, что дыра исчезла. Над металлической платформой колыхались лишь клочья тумана.

Судя по всему, История не желала складываться так, как он того желал.

“Судя по всему, История не желала складываться так, как он того желал”, – прочла Джейн. “Хорошая фраза для конца главы”, – сказала она себе с довольной улыбкой, прежде чем подуть на лист бумаги и подсушить чернила. Джейн откинулась на спинку стула и залюбовалась букетом свежих роз, который стоял на краю стола. Она срезала их у себя в саду совсем недавно, ранним утром, пока небо еще только выбирало оттенки, чтобы лучше окрасить рассвет. И розы до сих пор хранили в своих лепестках прохладное дыхание ночи.

В этот миг в ее кабинет вошел Джордж. Как всегда, маленькими шажками, чуть ли не благоговейно, словно боялся своим грубым присутствием нарушить по-женски изысканную атмосферу, царившую здесь. Несколько мгновений он созерцал безупречный и кокетливый порядок, тайна которого была для него совершенно непостижима, потом перевел взгляд на исписанные почерком жены листы бумаги, и у него загорелись глаза.

– И что ты пишешь теперь, дорогая? – спросил он с напускным безразличием.

С тех пор как жена заявила ему, что хочет устроить себе кабинет в одной из свободных комнат, Уэллс решил посвятить часть своего свободного времени, столь редкого и столь ценного, тому, чтобы разведать, чем она там занимается. От заданных напрямую вопросов толку было мало, так как на них Джейн отвечала лишь пожатием плеч. Не помогали и шутки. “Ты там запираешься, чтобы рисовать животных?” – спросил он однажды, но в ответ не услышал обычного смеха, которым она встречала его остроты. Джейн казалась неприступной крепостью, и так как прибегать к пыткам муж не собирался, оставалось рассчитывать на внезапные набеги на ее кабинет. И он выяснил, что она запиралась, чтобы писать, но это, собственно говоря, не стало великим открытием – он мог бы догадаться о ее занятиях и не входя в кабинет. А что

еще она могла тут делать? Выращивать кроликов, вызывать дьявола или танцевать голой? Вряд ли. Кроме того, как-то раз она уже пригрозила ему – правда, не совсем всерьез, – что займется литературой. Теперь надо было выяснить, *что* она пишет.

– Да всякую ерунду, – ответила Джейн и поспешно смахнула листы в ящик стола, замок которого Уэллсу так и не удалось взломать. – Когда закончу, дам тебе прочитать.

Когда закончу… Можно считать, что она опять уклонилась от ответа. А если она никогда не закончит? А если раньше закончится жизнь на земле? В таком случае он вообще не узнает, чем занималась Джейн по два-три часа в день, запершись у себя в кабинете. Что она писала? Дневник? Или книгу кулинарных рецептов? Нет. Будь это книга рецептов, она не вела бы себя так таинственно.

– Меньше всего на свете мне нравится, когда у мужа и жены есть секреты друг от друга, – произнес Уэллс драматическим тоном.

– А я-то думала, что меньше всего тебе нравится, что никто до сих пор не изобрел электрическую бритву, – пошутила она. Потом взяла мужа за руку и словно ненароком подвела к двери, не переставая говорить, чтобы не было слишком заметно, что она попросту его выпроваживает. – Ну, не ворчи, пожалуйста. Какая разница, что пишу я? Ведь на самом деле значение имеет лишь то, что сочиняешь ты, Берти, поэтому не трать времени даром и не шпионь за мной. Садись и пиши.

– Ты по крайней мере знаешь, что именно я пишу, – продолжал брюзжать Уэллс. – Я для тебя прозрачен как стекло, а вот ты…

– …тайна за семью печатями, и ты не можешь этого пережить, – закончила его фразу Джейн. – Знаю, знаю. Но ведь я уже сказала тебе однажды, что не существует иного способа поддерживать в муже интерес к себе. И я не могу позволить, чтобы ты разгадал меня, дорогой. Как только ты все узнаешь, тебе сразу станет скучно, ты начнешь искать другие загадки, и твое великое произведение, которое одно имеет значение, никогда не будет завершено… Так что возвращайся в свой кабинет и оставь меня с моими банальными забавами. Это сущие пустяки. Гораздо хуже даже твоих старых историй.

– Ну, уж об этом позволь судить мне! – ответил Уэллс. Он скорее изумился, чем рассердился, обнаружив, что находится уже за порогом. – Хотя, полагаю, ты права, как всегда, права. Пора мне вернуться к собственной работе и…

– Прекрасно, дорогой.

Джейн скрылась в своем святилище, подмигнув мужу на прощание. Уэллс пожал плечами, хотя этого уже никто не мог увидеть, спустился на первый этаж и зашел к себе в кабинет. Усевшись на стул, он обвел комнату равнодушным взором. Хотя он расставил книги и разные предметы на полках так же аккуратно, как Джейн, его рабочее место внушало лишь мысль о привычке к порядку. Сколько бы он ни переставлял собранные здесь вещи, теплоты в атмосфере не прибавлялось. Уэллс тяжело вздохнул и уронил взор на лежащую перед ним стопку чистых листов. На них он собирался изложить все, что знал, все, что успел увидеть. Возможно, его опыт переменит судьбу мира, подумал он, и тотчас задался вопросом: чего больше было в его надеждах – чувства долга или тщеславия? Ладно, пожалуй, лучше оставить некоторые вопросы без ответов. Уэллс взял ручку, чтобы приступить к своему “великому творению”, как называла его Джейн. Из окна просачивались в кабинет звуки с улицы, а также из близкого парка – шум мира, окутанного приятной уверенностью, что он единственный в своем роде…

I

Агент специального подразделения Скотленд-Ярда Корнелиус Клейтон сейчас мечтал только об одном – чтобы у всех гостей, приглашенных на ужин, устроенный графиней Валери де Бомпар в честь успешного завершения его первого дела, вдруг разом заболел живот, у всех, кроме, разумеется, его самого, и тогда он смог бы поскорее остаться наедине с прекрасной хозяйкой замка. Почему бы и нет? – спрашивал он себя, машинально поднося вилку ко рту. В конце концов, и такие коварные вещи порой случались, особенно если не забывать, что кухарка, служившая в замке, обладала известным опытом по этой части, ведь не далее как три месяца назад она отравила подпортившейся едой всех здешних слуг. Однако гости уже приступили ко второму блюду, и никто не выказывал признаков недомогания. Клейтон смирился с мыслью, что придется высидеть проклятый ужин до конца. Пожалуй, будет легче, если он до поры до времени выкинет из головы мечты о графине и станет просто выслушивать комплименты, которыми его осыпали гости, не забывавшие между тем и про еду. Да разве он не заслужил похвал? Клейтон прибыл сюда в качестве ученика легендарного Ангуса Синклера, капитана специального подразделения Скотленд-Ярда, но именно остроумный план Клейтона, а вовсе не пресловутый опыт его шефа избавил деревню Блэкмур от ужасной напасти.

Полицейских прислали в Блэкмур сразу, как только в деревне появились первые жертвы. С несчастными расправились так жестоко, что даже лондонские газеты не прошли мимо здешних кровавых событий. Чудовищные убийства начались вскоре после того, как кухарка отравила слуг, и каждое преступление совершалось непременно в первый день полной луны. До этого жертвами неведомого зверя были коровы и овцы, не считая мелкого лесного зверья. Правда, подобной свирепости ни один известный хищник прежде не проявлял, и обитатели Блэкмура в ужасе ожидали, когда чудовище пожелает отведать еще и человечьего мяса. Вероятно, отчасти и по этой причине графине Валери де Бомпар стоило таких трудов нанять новых слуг, пока прежние выздоравливали после отравления. Молодежь отказывалась идти к ней – и не только потому, что графиня платила жалованье не так аккуратно, как можно было ожидать от столь состоятельной дамы, – нет, им было жутко служить в замке, стоявшем посреди леса.

Клейтон прекрасно понимал их резоны: громадный и мрачный замок был выстроен из камней, словно перенесенных сюда из кошмарного сна. Внутри же он выглядел еще более зловещим. К примеру, столовая, где протекал упомянутый ужин, представляла собой зал с высокими потолками – такой огромный, что камин, над которым висел портрет графини, с трудом мог его прогреть. В этом зале, больше напоминавшем склеп, со стенами, украшенными полинялыми гобеленами и рыцарскими щитами, стоял необычайно длинный дубовый стол – до того длинный, что гости чувствовали себя за ним крайне неуютно. К тому же во время общей беседы всем приходилось напрягать голос, словно тенорам на сцене. Клейтон окинул взглядом тех, кто был приглашен, кроме них с капитаном, на ужин. Таких было четверо – все люди малозначительные, чья биография уместилась бы на обороте игральной карты: пузатый судья Домби, тощий отец Харрис, холеный доктор Рассел и деревенский мясник, здоровяк по фамилии Прайс, под чьим руководством совсем недавно жители с собаками прочесывали леса Блэкмура. Когда агенты прибыли из Лондона, чтобы расследовать это дело, никто из перечисленных лиц не встретил их с распростертыми объятиями. Но теперь, три недели спустя, они, казалось, из кожи вон лезли, чтобы первая их встреча была забыта, и опутывали полицейских паутиной лести. Клейтон метнул быстрый взгляд на дальний край бесконечного стола, где сидела та единственная, чье мнение его на самом деле волновало, – графиня де Бомпар. Она в свою очередь весело разглядывала агента. Неужели он казался ей позером, который с наигранной небрежностью принимает похвалы? Может, стоило дать ей понять, что он относится к своему подвигу как к делу самому обычному и рядовому? Кто знает. Под взглядом графини

Клейтон неизменно чувствовал себя совершенно беззащитным, словно солдат, которого внезапная атака врага застала врасплох и он выскочил из палатки безоружным.

Клейтон скосил глаза на сидевшего рядом шефа в надежде уловить какую-нибудь подсказку, но капитан Синклер налегал на жаркое, явно не прислушиваясь к общему разговору. Только изредка он рассеянно покачивал головой, из-за чего пряди волос падали на странную линзу, которая закрывала его правый глаз, отбрасывая красные отблески. Судя по всему, заслуженный капитан решил держаться на втором плане, отдав ученика на волю судьбы. Клейтон про себя ругнул Синклера за непрошибаемое молчание, хотя во время расследования тот ни на минуту не закрывал рта и при каждом удобном случае спешил продемонстрировать свои мудрость и опыт, а также менял гипотезы, едва какая-нибудь новая деталь всплывала, оживляя его воображение. Но совсем уж неловкой получилась сцена, когда капитан в порыве воистину отеческой заботы позволил себе давать Клейтону советы романтического плана. На беду, Синклер имел привычку не называть вещи своими именами, а прибегал к такому количеству метафор и эвфемизмов, что к концу разговора ни один из них двоих уже не мог сообразить, о чем, черт возьми, шла речь.

– Иными словами, несмотря на молодость, вы наделены незаурядным умом, агент Клейтон, – говорил в это время судья, словно бы подводя итог. – И смею надеяться, никто из сидящих здесь не сомневается в этом. Хотя не могу не признать: поначалу ваши методы показались мне несколько… импульсивными. – Он улыбнулся полицейскому с чрезмерной любезностью.

Агент замешкался всего лишь на миг, прежде чем улыбнуться в ответ. Он понимал, что судья не мог побороть соблазна и добавил в свою речь критические нотки, чтобы дать понять собравшимся: если два городских баловня, мнившие себя белой костью, и сумели распутать здешнее дело, то только потому, что прибегли к весьма нетрадиционным методам, до каких сам судья никогда бы не опустился.

– О, я понимаю, почему мои поступки могли показаться вам излишне импульсивными, – с чувством собственного превосходства ответил Клейтон. – На самом деле именно такое впечатление я и хотел произвести на нашего врага. Однако каждый мой шаг был серьезно обдуман и подчинялся самому строгому дедуктивному методу. Этому я научился у моего наставника капитана Синклера, которому очень многим обязан, – заключил он с напускной скромностью, после чего легким наклоном головы поблагодарил шефа.

Тот рассеянно кивнул в ответ.

– Я так сразу и подумал! – поспешил вставить доктор Рассел. – И не случайно! Ведь врач тоже должен использовать дедуктивный метод в своей каждодневной практике. В отличие от судьи, меня не обманул ваш юный вид и внешнее отсутствие опыта, агент Клейтон. Я с первого взгляда умею распознать научный подход к делу.

Судья расхохотался, и его огромный живот заколыхался.

– Кого вы хотите обмануть, Рассел? – Он ткнул вилкой в сторону врача. – Весь ваш научный метод свелся к тому, что вы ставили под подозрение всех обитателей деревни по очереди, включая сюда и старую миссис Спролз, которой вот-вот стукнет сто лет и которая передвигается только в инвалидной коляске.

Доктор собрался было ответить, но его опередил мясник:

– Ну, раз уж вы принялись перечислять чужие ошибки, судья, не лишним было бы вам вспомнить и свои собственные, а потом извиниться кое перед кем за возведенную напраслину.

– Смею вас заверить, что я не позволил бы себе ничего такого, держи вы у себя дома кошку, а не громадного пса, который…

Прежде чем судья договорил, с дальнего конца стола раздался звонкий голос графини Валери де Бомпар. Все завороженно повернули головы в ее сторону – впечатление было такое, что в стаю коршунов случайно залетела голубка.

– Господа, думаю, все мы изрядно утомлены последними событиями, что и понятно. – Она говорила с легким французским акцентом, придававшим ее речи прелестную игривость. – Но в любом случае агент Клейтон – мой гость, в честь которого я даю этот ужин, и, боюсь, мы можем неприятно удивить его нашими деревенскими раздорами. Как вы видите, – обратилась она к Клейтону с почти детской горячностью, – я говорю “мы”, потому что, хоть и являюсь иностранкой, приехавшей в вашу страну совсем недавно, уже успела почувствовать себя англичанкой. Не случайно добрые люди из Блэкмура приняли меня, можно сказать, так, как если бы я тут и родилась. – Хотя она старалась говорить самым любезным тоном, от ее язвительного намека гостей словно окатило холодной водой. – Поэтому я хочу еще раз от лица всех поблагодарить вас за то, что вы сделали для нас, для нашего любимого Блэкмура. – Она встала и тонкими пальцами взяла бокал. Движения ее были настолько легки, что, казалось, она одной лишь силой взгляда велела бокалу оторваться от стола. Гости тотчас последовали примеру хозяйки. – Господа, это были мрачные и ужасные для всех нас месяцы. Два года мы прожили в страхе, который внушал нам кровавый зверь, – продолжила она с театральным пафосом, – но кошмар наконец-то рассеялся, и чудовище побеждено благодаря исключительной находчивости агента Клейтона. Надеюсь, каждый из присутствующих на всю жизнь запомнит ночь пятого февраля тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, когда агент освободил нас от этого проклятья. А теперь, господа… – Ее улыбка, лукавая и озорная, сверкнула сквозь стекло бокала. – Выпьем же, черт побери, еще раз за Корнелиуса Клейтона, храбреца, сумевшего поймать человека-волка из Блэкмура!

Все подняли свои бокалы, однако размеры стола не позволили гостям чокнуться. Клейтон кивком головы поблагодарил графиню и одновременно с натугой изобразил улыбку, в которой попытался соединить удовлетворение и скромность. Судья в свою очередь провозгласил еще один тост – в честь хозяйки дома, заставив Валери де Бомпар с милой гримаской потупить взор, от чего у Клейтона затрепетала душа.

Наверное, тут пришло время пояснить, что агент не считал себя большим мастером по общению с дамами, скорее наоборот. Зато он весьма гордился своими успехами в изучении человеческого поведения и потому мог со знанием дела утверждать, что Валери де Бомпар не была похожа на остальных представительниц женского пола, а если выражаться точнее, то, пожалуй, и на представителей рода человеческого в целом. Каждый ее жест, любое выражение лица оставались для него непостижимой загадкой. Например, гримаса, которой она ответила на тост судьи, не была рассчитана на внешний эффект, как это обычно бывает у светских дам; нет, Клейтон распознал за ней ту обманчивую кротость, какую демонстрируют растения-хищники, прежде чем сомкнуть лепестки над попавшим в чашу цветка несчастным насекомым.

Снова садясь на свое место, Клейтон вспомнил ошеломительное чувство, нахлынувшее на него, когда он увидел ее в первый раз. Как ему тогда показалось, перед ним стояло совершенно необыкновенное и совершенно очаровательное создание – настолько невообразимое и очаровательное, что трудно было поверить, будто оно принадлежит пошлому миру, который их окружает. В тот день на графине были шелковое платье небесно-голубого цвета, перчатки ему в тон, а также шляпа с широкими полями, украшенная причудливым букетом из листьев и диких ягод, в который модистка, следуя последним веяниям, поместила еще и чучело ореховой сони, а также несколько бабочек с оранжевыми крылышками – они, вероятно, должны были символизировать непоседливые мысли, порхавшие в голове у Валери. Увидев графиню впервые, агент не знал, что про нее подумать. Не знал он этого и сейчас. Клейтон просто отчаянно влюбился в Валери де Бомпар.

– И все-таки, агент Клейтон, – прервал его мечтательные мысли голос священника, – скажите, вы с самого начала точно знали, каким путем поведете расследование? Я спрашиваю об этом потому, что, как мне представляется, при столкновении с любым сверхъестественным явлением разброс возможных его толкований практически бесконечен.

– Бесконечность сулит не самые удобные рамки для работы, отец Харрис, во всяком случае, до тех пор пока наше жалованье тоже не будет стремиться к бесконечности, – ответил Клейтон, вызвав дружный смех, среди которого ему послышался и нежный звон колокольчика. – Поэтому первое, что мы обязаны сделать, столкнувшись с фактом, который, подобно ужасным преступлениям в Блэкмуре, трудно объяснить, опираясь на установленные природой законы, – это исключить рациональные возможности. Только тогда можно будет отнести то или иное событие к разряду сверхъестественных, а именно такими делами и занимается, как известно, наше подразделение.

– Вот! Так следовало поступить и нам тоже! – посетовал доктор. – Осмыслить все логически. Но как и в любой маленькой деревне, в Блэкмуре живут люди суеверные, и понятно, что…

– Можно подумать, что вы от них чем-то отличаетесь, Рассел, – снова съязвил судья. – По-моему, лично вы перепугались больше всех. Ваша служанка рассказывала моей, что вы принялись плавить серебряные ложки, чтобы отлить из них пули, ведь только такие пули якобы способны поразить человека-волка. Скажите, как вам пришла в голову такая чушь?

Доктор хотел было начать все отрицать, но после минутной паузы расхохотался:

– Вот ведь проклятая сплетница! Да, что правда, то правда! Я расплавил чайные ложки. И если бы вы, судья, хоть раз за эти месяцы удосужились выслушать меня, то не стали бы сейчас спрашивать, как мне такое пришло в голову. – Он отвернулся от Домби и обратился к Клейтону, но уже куда более учтивым тоном, как к ровне: – Должен вам сообщить, что один мой французский коллега, с которым я нахожусь в переписке, рассказал мне, как еще в прошлом веке ужасный зверь долго держал в страхе провинцию Жеводан. Люди были уверены, что речь шла о человеке-волке и прозвали его жеводанским зверем. И что же? Только серебряная пуля сразила его наповал. Поэтому я и расплавил наши серебряные ложки – к большому неудовольствию моей жены…

– Значит, пострадал ты напрасно, Рассел, – засмеялся Прайс.

– Да сам знаю, – с досадой отмахнулся от него доктор. – Но кто же мог подумать, что человеком-волком, державшим в страхе нашу деревню, был Том Холлистер, который вздумал нацепить на себя вот эти шкуры?

Все как по команде посмотрели в угол столовой, куда указывал доктор. И тотчас в зале повисла тоскливая тишина. Клейтон наблюдал за тем, как гости меланхолично покачивали головами и вспоминали каждый свое, не отрывая глаз от огромной волчьей шкуры, растянутой на деревянных козлах. Это капитан Синклер повесил шкуру в качестве трофея, чтобы гости, входя в зал, могли получше рассмотреть ее. Что они и сделали, испытывая страх и восхищение, поскольку видели перед собой истинное произведение искусства, созданное опытным таксидермистом. Судя по размерам, шкура должна была принадлежать гигантскому волку, но на самом деле она была сшита из нескольких шкур. Этот самый Холлистер как следует потрудился, соединяя их, а потом продубил шкуры и набил некоторые части чучела паклей и соломой. В передние лапы просунул гибкие прутья, чтобы они напоминали покрытые густой шерстью человечьи руки, и завершил руки-лапы сделанными из ножей страшными когтями. Венчала все злобно оскаленная волчья голова.

Холлистер набрасывал шкуру себе на плечи, затем кожаными шнурами привязывал лапы к собственным рукам и ногам, а волчью голову использовал на манер шлема. Парень был достаточно сильным, чтобы носить на себе такой наряд, и кто угодно принял бы его за человека-волка, особенно если учесть, что появлялся он лишь в ночи полнолуния, при этом сильно горбился и рычал по-звериному.

Во всяком случае, агент и сам так подумал, увидев издали огромное чудовище. Вместе с помощниками он мчался за ним через лесные заросли, и кровь стучала у Клейтона в висках, а сердце было готово вот-вот выскочить из груди, ибо он свято верил, что они преследуют настоящего ликантропа, и любые другие подозрения он в тот миг с преступной легкостью отбросил.

Да, агент преследовал именно ликантропа, то есть человека-волка, ведь, вопреки двусмысленным пояснениям, полученным им от капитана Синклера при поступлении в спецподразделение Скотленд-Ярда, фантастические существа он считал реальностью. Но как раз чудовище из Блэкмура оказалось ловкой подделкой, и это немного омрачало победу Клейтона.

Вот почему сейчас он уже не был так уверен, что поступил правильно, пойдя на службу в спецподразделение. Пожалуй, он все-таки поспешил, приняв предложение Синклера, но тогда его привела в восторг мысль, что перед ним откроется мир, заповедный для прочих смертных. Однако первое же "специальное" дело Клейтона свелось к погоне за деревенским оболтусом, нацепившим на себя волчьи шкуры. А еще он влюбился в женщину, которая жила в замке посреди леса.

– Знаете, как ни странно, он и сейчас внушает мне страх, – вдруг признался доктор, нарушив общее молчание.

Он встал и, расхрабрившись – вероятно, за счет выпитого, – мелкими пингвиньими шажками приблизился к шкуре.

– Погоди, Рассел, прихвати с собой на всякий случай серебряную ложечку! – посоветовал ему вдогонку Прайс, подняв вверх свою ложку.

Доктор с пьяной неуклюжестью отмахнулся от совета мясника и, потеряв равновесие, качнулся в сторону шкуры.

– Осторожно! – крикнул Синклер, быстро вскочив на ноги, словно нянька, которой поручено следить за проказами играющих в парке детишек. При этом его искусственный глаз зажужжал, подавая сигнал тревоги.

Капитан собирался доставить шкуру в Лондон и поместить в Камеру чудес, устроенную в подвалах Музея естественной истории, где его подразделение хранило вещественные доказательства, полученные при расследовании дел, которые на первый взгляд не поддавались рациональному объяснению и потому попадали в их руки. Эта шкура тоже представляла немалую ценность для истории спецподразделения, и ее следовало в целости и сохранности доставить в Камеру. Как только Синклер убедился, что доктор восстановил равновесие, а шкура не пострадала, он сразу успокоился и снисходительно улыбнулся, однако решил тоже подойти к трофею. Судья Домби сделал то же самое, за ним последовали Прайс и Харрис. Доктор Рассел пустился в научные рассуждения по поводу способов изготовления подобного наряда. Остальные, включая и Синклера, с видом примерных учеников кивали, не мешая эскулапу выплескивать на них свою эрудицию.

Во время этой импровизированной лекции оставшийся за столом Клейтон отважился поймать взгляд графини, от которой его отделяла едва ли не целая миля благородного дубового дерева. С самого первого дня и все те недели, пока длилось расследование, где бы Клейтон ни находился – в людной гостиной или в садовых лабиринтах, – он непременно искал взглядом глаза графини, которые, казалось, дожидались его целую вечность и тайна которых терзала агента по ночам, поскольку он, гордившийся своим умением мгновенно читать чужие мысли, ее мысли так и не сумел разгадать. Взгляд Валери де Бомпар мог быть как нежно обожающим, так и убийственно презрительным, а мог выдавать глубоко запрятанную муку, и причины ее были недоступны агенту. В этих глазах он тонул и сейчас, любуясь графиней, пока та с неизменной улыбкой на устах позволяла собой любоваться. Она обволакивала его колдовскими чарами – и голоса гостей звучали для агента как сквозь вату, столовая превращалась в размытые декорации, а весь мир – во что-то далекое и едва ли реальное.

Клейтон никогда не видел Валери такой прекрасной, как в тот вечер, но и такой болезненно хрупкой. Сегодня в ее наряде черное сочеталось с серебром. Ослепительно белая шея, черный бархатный корсаж, благодаря которому дивная грудь казалась еще выше, и черные же длинные сафьяновые перчатки, серебристая, расшитая созвездиями крошечных бриллиантов юбка, падавшая вниз пышными складками… Клейтон подумал, что, хотя никто не знает ее

возраста, сейчас, освещенная неровным пламенем свечей, она была как никогда похожа на девочку, на капризную девочку-королеву, которой трон и голубая кровь уже сами по себе дают право на жестокость. Тут он заметил, что слишком сильно сжимает свой бокал и легко может раздавить его или совершить еще большую глупость – скажем, вспрыгнуть на стол и, подчинившись волне смутного желания, бегом кинуться к этой женщине. Он отвел взор от графини – и мир тотчас снова обрел и подвижность, и звук, и грубую материальность.

– Честно признаюсь, чем больше я изучаю этот наряд, тем больше он меня восхищает, – услышал Клейтон слова доктора. – Исключительная работа, господа. Поглядите сами, как прекрасно обработан мех, какой он мягкий и податливый. – Рассел наклонился и обнюхал одну из лап. – Я бы сказал, что шкуры были обработаны белым мышьяком с известью, как это делалось в старину.

Мясник, которому наскучили объяснения доктора, тряхнул головой, фыркнул и высказал свое мнение:

– Все понятно, доктор, но остаются загадкой другие вопросы: как человек вроде Холлистера сумел это изготовить и, главное, зачем ему понадобилось убивать тех троих? К сожалению, сам он уже никогда на такие вопросы не ответит. – Прайс повернулся к Клейтону: – Но вы обещали нам сделать это за него, и мы просто сгораем от нетерпения…

– А я с большим удовольствием выполню свое обещание. – Клейтон улыбнулся, понимая, что настал миг, которого он ждал в течение всего ужина.

Он медленно встал, стараясь не смотреть на графиню, обвел взглядом гостей, по-прежнему стоявших вокруг шкуры, словно позируя для фотографии.

– Думаю, вы бы предпочли, чтобы я начал с первого вопроса: как такой неотесанный парень, как Холлистер, мог изготовить подобное чудо? Ответ весьма прост, господа: он обучился ремеслу таксидермиста. Вам известно, что, раскрыв тайну человека-волка, мы с капитаном Синклером произвели обыск в хибаре Холлистера и нашли там учебники по таксидермии, бестиарии с рисунками ликантропов и всевозможные препараты, а также инструменты, необходимые для изготовления чучел животных. Но тут, естественно, возникает следующий вопрос: зачем было выбирать столь сложный способ убийства, если существуют куда более простые? – Клейтон заложил руки за спину и как-то даже досадливо скривил губы, словно не находя ответа на им же самим поставленный вопрос. Синклер незаметно ухмыльнулся: оказывается, его ученик испытывает слабость к театральным эффектам. – Остановимся на минуту и припомним, что мы знаем о характере Холлистера. Пока он не нашел свою смерть на дне оврага, вы все считали его безобидным неотесанным парнем. Правда, ему достало ума, чтобы понять, что судьба обошла его своими милостями, и он, выпив лишнего, всегда с обидой жаловался на это. Ему пришлось бросить школу, поскольку родители умерли, когда он был совсем мальчишкой, и оставили сыну только кучу долгов да ферму на каменистом куске земли, где он и гнул спину все это время. А еще он был на удивление привлекательным с виду, однако, к несчастью, ни одна из девушек, за которыми он пытался ухаживать – а все они были из зажиточных семей, – не ответила ему взаимностью. Неудачливый бедняга, насколько можно судить, всегда метил слишком высоко. А теперь посмотрим на тех, кто стал его жертвами. Что общего было у Андерсона, Пери и Дальтона? Да то, что их земли граничили с землей Холлистера, но, в отличие от нее, считались плодородными. Естественно, я учел этот факт. И быстро выяснил, что Холлистер, мечтая поправить свои дела, пытался купить участки соседей, но те неизменно отвечали ему отказом. Мало того, еще старый Холлистер задолжал двоим из них, и теперь они требовали уплаты долга и грозили, что отнимут у парня дом. Наверное, именно тогда Холлистер и разработал свой хитроумный план. Блестящий, на мой взгляд, план: он убьет этих безмозглых соседей, но так, чтобы никто не заподозрил в преступлении его самого. Мало того, родственники убитых поспешат за бесценок продать ему ставшие обузой земли. Почему? Потому что земли эти будут считаться про2клятыми. Потому что там начал появляться ужас-

ный зверь, который забирает по одной жизни с приходом каждой полной луны. Но понятно ведь, что превратиться в настоящего человека-волка было не во власти Холлистера, и тогда он изготовил такой наряд – изготовил собственноручно, чтобы сохранить дело в полной тайне. Вот как получилось, леди и джентльмены, что бедный, но честный Том Холлистер превратился в человека-волка из Блэкмура.

В зале повисло восхищенное молчание. Даже Синклер, заранее знавший, о чем станет говорить его ученик, казалось, был под впечатлением от речи агента. Довольный произведенным эффектом, Клейтон посмотрел в глаза графине, и ему почудилось, что в них полыхнуло странное пламя.

– Превосходно, агент Клейтон. – Графиня улыбнулась. – Ваш рассказ оказался не только умным, но и увлекательным. Не сомневаюсь, что вас ожидает великое будущее в Скотленд-Ярде.

Клейтон легким поклоном поблагодарил ее за лестные слова. Он предпочел ничего не добавлять, чтобы не нарушить волшебной атмосферы всеобщего восхищения, окружавшей его сегодня. В то же время он прикидывал, удалось ли ему произвести должное впечатление на графиню. Агент никогда не имел дела с подобными женщинами и к тому же не был обучен даже самым простым правилам галантного обхождения. В конце концов, он был всего лишь рядовым полицейским – а этого, пожалуй, слишком мало для нее, и еще он был слишком молодым, слишком необразованным и – это уж вне всякого сомнения – слишком влюбленным. Короче говоря, Клейтон не понимал, можно ли такую женщину покорить острым умом и что она вообще ждет от человека вроде него. Единственной ночи любви, спасения от одиночества?.. Или он всего лишь каприз экстравагантной дамы? Клейтон надеялся на большее. Но что толку гадать? Уже очень скоро те обещания, которыми Валери де Бомпар напитала воздух вокруг него, либо станут реальностью, либо навсегда растают, поскольку дело, приведшее его сюда, закончено. Они поймали человека-волка, и завтра утром их экипаж помчится в сторону Лондона… Хотя не исключено, что поедет туда только один из полицейских. Все будет зависеть от того, как развернутся события после ужина.

Клейтон охотно растянул бы этот миг на целую вечность – так и глядел бы в глаза графини, ловя в ее улыбке обещание счастья, в реальность которого никогда прежде не верил. Но тут служанки, видно дожидавшиеся за дверью конца его речи, появились в зале с подносами, уставленными ликерами, сладостями, фруктами и блюдами с сыром. Агент наблюдал, как они расставляют все это на столе, и старался скрыть досаду. Гости двинулись к своим местам – их, скорее всего, больше поразили поданные на десерт роскошные угощения, нежели блестящий рассказ, которому они только что с таким восторгом аплодировали. И Клейтон, осознав, что гора сладостей одержала над ним победу, тоже пошел к столу. Проходя мимо портрета Валери, он не удержался и бросил на него полный отчаяния взгляд. Но едва агент положил руки на спинку своего стула, как что-то вспыхнуло у него в памяти, заставив опять повернуться к портрету. В два прыжка он оказался перед полотном, нисколько не заботясь о том, что такой внезапный интерес мог удивить и графиню, и ее гостей. Окружающий мир словно накрыло сотканным из тумана саваном. Остались только агент Клейтон и портрет.

За его спиной продолжали звенеть тарелки и бокалы, а он старательно, сантиметр за сантиметром, изучал картину, на которой Валери де Бомпар была изображена во всем блеске своей красоты. Она стояла рядом с большим столом, где в идеальном порядке лежали книги и свитки. Когда Синклер с Клейтоном только прибыли в замок и осматривали его, капитан удостоил портрет витиеватых похвал, а графиня сообщила, что написал его покойный граф де Бомпар, человек, как выходило, сведущий во многих вещах, в том числе и наделенный талантом живописца. Фоном он сделал огромные книжные шкафы, чьи верхние полки терялись в тени под самым потолком. В шкафах толстые тома и книги в роскошных переплетах соседствовали с разнообразными приборами, такими странными и необычными, что Клейтон не все

смог опознать. Позолоченный телескоп, различные колбы, бутылки и воронки, расставленные по размерам и формам, человеческий череп, большая желтая сфера и… Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что стояло на третьей полке рядом с черепом. И когда он понял, словно ледяная волна накрыла его с головой, словно змеиный яд распространился по всему его телу, а в мозгу стал все ярче и ярче разгораться свет догадки.

Служанки уже покинули зал, и Клейтон, возвращаясь к столу, чувствовал, как после внезапного открытия мысли вихрем закрутились в его голове. Когда он садился, колени у него дрожали. Еще не так давно все детали вроде бы соединялись во вполне очевидную картину, теперь же словно мощный удар кулака нарушил былую связность, и Клейтон мысленным взором с изумлением наблюдал, как те же детали начали складываться совершенно иным манером. И едва первые из них заняли свои новые места, стало легко домыслить и остальное. Агент откинулся на спинку стула и постарался успокоиться, хотя каждый следующий вывод острой болью отзывался у него внутри. Когда же все части головоломки соединились, он не мог не признать, что нынешний их порядок имел куда больше смысла, нежели предыдущий. Клейтона охватили оторопь и страх, едва до него дошло, насколько это меняло ситуацию. Точнее всего состояние агента сейчас выразил бы истерический смех, но он сумел взять себя в руки и сделал большой глоток из бокала. Вино как будто помогло ему окончательно овладеть собой. Агент пару раз глубоко вдохнул. Нельзя терять рассудок, сказал он себе. Надо принять как данность то, что обнаружилось мгновение назад, и дальше действовать соответствующим образом.

К счастью, гости по-прежнему были заняты обсуждением прекрасного ужина и не обращали внимания на Клейтона. Он незаметно утер пот со лба и даже сумел изобразить улыбку, притворившись, будто следит за общей беседой, и стараясь ни с кем не пересекаться взглядом, особенно с графиней. Когда Валери показывала ему свой портрет, Клейтон видел лишь ее одну. Она затмевала все вокруг – и на картине, и в реальном мире. Но сейчас он обратил внимание на детали. Детали… Они-то и указывали, чем на самом деле должно завершиться расследование.

– Только представьте себе, сколько времени понадобилось Холлистеру на изготовление подобного облачения, – говорил между тем Прайс. – Надо было поймать волков, потом у себя дома соединить шкуры… И ведь никто ничего даже не заподозрил! Волосы дыбом встают! Я достаточно хорошо знал этого парня. Иногда он помогал мне в мясной лавке, и мы с ним не раз беседовали. Никогда бы не подумал, что… – Он не договорил фразы и лишь пожал плечами.

Все закивали, разделяя недоумение мясника. Все, кроме Клейтона. Он следил за реакцией графини. А та точно так же, как и остальные, сокрушенно качала головой, но успела поймать пристальный взгляд агента и, по своему обыкновению, не отвела глаз. Клейтону нужно было немедленно решить, как поступить с только что сделанным открытием, и еще до окончания ужина наметить план действий, но, увидев лукавую улыбку Валери, почувствовал бешенство. “Не сомневаюсь, что вас ожидает великое будущее в Скотленд-Ярде”, – сказала она, и эти слова, еще недавно так его окрылившие, теперь острыми иглами впились ему в душу.

– Люди никогда не бывают тем, чем кажутся, – сказал он, не отводя взгляда от Валери и ощущая, как закипает кровь у него в жилах. – У каждого из нас есть свои тайны, и тем не менее мы неизменно приходим в изумление, обнаружив, что у других они тоже имеются. Вы согласны со мной, графиня?

Валери по-прежнему улыбалась, но Клейтону показалось, что по лицу ее пробежала тень смущения. Это был еще не страх, нет. Но скоро появится и страх.

– Вы абсолютно правы, у всех у нас в душе есть некий тайный уголок, куда мы никогда не допускаем посторонних, – ответила она, осторожно скользнув пальцами по одной из граней бокала. – Но позвольте заметить, что существует большая разница между почти неизбежной ложью, к которой все мы прибегаем, дабы оградить свой внутренний мир, и раздвоением личности, свойственным убийце.

Клейтон, как и остальные, кивнул, но понял, что искра иронии, мелькнувшая в его взоре, не укрылась от графини.

– В любом случае есть что-то дьявольское в том, что Холлистер занялся изучением таксидермии, – заявил священник, чьи щеки покраснели от вина. – Все эти загадочные вещи у него дома… Банки с какими-то ядовитыми жидкостями, труды по алхимии, средневековые трактаты… Сразу вспоминаются старинные истории про колдунов, про договоры с нечистым. И, несмотря на то, что ужасные убийства нашли вполне реальное объяснение, я по-прежнему вижу печать лукавого на всех поступках юного Холлистера.

– Боюсь, отец Харрис, – раздался громкий и отчетливый голос капитана Синклера, – что видеть руку дьявола в этом деле – версия слишком фантастическая, даже с точки зрения нашего подразделения.

Слова его были встречены робкими смешками, но Клейтон не обратил на них внимания. Он по-прежнему сидел, откинувшись на спинку стула, и по-прежнему смотрел в глаза графине. А та явно забавлялась, хотя поведение агента наверняка разбудило ее любопытство. Как только смех затих, Валери де Бомпар обратилась к Синклеру:

– Я, капитан, придерживаюсь такого же мнения. Дьявол… Отказываюсь верить, будто то, что заставляет людей поступать вопреки свойственной им от рождения доброте, вопреки слову Божьему, как-то связано с тем козлоподобным существом, что царствует на шабаше ведьм. Сказать честно, мне всегда было трудно вообразить, что все происходит именно так, как гласят легенды. Поэтому я и считаю такой увлекательной вашу службу – наверное, захватывающе интересно изучать монстров и то, что они в себе таят, а также вскрывать истинную подоплеку мифов, их фантастическую основу. Расскажите нам про свою работу, капитан.

– Э-э… Боюсь, это невозможно, графиня, – стал отнекиваться, слегка покраснев, Синклер. – Наша работа требует конфиденциальности и…

– О, не будьте таким скрытным! Вы ведь находитесь не среди мудрецов друидов, а в Блэкмуре! Так что, пожалуйста, сделайте для нас исключение, – стала просить графиня с милой настойчивостью. – Право же, всем нам будет страшно интересно узнать, как работает ваш удивительный отдел. Скажите, обычно вы используете какие-нибудь новомодные методы или, наоборот, отправляетесь ловить вампиров с осиновыми кольями на изготовку и защищаете себя распятием и святой водой? Говорят, вампиры умеют оборачиваться летучими мышами или даже принимать вид тумана.

– И еще, как говорят, они не смеют переступить черту освященной земли, – уточнил отец Харрис.

– И якобы с рождения имеют некую отметину, например, выступающий крестец, – добавил доктор.

– И будто бы появляются на свет словно в капюшоне – часть головы у них накрыта материнской плацентой на манер тюрбана, – внес свой вклад в разговор судья, вызвав общий смех.

Когда гости отсмеялись, графиня снова заговорила тоном капризной девочки:

– Неужели все это правда, капитан? Лично мне с трудом верится, что их можно отпугнуть обычным зубчиком чеснока или что у них есть жало на кончике языка. – Язычок графини тотчас высунулся между губами.

– Ну… – Синклер прочистил горло, пытаясь скрыть волнение. – По-моему, большинство этих историй – не более чем обычное суеверие, графиня.

Все выжидательно смотрели на него, надеясь, что он скажет о столь интересном предмете хоть что-нибудь еще. Синклер обреченно хмыкнул, потом выпрямился на стуле, и агент понял, что сейчас тот состряпает этим простакам ту же лекцию, какую выслушал когда-то и сам Клейтон, поступая на службу в спецподразделение. На самом деле ученик был благодарен капитану за готовность еще больше растянуть этот бесконечный ужин. Теперь Клейтону уже не хотелось, чтобы застолье поскорее завершилось, ведь потом его ожидало мало приятного.

Вот было бы хорошо, если бы капитан проговорил до утра или, скажем, до начала следующей недели, да хоть целый месяц. И тогда у Клейтона будет достаточно времени, чтобы разобраться в собственных мыслях и решить, как поступить дальше. Пока он наверняка знал только одно: делиться с Синклером своим открытием он не станет. И сам допросит графиню – с глазу на глаз, чтобы она ответила на вопросы, от которых у него пухла голова, хотя большинство из них и не было вроде бы связано с нынешним делом.

– Как вы знаете, господа, наш отдел занимается изучением сверхъестественных явлений, всего того, что не поддается человеческому пониманию, – начал свою речь Синклер, поглаживая пальцами значок с изображением дракона, украшавший лацкан его пиджака. – К несчастью, как случилось и в вашей истории, большинство преступлений, попадающих в наши руки, на самом деле сводятся к незамысловатым трюкам. Именно это и начал сейчас осознавать агент Клейтон, правда, сынок? – Клейтону пришлось кивнуть в ответ. – Но даже те случаи, которые нам не удается объяснить, не ступив в область фантастического, доказывают, что сверхъестественные явления редко совпадают с их распространенным фольклорным толкованием. Люди-волки, кстати, могут служить тому отличным примером. Они упоминались еще в греческой мифологии, но особенно много историй о них пошло гулять только в Средние века. В наших архивах хранится немецкая газета, датированная… – Он наморщил лоб, стараясь припомнить точную дату.

– Тысяча пятьсот восемьдесят девятым годом, – словно нехотя подсказал ему Клейтон.

– Точно, да, тысяча пятьсот восемьдесят девятым. И речь там идет о детях, якобы растерзанных оборотнем в деревне Бедбург. Это самый древний из известных нам случаев, но не единственный. Таких было немало. Сотни, тысячи – и все они обогатили собой легенду о человеке-волке. Но любая легенда – не более чем реальное событие, просеянное сквозь сито народного воображения, склонного к театральной – и, на мой взгляд, тошнотворной – романтизации, которая способна до неузнаваемости исказить реальность. Благодаря таким легендам, а также сочинениям вроде “Вервольфа Вагнера” [11] или “Гюга-волка” [12], большинство людей видят в оборотне несчастного человека, ведь каждое полнолуние он против своей воли превращается в волка и вынужден совершать безжалостные убийства, так как испытывает неутолимую жажду крови. Передается из уст в уста и много других глупостей. Скажем, будто в человека-волка можно превратиться, если выпить дождевой воды, скопившейся в волчьем следе, или если носить пояс, изготовленный из волчьей шкуры, или если тебя укусит другой человек-волк. Ну, понятно, что в лживости двух первых способов вы можете легко убедиться сами. А абсурдность последнего я готов доказать вам с помощью простейших математических подсчетов: если бы оборотни, а также вампиры превращали в человека-волка всякого, кого им удалось цапнуть, года за два в мире не осталось бы нормальных людей. Посчитайте сами. Достаточно было бы укусить одну жертву в месяц, а той – тоже одну, и так далее, – и получится мой результат. А я до сих пор остаюсь человеком, и агент Клейтон тоже. – Его ученик послушно кивнул, подтверждая свою человеческую сущность. – То есть в этом зале присутствуют по крайней мере два нормальных человека, что уже вполне убедительно опровергает достоверность легенды. Элементарная логика поможет нам разобраться и с другими милыми чертами, которыми фольклор наделяет монстров. Возьмем, например, влияние луны. Это верование пришло к нам с юга Франции. Уверен, все вы согласитесь со мной, что бежать по лесу в ночь полнолуния куда легче, чем в беспросветном мраке. И вполне вероятно, что первое убийство, приписанное ликантропу, было совершено в светлую ночь исключительно по данной причине. Тем не менее о влиянии

[11] *“Вервольф Вагнер”* – роман английского писателя Джорджа У. Рейнольдса (1846), одно из первых произведений, посвященных оборотням.

[12] *“Гюг-волк”* – фантастический роман (1856) Эркмана-Шатриана (общий псевдоним двух французских писателей, Александра Шатриана и Эмиля Эркманна, написавших многие свои произведения совместно).

луны говорилось еще в древние времена, и никто не станет отрицать ее воздействия на приливы и отливы, на климат, сельское хозяйство, да и на наше настроение, в конце концов, или…

– На некоторые недомогания у прекрасного пола, – подсказал Клейтон.

– Вот именно, на некоторые недомогания у прекрасного пола… Так вот, в том случае, если оборотни действительно существуют, мощное влияние луны на их поведение следовало бы считать наименее фантастическим из всех допущений. – Он замолчал и с насмешливой улыбкой глянул на доктора. – Что же касается серебряных пуль в качестве надежного средства против оборотней, боюсь, доктор Рассел, в нынешние времена этот способ известен только вам и мало кому еще. Возможно, когда-нибудь он тоже станет частью легенды и даже будет признан за самый надежный. Достаточно нашим писателям рассказать о нем в своих сочинениях. Хотя, честно признаюсь, разговоры о серебряной пуле настолько нелепы, что вряд ли писатели на это клюнут.

– Иначе говоря, вы утверждаете, что людей-волков не существует? – спросил Прайс, который всегда предпочитал делать простые и однозначные выводы.

– Нет, я этого не сказал, мистер Прайс, – ответил Синклер, только усугубив сомнения мясника. – И вообще никогда не рискнул бы утверждать, будто чего-то на свете не существует лишь потому, что мы не видели этого собственными глазами. Но в любом случае я уверен в одном: если бы они существовали на самом деле, то вряд ли были бы похожи на монстров, описанных в легендах, – закончил капитан свою речь и указал на шкуру, висевшую в углу зала.

“Это уж точно”, – подумал Клейтон, метнув взгляд на графиню.

И сразу же общая беседа распалась на отдельные реплики. Графиня, польщенная непомерными похвалами, которые доктор Рассел расточал каждому блюду, велела позвать кухарку миссис Пикертон, чтобы гости могли высказать свои восторги ей лично. Кухарка поблагодарила их с явным облегчением. Она-то ведь боялась, как бы за столом не сочли некоторые блюда слишком пресными, поскольку несколько месяцев тому назад какой-то варвар забрался в их кладовую и украл несколько мешков соли, и с тех пор запасы все еще не удалось восстановить. Однако гости были готовы поклясться на Библии отца Харриса, что недостатка соли не заметили – надо полагать, благодаря прежде всего исключительным талантам поварихи.

Когда миссис Пикертон покинула столовую, Клейтон опять задумался. Исчезнувшая соль… Это был последний штрих, настоящий подарок, на который он не смел и рассчитывать и который тотчас уверенно встал в нужную клеточку. Сомнений больше не осталось – агент разгадал загадку. Ему даже показалось, что присутствующие могли услышать, как громко екнуло его сердце – словно орех, раздавленный грубым сапогом.

II

Прощаясь с гостями графини, Клейтон принимал последние поздравления, хотя у него было неловкое ощущение, что они им не заслужены, зато Синклер, стоявший рядом, выслушивал их с явным удовольствием. Ученик поглядывал на капитана с грустью: тот еще не знал, что настоящее расследование только начинается. Когда приглашенные наконец покинули замок, в огромном холле у подножия помпезной мраморной лестницы продолжали стоять графиня и оба полицейских, и все трое ощущали скованность из-за внезапно наступившей тишины.

– Ну что ж, по-моему, пора идти спать, – заявил капитан. – Завтра нам надо как можно раньше тронуться в путь. Ужин был чудеснейший, графиня, как и ваше любезное согласие приютить нас под своим кровом.

– Мне это тоже доставило огромное удовольствие, капитан, – ответила Валери де Бомпар с вежливой улыбкой. – Два самых умных мужчины страны жили в моем замке! Уверяю вас, такое не забывается.

Она протянула Синклеру затянутую в перчатку руку, и тот приложился к ней с подчеркнутым целомудрием. Затем она протянула руку Клейтону, но тот даже не шелохнулся. Он молча смотрел на ее повисшую в воздухе кисть, совсем как человек, воспитанный в волчьей стае и понятия не имеющий о хороших манерах.

– Да-да, ступайте спать, капитан, – выговорил он наконец. – А мне этот вечер принес слишком много волнений, и я вряд ли сумею заснуть. Возможно, графиня согласится выпить со мной еще бокал вина.

Валери де Бомпар слегка смутилась, но через пару секунд ответила, сияя улыбкой:

– С удовольствием, агент Клейтон. У меня есть великолепный портвейн, который я храню для самых исключительных случаев.

– Ну, так сегодняшний случай действительно исключительный, – подтвердил Клейтон.

Синклеру пришлось несколько раз кашлянуть в попытке развязать узел, в который сплелись взгляды графини и агента.

– Э-э… Что ж, тогда я вас покидаю, – сказал он. – Завтра нам предстоит долгий путь и…

Но слова его, судя по всему, не достигли их слуха, и капитан, не закончив фразы, медленно зашагал вверх по лестнице, как актер, которому страшно не хочется покидать сцену в кульминационный для спектакля момент. Валери, шурша шелками, направилась в зал. Клейтон последовал за ней, но едва успел сделать пару шагов, как его остановил голос капитана:

– Агент Клейтон…

Тот глянул вверх на внушительную фигуру Синклера. Капитан наблюдал за ним сквозь плотный полумрак, с которым не могли справиться несколько висевших в холле канделябров, но не произносил ни слова. При этом красный огонек в его вставном глазу беспрестанно мигал. Неужели капитан догадался, что не все здесь идет гладко?

– Ты хорошо поработал, сынок, – наконец выдавил из себя Синклер. – Хорошо поработал… – И, резко развернувшись, двинулся в свою комнату.

Не без облегчения Клейтон следил за тем, как мрак поглотил капитана. Он с легкой грустью вспомнил советы, которые Синклер давал ему в последние дни. Да, было бы хорошо, если бы все свелось к легкомысленной и невинной интрижке. Но Синклер не имел ни малейшего понятия о том, что на самом деле должно сейчас произойти, как, впрочем, и графиня, а если честно, то не знал этого и сам Клейтон. Возможно, ему даже понадобится пистолет, подумал агент и незаметно проверил, лежит ли тот по-прежнему в кармане пиджака.

Он тяжело вздохнул и пошел в зал, по дороге столкнувшись со служанками, которые уносили последние блюда. Валери де Бомпар стояла у столика красного дерева и разливала в хрустальные бокалы обещанный портвейн. Огонь из камина тысячью искр отражался в брил-

лиантах на юбке графини, золотил ее плечи и обнаженную спину, а вино, лившееся из бутылки, превращал в жидкое золото.

– Агент Клейтон! – воскликнула она с игривым французским акцентом. – А я уж было подумала, что вам не позволили остаться и вы поднялись наверх, держась за юбку своей няньки.

Клейтон подошел к Валери, и та протянула ему бокал. Он почувствовал, что опять стоит на самом краю бездонной пропасти, и в очередной раз подумал: эта женщина красива вовсе не благодаря идеальным пропорциям в чертах лица, нет, причина тут глубже и не поддается объяснению. Валери де Бомпар красива, невероятно красива только потому, что сама решила быть такой, это было ее желание. А как уже успел убедиться Клейтон, ничто в мире не способно противостоять желанию графини.

Он взял бокал и улыбнулся со светской беспечностью:

– Юбка моей няньки… – Он представил себе Синклера в форменном платье. – Должен признаться, если бы капитан приказал мне отправляться в постель, будучи наряженным в столь же прекрасное платье, как ваше, я бы вряд ли его ослушался. Сегодня вы ослепительны, графиня.

– И это единственный комплимент, который пришел вам в голову? – насмешливо спросила она. – А я искренне надеялась услышать нечто большее от человека, наделенного воистину незаурядным умом. Кроме того, напрасно вы решили пофлиртовать со мной. Я женщина опасная. Мне казалось, вы это уже поняли.

– Опасная? – переспросил Клейтон, пытаясь скрыть тревогу. – Вот не думал…

Графиня поднесла свой бокал к бокалу Клейтона, они чокнулись, и она сделала глоток, не переставая смотреть ему в глаза.

– О, не стоит притворяться, я вижу людей насквозь.

– Я… – Клейтон смутился.

– Никогда не поверю, что вы не в курсе тех слухов, что ходят обо мне в деревне! – воскликнула она с фальшивым смешком. – Графиня де Бомпар! Француженка с темным прошлым! Авантюристка, которая вышла замуж за старого графа ради его титула и денег, а когда он исчез при самых загадочных обстоятельствах, спешно покинула родину, спасаясь от скандала и ужасных подозрений!

– А вы, получается, прекрасно знаете, что думают о вас соседи, – сказал Клейтон, не отвечая на вопрос.

– Ну разве эти люди не жестоки? Я ведь всего лишь несчастная вдова, пожелавшая в тишине и покое пережить горькие дни. Но очень скоро поняла, что этого мне не позволят, поскольку у злых наветов имеются крылья, и возведенная на меня напраслина долетела сюда раньше, чем приехала я сама… Будь они все прокляты! Первое, что сделали здешние женщины, когда я оказалась в этой чертовой деревне, чтобы вступить во владение замком мужа… Они покрепче заперли своих мужей… Можно подумать, я бы позарилась на кого-то из этих недоносков!

Клейтон никогда не слышал из женских уст подобных слов. Ну, может, еще от обитательниц бедных кварталов, но чтобы дама… Нет, разумеется, никогда. Правда, у графини это получается довольно мило, не мог не признать он. Даже ее намеренная вульгарность выглядит очаровательно. Потом Валери сделала еще глоток вина и вроде бы успокоилась.

– Нет, меня интересуют только умные мужчины. Такие, как Арман, – добавила она много мягче. – Или как вы.

Она слегка откинула голову назад, прищурилась и с неземной улыбкой стала наблюдать, какое впечатление ее слова произвели на Клейтона. А тот изо всех сил старался, чтобы лицо его оставалось бесстрастным. Графиня немного помолчала, не переставая улыбаться, словно его стойкость восхитила ее. Взгляд Валери обладал магнетической силой, и агент поспешил напомнить себе, что, как бы ни мечталось ему испытать вкус ее поцелуя, эта женщина была не

тем, чем казалась, и встреча их вряд ли закончится так уж радужно. Он отпрянул от Валери – пожалуй, резче, чем хотел, – и приблизился к картине над камином, перед которым стояли два мягких кресла. Графиня с портрета насмешливо взирала на мир, и Клейтон решил, что пора начинать:

– Расскажите мне о нем. Расскажите об Армане.

Валери, стоя у него за спиной, мягко засмеялась:

– Об Армане? Послушайте, вам еще надо учиться и учиться, как следует соблазнять даму. Просить, чтобы она говорила о другом мужчине… Это никуда не годится.

– Позвольте с вами не согласиться, графиня. Вернее всего можно судить о женщине по тем мужчинам, которые ее любили. Так что расскажите мне о нем, – потребовал он с намеренной резкостью. – Ведь это он написал ваш портрет, да? – спросил агент, не поворачивая головы.

Она молчала. Клейтон вообразил ее растерянность и порадовался, что ей сейчас не видно выражения его собственного лица. И тут он услышал голос Валери:

– Хорошо. Если вы так хотите, я расскажу о нем. Арман был мужчиной, равных которому я никогда не встречала! Справедливый и мудрый, очень мудрый. Думаю, гордость собственным умом была единственным его недостатком, если это можно назвать недостатком. Он обожал рисовать меня… – Она грустно вздохнула. – Много раз писал мои портреты. И часто повторял, что моя красота не принадлежит нашему миру и что ему выпала скромная роль сохранить ее для грядущего, что это его священный долг. – Агент слышал, как она сделала несколько шагов и остановилась рядом с ним, но продолжал смотреть только на полотно. – Однако именно этот портрет имеет для меня особое значение, так как он закончил его за несколько дней до… Ладно, вы ведь уже знаете про случившуюся трагедию. – Казалось, графиня вот-вот разрыдается.

– Он писал вас в своем кабинете? – спросил Клейтон.

– Да, это был его кабинет.

Клейтон сжал губы, испытывая разом и бешенство и досаду при воспоминании о том, с каким удивлением обнаружил, что убогая и грязная лачуга Холлистера, где так привольно чувствовали себя крысы, была приютом едва ли не ученого мудреца. Он долго не верил своим глазам, рассматривая учебники таксидермии, расставленные на полках по размерам и даже по цвету переплетов рядом с бесчисленными банками с непонятными жидкостями, рядом с инструментами грозного вида и прочими предметами. Там были щипцы, красители, ватные шарики, шкатулки, где хранились стеклянные глаза, из-за чего эти шкатулки были похожи на дьявольские бонбоньерки… Все в идеальном порядке – заповедник гармонии среди царившего вокруг хаоса.

– А какие области знаний интересовали графа де Бомпар?

– Все, – ответила Валери, не скрывая гордости, хотя ее все больше удивляли вопросы агента. – Любые области знаний и любое искусство были ему подвластны. Он был великим исследователем, ученым, далеко опередившим свое время. Пожалуй, живи он на несколько веков раньше, его объявили бы колдуном и отправили бы на костер, но, к счастью, сейчас иные времена. Сейчас всякий, кто отличается от прочих или в чем-то превосходит прочих, наказывается завистью и хулой.

– Вы любили его? – спросил агент, все еще не отваживаясь взглянуть на нее.

Графиня замялась:

– Я… глубоко им восхищалась. И была ему очень признательна за…

– Но вы любили его? – с нажимом повторил свой вопрос Клейтон.

– Я могла бы ответить, что это вас не касается, – после краткой паузы ответила Валери де Бомпар мягко, но не без нотки вызова.

– Могли бы. Однако единственное, что я хочу знать, это способны ли вы любить, – в том же тоне ответил он.

– Нет, я не любила его. Но сей факт вовсе не означает, что я не способна полюбить другого мужчину. – Графиня улыбнулась, сверкнув жемчужными зубками. – Вы должны понять, что наши с Арманом отношения никогда не были похожи на нормальные супружеские.

– Понимаю.

– Вряд ли, – возразила она. – Я была совсем юной, когда познакомилась с ним. Можно даже сказать, что я была просто дикой девчонкой, совершенно темной и необразованной. Арман зажег в моей душе огонь знания. Он воспитал меня, но не так, как воспитывают благородную барышню, а как равную себе, как воспитывают мужчину. Он научил меня всему, что знал сам. И, когда настало время, научил понимать любовь и наслаждение, потому что, как считал граф, человек, который не любит и не наслаждается, не вправе претендовать на истинное знание. Мне неведомо, почему он женился на мне, был ли он влюблен в меня или просто не признавал воспитания без науки любви, самого высшего из искусств… Так или иначе, он завершил это дело, взяв меня в жены. А вы спрашиваете, любила ли я его? Да ведь я даже не знаю, любил ли меня сам Арман! – Графиня прикусила нижнюю губу и с вызовом посмотрела на агента. – Нет, думаю, я его не любила. Хотя, наверное, то, что соединяло нас, было больше, чем любовь.

И снова в зале повисло молчание, которому они дали созреть, глядя друг другу в глаза.

– Ну вот, я рассказала вам про Армана, – наконец произнесла Валери. – И если верить вашей теории, теперь вы знаете меня лучше, чем пять минут назад. Так что говорите, кто же я такая.

– Я бы охотно пожертвовал любой частью своего тела, чтобы разгадать, кто вы такая на самом деле, графиня.

Она горько улыбнулась:

– Ну, так много я от вас не потребую. И довольно разговоров о прошлом. Об Армане. Сегодня у нас праздник, – заявила графиня, снова повеселев. Тут она заметила, что ее бокал пуст, и подошла к столику, чтобы наполнить его. – Вы даже представить себе не можете, как я благодарна вам за то, что вы разоблачили Холлистера. Ведь проклятый недоумок, нацепив на себя волчью шкуру, убивал людей именно в те вечера, когда я устраивала у себя в замке праздники. Это уже стало превращаться в дурную традицию, и помощники судьи раз за разом врывались в мой танцевальный зал, чтобы сообщить своему шефу об очередном убийстве. Они орали так, что заглушали оркестр. Про растерзанные тела… Только представьте себе! Полное отсутствие такта и вкуса. А ведь я старалась нарядиться так, чтобы мой выход выглядел триумфально – чтобы у гостей дыхание перехватило, но в итоге терпела неудачу, праздник оказывался безнадежно испорченным. Разве можно продолжать веселиться после подобных известий?! Да вы и сами могли в этом убедиться. – Графиня приблизилась к нему волнующейся походкой. – Однако, должна признаться, больше всего я сожалела, что из-за этого идиота Холлистера был прерван праздник, когда вы вроде бы набрались смелости, чтобы наконец-то пригласить меня на танец. В ту ночь он убил дорогого нам всем господина Дальтона. Хотя… Смелость так или иначе понадобилась вам – вы разобрались с убийцей и завершили расследование.

Валери выжидающе смотрела на агента. Он поднял бокал и залпом осушил его, стараясь собраться с духом, чтобы сказать то, чего она меньше всего ожидала:

– Нет, графиня, вы ошибаетесь, расследование я завершил только нынче вечером. И помог мне Арман.

Она глянула на него с интересом:

– О чем вы?

Клейтон отодвинулся от нее и подбородком указал на портрет:

– Третья полка справа. Трудно разглядеть, если не присматриваться, но у меня есть дурная привычка обращать внимание на мелочи. – Он опять указал на картину, словно приглашая

графиню присоединиться к нему. Валери подчинилась и подошла к камину, скорее озадаченная, чем заинтригованная. – Вон там, рядом с черепом. Что вы видите?

– Три мышонка водят хоровод.

Агент устало кивнул:

– Именно. Три мышонка, три чучела, их милые позы – свидетельство поразительного мастерства таксидермиста.

Графиня молчала, по-прежнему стоя к нему спиной. И Клейтон понял, что она пытается восстановить ход его мыслей с того момента, как он заметил мышат. Но дело было не только в треклятых мышатах. Разумеется, нет.

– Их трудно приметить, правда? Готов спорить, вы и сами сейчас впервые разглядели мышат. Но они там есть. И всегда были. Серенькие, стоят на задних лапках… Такие симпатичные… Но они еще и о многом говорят. Они обвиняют…

– Боюсь, я опять не понимаю, о чем вы, – заговорила она вкрадчиво и тотчас повернулась к нему.

– Разве? Не важно, я готов объяснить вам все по порядку. – Клейтон криво усмехнулся. – Помните мою речь за ужином? Так вот, забудьте все, что я тогда сказал. Выслушав меня сейчас, вы действительно поверите в то, что в Скотленд-Ярде меня ожидает великое будущее. Итак, начнем со дня нашего с вами знакомства. Помните, какая на вас была шляпа? Нет? А я отлично помню. К сожалению, я никогда ничего не забываю. Огромная шляпа с широкими полями, украшенная бабочками и чучелом маленькой ореховой сони. Тогда же капитан Синклер отметил тонкий вкус, с каким был сотворен ваш головной убор, и вы ответили, что вам его прислали из Америки. Что-то в вашем ответе меня тогда смутило. Я всегда интересовался разными областями знаний, поэтому имею некоторые представления о зоологии, хотя и остаюсь всего лишь дилетантом. Тем не менее вот что зацепило мое внимание: бабочки на шляпе относились к виду монарх, который встречается в Северной Америке. Однако *Muscardinus avellanarius*, или ореховая соня, обитает на Британских островах. Именно это меня и озадачило. – Он заложил руки за спину и стал с отсутствующим видом делать небольшие круги вокруг того места, где начал свою речь, словно забыв про графиню, про замок, да и про себя самого. Казалось, он прогуливается по лабиринту собственного мозга, где мысли аккуратно развешаны одна рядом с другой подобно только что выстиранным простыням. – Но в тот миг я не придал этой мелочи значения. Видимо, решил, что, стремясь к оригинальности, вы попросили свою модистку обновить шляпу, соединив английскую ореховую соню с американскими бабочками. Теперь-то я знаю, что денег на модисток у вас нет. В ходе расследования стало известно, как трудно вам вступить в право наследования на французские владения графа, ведь обстоятельства его исчезновения еще не прояснены. Иначе говоря, шляпу вы обновили сами… Да, вы сами изготовили чучело ореховой сони, и я уверен, что такая работа сложности для вас не представляла. Об этом нашептали мне сегодня вечером мышата с портрета. Вас учил искусству таксидермии большой мастер… И разумеется, именно вы изготовили наряд волка, которым так восхищался доктор, изготовили месяца три тому назад. Тогда-то как раз и пропала вся соль из кладовых замка – вам она понадобилась для дубления шкур. Нет нужды обыскивать подвалы, чтобы узнать, что там размещается ваша мастерская, достаточно близко от комнат для слуг – во всяком случае, они испытали на себе воздействие паров ртути или каких-то других ядовитых веществ, которые вы тогда применяли. Сами вы работали в защитной маске, но готов спорить, что руки вам уберечь не удалось, поэтому вы всегда носите перчатки. Впрочем, не станем отвлекаться. Зачем вам понадобился костюм волка? Позвольте мне ответить и на этот вопрос. Какое-то время вы, кем бы вы ни были, довольствовались домашними животными, хотя понимали, что скоро вам этого будет мало и настанет черед жителей деревни. Однако вы боялись обвинений в убийствах, что, вероятно, и случилось во Франции, откуда вам пришлось бежать. Тогда вам в голову пришла мысль вывести на сцену человека-волка – огромное чудовище, способное в клочья разорвать

свою жертву. Том Холлистер, крупный, сильный и алчный парень, добывал вам шкуры, он же прекрасно подошел на роль оборотня. Соблазнить его не составило труда, как и добиться от него признаний в своих неудачах и мечтах, а потом вы предложили Холлистеру план, который поможет ему завладеть желанными землями. Потому что тот самый план, который раньше я назвал блестящим, был задуман вами, графиня, а не беднягой Холлистером – он был всего лишь игрушкой в ваших руках. И вы – якобы в доказательство безумной любви, которой к нему воспылали, – предложили убить его соседей. Но прежде объяснили, что у вас обоих появятся несокрушимые алиби, если его увидят в лесу в обличье человека-волка в те самые ночи, когда в замке будут устраиваться праздники. – Клейтон тряхнул головой, словно и сам не мог поверить тому, как просто все складывается в единую картину. – Праздники вы всегда устраивали в ночь полнолуния и являлись на них с некоторой задержкой, якобы тщательно готовясь, чтобы предстать перед гостями в наилучшем виде. На самом деле за это время вы успевали совершить убийство, а потом возвращались в замок через потайную дверь. Когда поступали сведения о том, что нашли очередную жертву, вы ловко изображали испуг. Но главное – в это время вы были окружены многочисленными свидетелями, включая и представителей местной власти. А на последнем празднике такими свидетелями стали еще и мы с Синклером. Однако в ту ночь, когда Холлистер свалился в овраг, все пошло вопреки задуманному. Стало ясно, что, едва мы поднимем наверх тело мнимого оборотня, тайна его будет раскрыта и сразу возникнет мысль о соучастнике. Как иначе объяснить, что неотесанный парень сумел проделать столь тонкую работу? Тогда вы, пока мы доставали тело Холлистера, поспешили в его хибару и оставили там необходимые доказательства того, что шкуры обработал он сам, без посторонней помощи. Правда, привычки, приобретенные в детстве, подчас бывают сильнее инстинкта самосохранения. Вы невольно расположили все в самом строгом порядке – в том же самом, какой сегодня я увидел на картине Армана. В тщательном и в чем-то даже маниакальном порядке, типичном для ученого, который любит свои приборы и книги. И эту любовь он сумел передать ученице. Вот в чем состояла ваша ошибка, графиня. Хотя, если это послужит вам утешением, – добавил Клейтон презрительно, – скажу, что Арман мог бы гордиться вами… по крайней мере в чем-то.

Слушая его сбивчивую речь, Валери постепенно теряла свой высокомерный вид. Взгляд ее сделался диким, теперь в нем полыхал страх, близкий к безумию.

– Вряд ли, – ответила она. – Это была глупая ошибка. Арман ненавидел глупые ошибки.

– Однако сам он совершил худшую из ошибок, влюбившись в вас, – возразил Клейтон. – Как, впрочем, и я сам.

В зале вновь воцарилась тишина. Графиня пристально смотрела на агента. Она была похожа на пантеру, угодившую в капкан. И она была прекрасна в своей ярости. Весь ее вид говорил о том, что не родился еще охотник, достойный столь великолепной добычи.

– Вы своего добились. Мне и вправду хотелось произвести на вас впечатление, вызвать ваше восхищение, – продолжал Клейтон, – так что я перестал обращать внимание на внутренний голос, который все громче кричал: “Опомнись, что-то тут не сходится”. Да, вы своего добились. Я всей душой мечтал о миге, когда смогу предстать перед вами в роли героя. Поэтому и вел это простейшее дело так, словно был глух и слеп, то есть не замечал множества мелочей и странных совпадений. Вы добились того, что мною стало управлять не желание во что бы то ни стало разгадать тайну, а желание уловить в вашем взоре волнение… Но сегодня вечером пелена спала с моих глаз. И я увидел вас такой, какая вы есть.

Валери де Бомпар ничего не ответила. Она подошла к столику и дрожащей рукой налила себе в бокал вина, потом откинула назад голову и залпом выпила его. Несколько мгновений блуждала в лабиринте своих мыслей, потом с сухим стуком поставила бокал на стол, в бешенстве стянула перчатки и швырнула их к ногам Клейтона. Тут-то агент и рассмотрел ее руки, покрытые шрамами, красными пятнами и уродливыми наростами. Его это не удивило, однако он почувствовал странную боль в груди. А еще он почувствовал, как силы оставляют его. Гра-

финя де Бомпар дерзко улыбалась, пытаясь выглядеть насмешливо-высокомерной, как всегда, но по щекам ее текли слезы.

– Примите мои поздравления, агент Клейтон. Итак, вы раскрыли это дело. На сей раз и вправду раскрыли. Кроме того, я, в отличие от Холлистера, настоящая. Вы должны быть вдвойне довольны.

Агент смотрел на нее с грустью.

– Кто вы, Валери? – спросил он почти шепотом.

– Вы на самом деле хотите знать? Но я не уверена, что вы готовы услышать ответ.

– Да, скорее всего, не готов. – Клейтон вздохнул. – Хотя мне все равно нужно его услышать.

– Что ж, тогда я расскажу вам одну историю, очень красивую историю. Историю проклятия и спасения. Историю моей жизни. И, пожалуй, выслушав ее, вы сами сможете ответить на свой вопрос. – Графиня заговорила тихо, словно читала наизусть хорошо заученный урок или не совсем забытую древнюю молитву: – Однажды некий родовитый француз охотился в лесу, окружавшем его замок. Внезапно конь графа резко остановился, едва не затоптав грязную и оборванную девчонку, которая бродила среди деревьев, что-то лепеча на непонятном языке. Граф де Бомпар и его люди решили, что ее, наверное, бросили цыгане – всю предыдущую неделю где-то поблизости стоял табор. Девочку взяли в замок, так как она была страшно истощена и больна. Этой девочкой была я. Помните мои слова? Арман встретил дикую девчонку. Это не преувеличение. По мере того как я выздоравливала, граф привязывался ко мне и захотел оставить жить при себе, под своим покровительством и в качестве своей ученицы. Я плохо помню первые месяцы, проведенные в замке, и уж тем более совсем не помню свою прежнюю жизнь. Не знаю, как я попала в тот лес и действительно ли моими родителями были цыгане. Для меня не существует ничего, что было до Армана, и без него для меня не существовало бы никакого потом, поскольку я не выжила бы в лесу и не стала бы тем, чем стала. – Она замолкла, словно подыскивая нужные слова, чтобы начать вторую часть своего повествования, ту часть, услышать которую Клейтон, как она полагала, не был готов. – Арман дал мне все. Все. Кроме одной вещи – освобождения от лежавшего на мне проклятия. Это оказалось не по силам даже ему. Граф мог только разделить со мной ужасную тайну. Он был моим другом, моим товарищем и взвалил на себя долю моих страхов. Другим, подобным мне, так не повезло… Но однажды Арману пришлось уехать. Он не сказал, ни куда уезжает, ни почему, просто поклялся, что таков его долг, и просил меня не задавать ему никаких вопросов. Я подчинилась – как всегда. И осталась одна. Наедине с собой. Но когда подступила жажда, все обещания, данные супругу перед его отъездом, пошли прахом. Вы не можете себе представить, что значит быть такой, как я, и какая пытка каждый день моей жизни. На какое кошмарное одиночество обречена я в этом мире, к которому не принадлежу и который заклеймил меня страшным клеймом… Думаете, я не желаю себе смерти? Изо дня в день я всей душой призываю ее… Однако я обещала Арману, что не наложу на себя руки, что буду сопротивляться, попытаюсь отыскать способ справиться со своим проклятием. И я пыталась, поверьте. Пыталась со всей одержимостью, на какую только способна, но потерпела поражение… Поначалу я старалась выжить, убивая домашний скот и маленьких зверей, как вы верно догадались, но быстро поняла, что этим моей жажды не утолить, скоро мне понадобится совсем другое…

Клейтон смотрел на нее, не произнося ни слова, лицо его оставалось невозмутимым.

– Возможно, все было бы проще, носи я пояс из волчьей шкуры… Сожгла бы его – и все в порядке. Но, на беду, то, что делает меня такой, какая я есть, это часть меня самой, – попыталась пошутить графиня. – И все же это не я, клянусь вам. Нет, это не я. Поверьте, каждое убийство ложится тяжким камнем на мою душу.

– Если только она у вас есть, – выдавил из себя Клейтон.

– Но чего я никогда себе не прощу, так это того, что не оправдала надежд мужчины, давшего мне все, – продолжала она, словно и не заметив сарказма Клейтона, – ведь он, вопреки ужасной правде, считал меня красивой, благодаря ему я чувствовала себя не чудовищем, а существом прекрасным, да, самым прекрасным на свете… – Голос ее дрогнул, а глаза наполнились слезами. – А вы так напоминаете мне Армана… Когда я увидела вас в первый раз, мне почудилось, что я снова вижу своего мужа…

Она медленно приблизилась к Клейтону и протянула руку к его лицу. Клейтон чувствовал на спине жар от камина, но пальцы графини показались ему горячее огня. Сопротивляться у него не было сил – он позволил пальцам Валери пробежать по его щеке и легко коснуться губ.

– У вас глаза старика, старика, который смотрит на мир с далекой и неприступной сторожевой башни, пытаясь понять чужую для него жизнь. Однако… – Графиня приблизила к нему свое лицо. Клейтон вдохнул солоноватый аромат залитой слезами кожи. – Ваши губы созданы для любви.

Клейтон крепко сжал ее запястье и попытался удержать:

– Нет! Вы напрасно стараетесь, я выполню свой долг. И сдам вас властям. В наручниках отвезу в Скотленд-Ярд, а если понадобится, то и в кандалах… И да поможет вам Бог, – произнес он, стараясь выглядеть холодным, хотя чувства переполняли его. – Не стану отрицать, судьба, которая вас ждет, внушает мне ужас. Наши ученые лишат вас этих роскошных нарядов, потом крепкими ремнями привяжут к стулу и начнут исследовать словно подопытное животное. И не успокоятся, пока не узнают, что за чудовище таится у вас внутри, а потом запрут в клетку на всю оставшуюся жизнь.

Она слабо улыбнулась, как, верно, улыбается человек, вспоминая сказки, пугавшие его в детстве. Клейтон увидел совсем близко глаза графини и обнаружил, что они не совсем черные – тонкое золотое кольцо окружало каждый зрачок и делало его похожим на крохотное солнце в час затмения.

– Все, что вы сказали, правда, – услышал он ее голос, и губы графини почти коснулись его губ. – Да, я играла вами. Любой своей улыбкой старалась смутить ваш разум, но… В конце концов и сама влюбилась.

– Я не верю вам, – процедил Клейтон сквозь зубы.

По выражению лица графини можно было подумать, что она услышала забавную шутку.

– Знаете, за что вы полюбили меня, Клейтон? Исключительно за то, что никак не могли понять, за то, что я оставалась загадкой для вашего ума. Это терзает вас, смущает, лишает сна и аппетита. Вы хотите проникнуть в мою тайну, а ведь это самая глубокая форма овладения другим существом. И я тоже – впервые в жизни – почувствовала что-то похожее. – Дыхание Валери сделалась прерывистым. – Да, едва увидев вас, я ощутила неодолимую потребность понять, что таится за вашим взглядом… Я полюбила вас, Клейтон, хотите – верьте, хотите – нет. Я сопротивлялась этому чувству, но оно с каждой минутой только крепло. Такое чудовище, как я, не может позволить себе роскошь полюбить кого-то. Однако я не желаю и дальше противиться любви. Нет. Даже мне нельзя отказать в праве хотя бы раз в жизни испытать ее. Забудем на эту ночь наши роли, агент Клейтон! Ведь сейчас мы оба знаем, чего хотим. Обещаю вам, завтра утром мы снова станем самими собой, вы – агентом Скотленд-Ярда, я – вашей пленницей. Но до утра еще далеко…

Пока она говорила, Клейтон чувствовал на своем лице ее обжигающее дыхание, чувствовал нежный лесной запах ее волос, неистовое биение пульса на тонком запястье, которое он продолжал сжимать. И только потому, наверное, что у него не было сейчас другого способа удержать графиню, он сжал запястье еще сильнее. Ему хотелось причинить ей боль, ощутить, как ломаются хрупкие косточки. Графиня застонала. Но тут же ее жаркие губы скользнули по щеке Клейтона – к его губам.

– Я хочу узнать, что такое любовь, только и всего, прежде чем наступит рассвет и все это кончится… – прошептала она, и их губы встретились.

Клейтон медленно, почти бессознательно разжал пальцы и отпустил запястье графини – так ветка внезапно роняет фрукт, который оберегала в течение нескольких месяцев. И на какое-то время рука самого агента сиротливо и беспомощно повисла в воздухе – пока Валери не обняла его. И тогда, после секундного замешательства, Клейтон схватил ее за талию с такой жадностью, какой никогда не предполагал в себе. Он почувствовал внутри неведомое ему прежде мощное пламя, оно горячим потоком неслось по венам, испепеляло волю и выжигало разум. И казалось, тело его вот-вот взорвется как бочка с порохом. Отчаянно желая погасить это пламя, он прижал Валери к себе, будто хотел одолеть границу плоти и дерзко вторгнуться в мягкую глину ее души. Клейтон сознавал, что хочет овладеть Валери, утолить внезапно вспыхнувшую жажду. Графиня прервала поцелуй, и теперь ее зубки оставляли следы на его шее. Он утратил способность мыслить трезво и оторвал от себя Валери, чтобы швырнуть прямо на ковер и грубо насытить свою страсть. Но тут их глаза встретились. Ее взгляд был совсем не таким, как ожидал Клейтон. В ее глазах пылал холодный и суровый огонь, никак не соответствующий нежной податливости тела.

– И все же я не позволю вам отдать меня в руки властей, – услышал он ее голос, словно шедший откуда-то издалека. – Лучшее из творений Армана де Бомпар не должно окончить свои дни в грязной клетке. Но и убить вас я не могу, потому что люблю, как никогда в жизни никого не любила. А значит, у меня нет выбора… Простите.

Клейтон среагировал мгновенно, но все же не успел уклониться от удара. Правда, каминные щипцы, которыми вооружилась Валери, пока длился их поцелуй, ударили его по голове не так сильно, как она рассчитывала. Оглушенный, Клейтон попытался ухватиться за нее, чтобы не упасть, но лишь скользнул рукой по бедру графини, потом рухнул на колени, а потом очень медленно и с каким-то нелепым наслаждением растянулся на ковре, где за несколько секунд до того хотел овладеть ею.

III

К счастью, коварный удар не лишил Клейтона сознания, поэтому, лежа на полу, он услышал быстрые шаги Валери де Бомпар, покидавшей зал, а затем стук ее каблучков в холле. И тотчас воображение нарисовало ему следующую картину: вот она, подобрав рукой край юбки, спускается с крыльца, вот бежит к лесу, который начинается прямо за воротами замка… Если он не пустится в погоню немедленно, настичь беглянку не удастся. Собрав все силы, агент оперся ладонями о пол и стал подниматься. Голова у него так кружилась, что пришлось еще несколько секунд простоять на четвереньках, сильно наклонившись вперед, словно он молился неведомому древнему идолу. Наконец Клейтон сумел встать на ноги и, хватаясь за мебель, вышел в холл.

Дверь замка напоминала широко разинутую пасть, жадно вдыхавшую волшебные запахи ночи. Клейтон миновал порог и, по мере того как свежий ночной ветер проветривал ему мозги, шагал все решительнее. На широкой лестнице он с изумлением увидел туфли графини, тут же валялись ее драгоценности. Агенту подумалось, что вряд ли это было частью некой эротической игры; такое поведение скорее внушило ему сильную тревогу. Ночь стояла холодная и темная, но времени возвращаться за пальто не было. Клейтон схватил один из фонарей, освещавших подножие лестницы, и ринулся в лес, ориентируясь по следам, оставленным на земле босыми ногами Валери.

Сколько Клейтон успел пройти, сказать трудно. Он дрожал от холода, но голова его пылала, особенно в том месте, куда пришелся предательский удар. Взор порой затягивало туманом, и тогда агент прислонялся к дереву и ждал, пока зрение восстановится. И опять пускался в погоню, сжав зубы, напрягая все чувства, ловя любой шорох. Ветер, как смычок огромной скрипки, касаясь ветвей, заставлял их жалобно постанывать. Мрак колыхался вокруг, будто вознамерился поплотнее укутать Клейтона. Вдруг он заметил на земле что-то вроде темной лужи, в которой отражались звезды. Посветив на лужу фонарем, агент понял, что это расшитая бриллиантами юбка графини. Он опустился на колени и бережно взял юбку в руки: тонкая ткань до сих пор хранила тепло и запах Валери. А еще он увидел, что юбка в нескольких местах разодрана, словно ее срывали с тела в страшной спешке. Агент встал и осмотрелся. Страх холодным мохом начал расползаться по всему его телу.

Клейтон двинулся дальше, стараясь не терять присутствия духа. Вскоре он заметил: женские следы стали постепенно обретать необычную форму, а расстояние между ними с каждым разом делалось все больше и больше. Он даже подумал было, что свернул не туда, но через несколько метров след опять появился, чтобы потом снова исчезнуть. Однако Клейтон продолжал идти вперед, теперь уже полагаясь в основном на интуицию. Время от времени он видел на тропинке одинокий след, уже и вовсе не похожий на человеческий, или встречал дерево с обломанными ветками. Все это наводило на разного рода догадки, но он предпочел не поддаваться соблазну и по мере возможности сохранять здравый взгляд на вещи. Клейтон узнал тропу, по которой убегала графиня, и почувствовал, как сердце перевернулось в груди. Именно здесь две ночи тому назад агент промчался вместе с другими жителями деревни… Дорога вела к оврагу, где нашел смерть Том Холлистер.

Клейтон снова увидел себя во главе группы преследователей… Снова почувствовал опьянение погоней, а еще опьянение от фантастической мысли, что они вот-вот поймают настоящего человека-волка. Теперь все обстояло иначе. Он шел по проклятому лесу один и казался сам себе ужасно беззащитным среди деревьев, которые словно о чем-то шептались между собой, строя против него злые козни. И тут невыносимая тоска обрушилась на Клейтона – он понял, что за минувший вечер знакомый мир растаял как дым. Потеря была невероятной, чудовищной, и от этой мысли у него перехватило дыхание. Но вопреки всему агент продолжал

как сомнамбула двигаться вперед, хотя и твердо знал, что этот путь никогда не приведет его туда, куда он больше всего хотел бы попасть – в прошлое, в благословенное и рациональное прошлое, а точнее, в тот день, когда легендарный капитан Синклер предложил ему поступить на службу в его спецподразделение. Окажись Клейтон снова в прошлом, он отверг бы предложение капитана, ответил бы, небрежно махнув рукой, что это совершенно его не интересует, что он предпочитает по-прежнему жить в банальном, зато уютном мире, чьи законы ему так хорошо известны и где фантастические существа никогда не рискнут соскочить со страниц бестиариев… Но вернуться в прошлое еще никому не удавалось, обреченно признал агент. Сейчас он должен преследовать Валери де Бомпар, чтобы до конца доиграть свою роль в той безумной пьесе, в которой ему выпало участвовать.

Машинально Клейтон начал свободной рукой теребить висевший у него на шее ключ с крылышками ангела и нервно поглаживать его. Это был ключ от Камеры чудес, и, с тех пор как Клейтону его доверили, ключ превратился для агента в своего рода талисман, в символ сверхъестественного мира, который прятался в некой складке реальности, символ того мира, куда, судя по всему, Клейтон сейчас и направлялся. Однако там ему наверняка предстояло познать вещи, к которым он не был готов. Вещи, способные навсегда сломать человека.

Стараясь заставить себя снова рассуждать с присущей ему логикой, Клейтон пытался понять, с какой целью ведет его Валери де Бомпар к оврагу. Потому что было совершенно очевидно, что графиня сознательно ведет его туда, куда ей хочется, как она привыкла поступать всегда и со всеми. А он подчинялся ее воле, поскольку у него не было выбора. Как всегда, у него не было выбора.

Вдруг долгий и печальный вой прорезал ночную темень. Вой доносился со стороны оврага. Клейтон выхватил из кармана пистолет и бросился туда, держа высоко перед собой фонарь, который вспарывал завесу мрака. Тяжело дыша, агент добежал до маленькой полянки у самого обрыва. Там он увидел все те же странные следы. Казалось, они приближались к опасному краю – но потом исчезали. Агент поставил фонарь на землю, собрался с духом и подошел к обрыву. Трудно было заставить себя посмотреть вниз, поскольку его мысленный взор уже видел прекрасное тело Валери де Бомпар, разбившееся при падении. Правда, Клейтон и сам не знал, худшая ли это картина из всех возможных. Но дно оврага было затянуто непроглядной чернотой, и разглядеть ничего не удавалось. Все же он еще несколько секунд упрямо всматривался непонятно куда, чувствуя, как его насквозь продувают порывы ледяного ветра, летящие снизу. Клейтон отошел на несколько метров от края и тотчас услышал за спиной мягкое урчание, настолько тихое, что он решил, будто оно ему пригрезилось. Теперь страх расползался по всему телу, словно полчища муравьев. Он начал медленно поворачиваться, чуть приподняв пистолет, и все никак не желал поверить, что ему на самом деле угрожает опасность. С небольшого каменистого холма на него взирала огромная как сфинкс волчица. Шерсть ее при свете луны отливала мягким золотом.

– Валери?.. – вырвалось у него.

Волчица слегка наклонила голову и снова тихо заурчала, точно смеясь над Клейтоном. И вдруг агент явственно ощутил тяжесть пистолета у себя в руке. Он почти с изумлением осознал, что вооружен, что этот холодный металлический предмет был изобретен людьми специально для того, чтобы лишать жизни врагов и защищать свою собственную. Тем не менее он не мог заставить себя прицелиться в волчицу. Он выжидал, и несколько бесконечных секунд человек и зверь молча смотрели друг на друга, как еще совсем недавно, в замке, смотрели друг на друга полицейский и графиня, разделенные длинным дубовым столом. Но тут волчица раскрыла пасть и бросилась на агента, а он под ее тяжестью рухнул на землю. Удар был настолько сильным, что у Клейтона перехватило дыхание и он выронил пистолет – тот выскочил из руки как живой. И сразу же Клейтон почувствовал у себя на горле острые клыки, готовые превратиться в смертоносный капкан. Агент не шелохнулся. Зверь медлил, словно давая человеку

понять, что тот зависит от его милости – вернее, от одного движения волчьих челюстей. Но вдруг волчица отпустила его…

Клейтон выдохнул, до конца не веря, что жив. Разве такое возможно? А еще он не мог понять, что за теплая жидкость ручьями течет у него из шеи – кровь или обычный пот, но сейчас это было ему не особенно важно. Агент слегка приподнялся. Зверь следил за ним с расстояния в несколько метров, готовясь к новому прыжку. Полицейский молча смотрел на волчицу. Он никак не мог унять дрожь, и ему было стыдно. Неужели эта волчица, которая рычала как волчица, пахла как волчица и двигалась как волчица… и есть его Валери? Какая-то часть рассудка отказывалась принять подобную нелепость – возможно, потому, что принять ее значило бы рухнуть в еще более глубокую пропасть, в пропасть безумия. Однако у другой части рассудка, обученной соединять детали в нужном порядке, ни капли сомнений не оставалось.

Краем глаза Клейтон заметил пистолет – он лежал совсем рядом, и агент начал прикидывать свои шансы. Если удастся очень быстро повернуться на бок, а затем сделать полный перекат, можно будет, пожалуй, дотянуться до пистолета, прежде чем волчица прыгнет. Неужели она ждет именно этого? Он не успел ответить на свой вопрос – волчица зарычала и золотистой молнией метнулась вперед. Агент непроизвольно выбросил правую руку в сторону пистолета, а другую, так же непроизвольно, поднял вверх, чтобы защититься от атаки. Пальцы правой руки нащупали рукоятку пистолета, и в тот же миг зубы зверя вонзились в его левое предплечье. Превозмогая дикую боль, Клейтон приставил дуло к огромной голове волчицы, но не выстрелил, хотя и продолжал держать палец на спусковом крючке. И опять человек и зверь, замерев, смотрели друг другу в глаза – казалось, плотина из камней и веток перегородила течение времени. Теперь Клейтон смог различить тонкие золотые колечки, окружавшие зрачки волчицы, похожие на два крошечных солнца в час затмения. А еще ему почудилась мольба в ее глазах. Но на сей раз он не подчинится чужой воле. На сей раз – нет.

Не убирая пистолета от головы зверя, он увидел, как рукав пиджака быстро пропитывается кровью. Боль была острой, но терпимой. Волчица, похоже, тоже поняла это и глубже вонзила клыки в человечью плоть. Клейтон стиснул зубы, чтобы не закричать, но один стон все же у него вырвался. Однако он все равно не стрелял, потому что не хотел, чтобы победа осталась за ней. Тут послышался хруст костей, и боль мощной волной понесла Клейтона туда, где выключается сознание. Но он по-прежнему не стрелял. А дальше действовал уже не он, а инстинкт самосохранения. Агент услышал выстрел – сухой, резкий щелчок, – и придавившее его волчье тело соскользнуло на землю, как тело любовника после счастливого поединка.

– Нет… – прошептал он.

Клейтон не мог отвести глаз от лежавшей перед ним волчицы, хотя ужасная боль паутиной раскаленных нитей расползалась по всему его телу. Сквозь застилавший разум туман до него дошло, что рана по-настоящему серьезная. Из последних сил агент приподнялся, чтобы осмотреть свою левую руку. Но никакой руки не было, была жалкая культя, откуда свисали обрывки сухожилий и лилась кровь. А рука валялась на земле в нескольких метрах от него, как что-то уже никому не нужное и не имевшее отношения к его телу. Подавив приступ тошноты, Клейтон переводил взгляд с кровавой культи на заблудившуюся руку и обратно. Такое разделение казалось агенту до нелепости неправильным и противоестественным, ведь рука все же принадлежала ему и еще недавно была частью его самого.

Потом он попытался зажать рану здоровой рукой и долго смотрел на освещенную фонарем волчицу. Ее передние лапы были лишены шерсти и покрыты шрамами. С правой стороны из виска текла струйка крови, а взгляд утратил непостижимо загадочный и насмешливый блеск. Теперь в ее глазах отражалась лишь самая что ни на есть настоящая и необратимая смерть.

– Вы добились своего, правда, графиня? Вы добились того, чего хотели… – услышал он собственный голос, так и не поняв, доволен он своим поступком или корит себя за него.

Что ж, графине де Бомпар всегда и все удавалось сделать по-своему, подумал он с горечью. Она нашла способ уйти из жизни, не нарушив клятвы, данной мужу. И ей не было никакого дела до того, что отныне Клейтону суждено жить с бременем этой вины.

Его душило бешенство, но он не мог не признать: там, в замке, после удара каминными щипцами она сказала, что у нее нет выбора – и была права. Вряд ли они нашли бы спасение в своей любви. Какая жизнь ожидала бы их? Неужели он как ни в чем не бывало улыбался бы ей, видя, как ночью она возвращается в разорванном платье, с довольным взглядом человека, утолившего внутреннюю жажду? Неужели не дрожали бы у него за завтраком руки при чтении газеты, где сообщалось об очередном жестоком убийстве? Неужели сумел бы он притворяться, что между кровавыми жертвами и его любимой женщиной нет никакой связи? Разумеется, к этому Клейтон не был готов. Наверное, к этому не был готов и Арман де Бомпар. Наверное, потому тот и покинул жену, едва окончательно понял, что при всей своей мудрости видит лишь один способ справиться с ее страшным недугом. Но Арман слишком любил Валери, чтобы сделать то, что теперь сделал Клейтон.

Агент издал жуткий вопль, собрав в нем всю свою боль, чтобы вонзить ее в сердце ночи. Он кричал и кричал, пока силы не оставили его. И только тогда стал как-то вяло прокручивать в голове мысль о самоубийстве. Достаточно было поднять пистолет к виску и нажать на спусковой крючок. Да, еще раз нажать на спусковой крючок. А потом его тело останется лежать рядом с телом Валери – два тела, человека и зверя, окутанные мраком, и никто никогда не сумеет разгадать их тайну. Но вместо этого он начал стягивать с себя пиджак, чтобы соорудить что-то вроде жгута и остановить кровотечение, хотя в этом было не больше смысла, чем во всем остальном, что он делал в ту ночь. Он сам не знал, почему не дал себе умереть, если жизнь, которую ему предстояло прожить, была ему не нужна, если она виделась ему пыткой, чередой дней и лет, заполненных лишь мечтами о Валери де Бомпар. И тем не менее Клейтон оторвал лоскут от пиджака и крепко затянул повязку на культе.

Он вспомнил, как той же ночью, совсем еще недавно, сказал графине, что отдал бы часть своего тела за возможность понять, кто она такая. Клейтон горько усмехнулся. Теперь он это знал. Теперь он знал, кем была Валери де Бомпар. И главное, подумал он, глянув на культю, знал, какую именно часть тела пришлось отдать за знание, способное навсегда сломать человека.

IV

В конце концов ему изготовили левую руку из дерева и металла. Это было искуснейшее изделие, оснащенное крюками, отвертками и тонкими бронзовыми палочками – они тянулись от запястья к фалангам пальцев, давая им способность двигаться. Рука была снабжена самым современным механизмом, который реагировал на сокращение мускулов и обеспечивал подвижность протеза. Искусственную руку подарила Клейтону ее величество королева. Личный хирург королевы, а также знаменитый оружейный мастер и один из лучших специалистов по программам для роботов, живший в Праге, объединили свои усилия и трудились над протезом вместе с учеными из спецподразделения Скотленд-Ярда, чтобы не позволить самому многообещающему ученику капитана Синклера превратиться в беспомощного калеку. Ошеломленный Клейтон поблагодарил королеву со всей учтивостью, на какую был способен: после нескольких дней тренировок он сумел-таки мягко взять монаршую ручку своим новеньким протезом и коснуться ее поцелуем. Хотя, конечно, трудно было назвать то, что у него получилось, по-настоящему изысканным жестом, поскольку металлическая рука все же служила ему не так надежно, как настоящая.

Да и в дальнейшем он не слишком преуспел в обращении с протезом, в чем сам с горечью убеждался всякий раз, когда приходилось выполнять даже самую пустяковую каждодневную работу. Вот и сейчас, к примеру, агент обнаружил, что искусственная рука никак не желает помогать ему опечатать окно. “Нужно набраться терпения, – подумал Клейтон и вздохнул, – со временем я научусь владеть ею как настоящей. Если побольше тренироваться, протез скоро сможет запросто удержать кувшин, не разбив его, или коснуться руки королевы, не сломав ей парочку пальцев”. Протез ведь изготовили чуть больше семи месяцев назад – именно семь месяцев назад графиня де Бомпар лишила Клейтона руки, искалечив при этом отнюдь не только его тело.

– С вами все в порядке, агент? – спросил Синклер, заметив, что тот потерянно уставился на окно, которое только что с таким трудом опечатал.

– Э-э… да, капитан, все в порядке… Я все-таки сумел это сделать.

Синклер кивнул, потом с довольным видом подошел к окну и в качестве представителя комиссии по изучению спиритизма поставил свою витиеватую подпись на полоске бумаги с печатью. Затем мотнул головой, подавая агенту знак, и оба направились в центр просторного зала, где их ждали остальные члены комиссии, которым этим вечером предстояло присутствовать на спиритическом сеансе Янтарной Леди.

– Что ж, все готово, и теперь мы сможем следить за развитием событий в оптимальных условиях и вынести объективное суждение об их подлинности, – объявил Синклер, бросив строгий взгляд на членов комиссии, состав которой был довольно пестрым. – Как вам известно, сэр Генри Бленделл, архитектор ее величества, чьи высокие моральные качества не подлежат сомнению, создатель грандиозных тайных переходов и знаменитой мебели с секретом, самым тщательным образом проверил жилище Янтарной Леди и особенно дотошно – вот этот зал, где и будет проходить сеанс. В итоге он подписал документ, который удостоверяет, что в доме не обнаружено механических приспособлений, обычно помогающих обмануть публику. В зале, как и в прочих помещениях, нет потайных люков и пружин, нет мебели с двойным дном и раздвижных панелей. Что касается стола, то под столешницей нет подвижных крюков и чего-либо в том же роде, способного поднимать ее. Мы с агентом Клейтоном, со своей стороны, опечатали камин и оба окна. Кроме того, прикрепили колокольчики по низу портьер, а пол посыпали опилками – на случай, если что-то укрылось от глаз сэра Генри Бленделла или от наших собственных глаз. Доктор Рэмси и профессор Крукс, здесь присутствующие, расставили в зале свою аппаратуру: термометры, измерители освещенности и прибор инфракрасного излу-

чения. Ко всему этому мы добавили фонограф, на который будет записываться сеанс, затем цилиндр с записью мы отправим на хранение в наш архив, чтобы позднее можно было с ней работать по мере возникновения такой необходимости… В общем, я не сильно преувеличу, если заверю вас, что никогда раньше место проведения спиритического сеанса не было столь основательно проверено, как теперь. Итак, если сегодня вечером некий дух вздумает здесь материализоваться, сомнений в его подлинности возникнуть не должно.

В ответ члены комиссии одобрительно закивали головами, а у кого-то даже вырвался нервный смешок.

– Отлично. Осталось только дамам осмотреть Янтарную Леди, и можно начинать, – подвел итог Синклер, бросив взгляд на ширму в углу зала.

Ширма изумительной японской работы, изготовленная из красного дерева и бамбука, имела метров пять-шесть в длину. Она состояла из четырех створок, затянутых шелком с вышитыми по нему пейзажами, которые соответствовали четырем временам года. Однако мужчины, входившие в комиссию, поглядывали на ширму отнюдь не для того, чтобы полюбоваться ее волшебной красотой. Их привлекал доносившийся из-за створок и волнующий воображение шелест шелков, ибо там сейчас происходило нечто, чем им редко доводится задаром тешить свой взор: две дамы, члены комиссии, раздевали Янтарную Леди. Сквозь решетчатую планку над полом были видны маленькие бледные ноги медиума, они словно мышки-альбиносы мелькали между тяжелыми туфлями женщин, проводивших осмотр.

Клейтон тоже глядел в сторону ширмы, но и он вряд ли отдавал должное дивной работе японских мастеров, правда, совсем по иной причине. На самом деле мысли агента были заняты другим: он воображал, как его голос, разоблачающий Янтарную Леди, будет запечатлен фонографом. Клейтон все еще не свыкся с тем поразительным фактом, что сказанное им может сохраниться на долгие времена, то есть останется жить на покрытой парафином бумаге, пока сам он будет меняться и в конце концов превратится в пожилого мужчину, имеющего мало общего с нынешним молодым человеком. Надо только не забыть хорошо прочистить горло и произносить обвинительную речь громко и отчетливо, как на сцене, подумал Клейтон, ведь чудесный цилиндр подарит его словам скромное бессмертие. А в том, что он выведет Янтарную Леди на чистую воду, у агента сомнений не было.

Сам Клейтон считал, что ему не слишком прилично находиться здесь с указанной целью, однако в высоких министерских кабинетах кто-то придерживался иного мнения. Короче говоря, капитану Синклеру и его лучшему агенту из специального подразделения Скотленд-Ярда настоятельно порекомендовали войти в состав комиссии.

С тех пор как в 1848 году сестры Фокс[13] в американском городке Гайдсвилле установили контакт с неким духом, использовав простейший способ, то есть с помощью шумов и стуков, планету охватила настоящая эпидемия. И в середине XIX века едва ли случался званый вечер, на котором после ужина гости не торопились бы освободить стол, чтобы попытаться установить связь с умершими.

Именно в те времена, как прочитал Клейтон в *Yorkshireman,* вошло в обычай приглашать гостей “на чай и верчение стола”. Беседы с покойными превратились в новомодную забаву, которая произвела фурор в Соединенных Штатах. В шестидесятые годы поветрие дошло и до британских берегов – как раз тогда в Англии решил обосноваться медиум Дэниэл Дуглас Хьюм[14], приехавший туда лечиться от легочного заболевания. Хьюма считали самым сильным

[13] *Сестры Фокс* – Кейт (1837–1892), Маргарет (1833–1893) и Лия (1814–1890); три сестры из города Гайдсвилла, штат Нью-Йорк, сыгравшие ключевую роль в становлении и развитии спиритизма.

[14] *Дэниэл Дуглас Хьюм* (1833–1886) – шотландский медиум; в числе близких знакомых и почитателей Хьюма были европейские монархи и члены их семей; огромный успех имели сеансы Хьюма в России, участие в них приняли члены царской семьи и сам Александр II.

медиумом за всю мировую историю. О нем рассказывали много чудес: сначала его колыбель частенько качал дух-покровитель, оберегая ночной покой младенца, а дух умершей матери явился ему, чтобы предупредить о скорой смерти. Тетка, взявшая на себя заботу о мальчике, выгнала Дугласа из дома, так как решила, что в него вселился дьявол. И с тех пор он скитался по разным городам, а его медиумические способности между тем развивались. Когда Хьюм добрался до Англии, это был уже стройный, бледный юноша с изящными манерами, чьи возможности поражали воображение: он заставлял звенеть колокольчики, не дотрагиваясь до них, силой мысли поднимал тяжелую мебель, которую едва могли сдвинуть с места пять или шесть мужчин. Во время своих сеансов он даже левитировал, ставя карандашом отметину на потолке, чтобы доказать присутствующим, что глаза их не обманывают. “А сейчас я прикажу духу принести букетик фиалок, который стоит на рояле”, – говорил он, откидывая голову на спинку кресла. И тотчас букет приходил в движение, плыл над головами участников сеанса и медленно падал ему на колени. Стоит ли удивляться, что с тех пор как Хьюм поразил мир своими чудесами, число медиумов стало расти из года в год. Только в Лондоне их насчитывалось более сотни – это были особого рода перевозчики душ, готовые без лодок перевозить живых на другой берег, чтобы те могли побеседовать с умершими. Правда, брали они за свои услуги куда больше Харона.

Тот факт, что множество шарлатанов поспешили воспользоваться ситуацией и кинулись зарабатывать деньги на доверчивости сограждан, сделал неизбежным появление разного рода проверяющих комитетов и комиссий. Кто-то ведь должен был отделить зерна от плевел. Но сразу же возникла новая проблема: хотя в комиссии входили люди достойные, уважаемые и с высоким моральным авторитетом, они так азартно разоблачали мошенников, что, по мнению защитников спиритизма, это создавало на сеансах барьер из неблагоприятных вибраций, и духам было не по силам его одолеть. Вот почему медиумы иногда просто вынуждены были прибегать к мошенническим трюкам.

Клейтон считал подобные аргументы детским лепетом, хотя не мог не признать, что иногда упреки в адрес членов комиссий имели под собой почву.

Сталкиваясь с чем-то, на их взгляд, невозможным, они отказывались принять это, даже при наличии неопровержимых доказательств. Клейтону доводилось читать весьма занятные отчеты некоторых комиссий, где медиума либо разоблачали в почти оскорбительной форме, либо, если не удавалось доказать обман, вообще обходились без конкретных выводов. Правда, иногда случались попытки объяснить то или иное психическое явление причинами, в которые поверить было еще труднее, чем во вмешательство духов. Короче, в ход шли любые средства, лишь бы не признать подлинности некоторых фактов.

Разве не было нелепостью включать в группу по исследованию спиритических явлений людей, которые заведомо относились с предубеждением к предмету изучения? Именно поэтому их с Синклером и пригласили войти в комиссию – чтобы создать противовес несокрушимому скептицизму большинства, поскольку это спецподразделение всегда было готово рассмотреть сверхъестественное в качестве возможного объяснения ряда явлений, но, само собой, только в том случае, когда других объяснений найти не удавалось. И вообще, нельзя забывать, что сотрудникам спецподразделения Скотленд-Ярда довелось испытать на своем веку всякое – и верхом на единорогах скакать, и с феями любовь крутить, так что они не станут кривить душой, когда надо будет подтвердить, что призраки и на самом деле совершают прогулки в наш мир. Такой позиции поначалу собирался придерживаться и Клейтон… Пока впервые не натолкнулся на афишу, гласившую, что прекрасная и неземная Янтарная Леди приглашает желающих посетить ее салон. С афиши на него смотрела женщина с мечтательной и наивной улыбкой – надо сказать, до отвращения фальшивой. Тогда-то агент и решил, что должен разоблачить медиума и положить конец многолетнему надувательству, ведь ее принимали в луч-

ших домах Лондона, ею восхищались, она жила подобно богине среди простых и неразумных смертных, у которых все с той же улыбкой опустошала карманы.

Да, именно он, Клейтон, обязан сделать это, потому что только он сумел разглядеть в прекрасных глазах Янтарной Леди эгоизм и коварство. Потому что только он сумел разглядеть правду, скрытую под прекрасной маской, которую носила эта женщина, привыкшая всегда добиваться того, чего хочет.

Клейтон еще раз обвел взглядом присутствующих, пока всеобщее внимание было приковано к ширме. Он заранее собрал о них кое-какие сведения, поскольку часто случалось, что медиумы имели сообщников среди участников сеансов. Однако никто из членов нынешней комиссии не вызвал у него подозрений, так как большинство из них уже опубликовали хотя бы одну статью – или хотя бы раз выступили в дискуссии – против спиритизма. Комиссия получилась пестрой: Теодор Рэмси – профессор медицинского факультета, знаменитый хирург, выдающийся химик, блестящий биолог и, кстати сказать, любитель иногда похрустеть пальцами; полковник Гарик – энергичный начальник медицинской службы Министерства обороны; сдержанный и благопристойный инженер Холланд; тощий профессор Бёрк – преподаватель факультета права; Граф Дагган – под этим именем выступал подавшийся в иллюзионисты аристократ, чье весьма странное присутствие в комиссии объяснялось тем, что, по общему мнению, основные психические достижения медиумов можно воспроизвести искусственно, с помощью иллюзионизма; а также Уильям Крукс – известный ученый с лихо закрученными усами и ухоженной бородкой, по справедливости награжденный Золотой медалью Лондонского королевского общества за многочисленные и весьма ценные научные открытия.

Как и оба агента Скотленд-Ярда, а также еще один член комиссии, с которым мы вскоре познакомимся, Крукс относился к спиритизму без малейшей предвзятости, хотя не всегда это было так. В свое время знаменитый ученый занялся исследованием психических явлений, чувствуя нравственную потребность разоблачить обманщиков и шарлатанов, и его позиция была горячо одобрена представителями ученого сообщества, которые давно мечтали, чтобы персона его уровня разобралась наконец с этой все более многолюдной сектой. Однако, изучив феномен Хьюма, Крукс повел себя отнюдь не так, как ожидалось. В статье, напечатанной в *Quarterly Journal of Science,* он допустил возможность существования некой новой силы, которую назвал “психической силой”. Его выводы вызвали глубокое возмущение среди ученых, и Крукс был подвергнут профессиональному остракизму. Только несколько самых верных друзей – в том числе упомянутый здесь Рэмси – не отвернулись от него, хотя и предпочли обойти осторожным молчанием восторженные заявления Крукса. С другой стороны, что еще мог сказать Крукс, если своими глазами видел, как Хьюм, лежавший до этого на диване, вдруг взлетел под потолок или как он вылепил в воздухе детскую ручку, и та ловко оборвала лепестки у цветка в петлице медиума.

Но громкий скандал разгорелся позднее. После выхода статьи о знаменитом Хьюме автору нанесла визит не менее знаменитая Флоренс Кук [15], пятнадцатилетняя девушка самого скромного происхождения, которая уже завоевала большой авторитет в качестве медиума благодаря своим эктоплазматическим материализациям. В частности, она установила контакт с духом по имени Кэти Кинг – та утверждала, что является дочерью легендарного пирата Генри Моргана. Три года подряд Флоренс удавалось вызывать дух Кэти Кинг в присутствии многочисленных свидетелей. Но как оно обычно и случается с медиумами, чем более чудесными становились ее достижения, тем больше недоверия они вызывали. Желание снять с себя даже тень подозрений и заставило Флоренс явиться в дом Крукса на Морнингтон-роуд и предложить следующее: если ученый докажет факт фальсификации, он разоблачит ее в газетах, если же,

[15] *Флоренс Кук* (1856–1904) – британский медиум, чьи спиритические сеансы наблюдались и были подробно описаны сэром Уильямом Круксом.

наоборот, он убедится в реальности ее дара, то должен будет так же публично высказать свое мнение. Крукс принял вызов и предложил девушке на время проведения опытов поселиться в его доме вместе с его многочисленным семейством. Поступок был расценен как весьма смелый и потряс общество, и не только ученых, как легко догадаться. В течение трех месяцев Крукс изучал Флоренс в своем кабинете и устроил несколько открытых сеансов, куда пригласил коллег. На сеансах неизменно происходило одно и то же: Флоренс лежала в кабинете на полу со связанными руками, соединенная тонкими проводками с гальванометром. Черное бархатное платье девушки прибивали к полу гвоздями, лицо закрывали шалью, чтобы ее не отвлекал горевший в комнате свет. Через несколько минут она впадала в транс, и, ко всеобщему изумлению, в гостиной появлялась красивая девочка в белом. Девочка сообщала, что она дух Кэти Кинг, и с забавным кокетством позволяла Круксу фотографировать себя при помощи изобретенного им же самим прибора, ходила с профессором под руку, рассказывая разные истории про Индию, где она провела свою земную, полную приключений жизнь, и даже усаживалась на колени к самым недоверчивым мужчинам и шаловливо гладила их по бороде. Многие считали подозрительным удивительное физическое сходство между Кэти и Флоренс, а также то, что они никогда не находились в комнате вдвоем. Напрашивался вывод: не одно ли это лицо? Но Крукс нашел-таки несколько различий между ними: у Флоренс, например, уши были проколоты, а у Кэти нет; Кэти была выше, чем Флоренс, волосы и кожа у нее были светлее, на шее отсутствовал маленький шрам. Однажды Флоренс простудилась, и при прослушивании врач обнаружил у нее в груди хрипы, а у Кэти никаких хрипов не нашли. Кроме того, Крукс уговорил Кэти появиться в одной комнате с Флоренс и позволить сфотографировать их вместе, хотя лицо Флоренс он открыть не рискнул, боясь вывести ее из транса. Таким образом он доказал, что это два разных существа.

Итак, Крукс подтвердил подлинность способностей Флоренс и тем самым укрепил ее репутацию, хотя репутации самого ученого это, к сожалению, нанесло немалый урон. И не потому, что он подорвал доверие к себе, доказывая существование потусторонней жизни, а потому, что даже в своих статьях не мог скрыть, что безумно влюбился в Кэти Кинг, дочь пирата, умершую много лет тому назад. Тексты Крукса, которые Клейтон читал с насмешливой улыбкой, больше походили на стихи бездарного виршеплета, чем на сухой отчет ученого мужа: “Фотография так же мало способна передать изумительную красоту лица Кэти, как и слова, которым явно не хватает выразительности, чтобы описать ее прелесть. В ее присутствии чувствуешь неодолимое желание встать на колени”.

Было очевидно, что блестящий ученый, открывший таллий, изобретатель радиометра и спинтарископа[16], поддался чарам милого призрака, с которым они прогуливались по его кабинету, словно влюбленная парочка по парку. Это превратило его в посмешище, и немногочисленные друзья, еще сохранявшие верность Круксу, включая сюда и Рэмси, стыдливо отвернулись от него, а возможно, просто устали защищать то, что защитить было уже немыслимо, или испугались, что брызги насмешек долетят и до них самих.

Однако весной 1874 года Кэти навсегда распрощалась с Флоренс и Круксом. По ее словам, она выполнила свою миссию – открыла скептикам существование загробной жизни – и потому теперь может упокоиться с миром. С тех пор Крукс больше ни разу не видел Кэти и не беседовал с ней, а время, всегда милосердное, в конце концов избавило его от насмешек. К тому же странная любовь Крукса и Кэти Кинг не только возмутила половину Лондона, но и разбила сердце Крукса, хотя его научная слава осталась все же неколебимой и сделанные им открытия по-прежнему восхищали коллег. Мало того, ходили слухи, что ему вот-вот пожалуют рыцарское звание[17]. Правда, появление ученого на каком-либо публичном действе про-

[16] *Спинтарископ* – прибор для визуального наблюдения быстрых α-частиц; изобретен Уильямом Круксом в 1903 г.

[17] Королева Виктория пожаловала Уильяму Круксу рыцарское звание в 1897 г.

должало вызывать сострадательные улыбки. Вот и сейчас довольно было Клейтону заметить огонь, пылающий в глазах Крукса, чтобы понять: тот не забыл Кэти Кинг. А еще агент готов был спорить на собственную здоровую руку, что как бы Крукс ни прикрывал чисто научными целями свои исследования спиритизма, в глубине души он мечтал снова встретиться с Кэти.

Клейтон отвлекся от Крукса и перевел взгляд на последнюю участницу сеанса – хрупкую старушку, которая была столь предана делу спиритизма, что это даже немного растрогало агента. Из всех присутствующих только она одна не входила в состав комиссии, но получила позволение явиться, поскольку сделала щедрый денежный взнос и пополнила давно оскудевший кошелек проверяющей организации. По той же причине старушке дозволялось принимать участие во всех проверках, и с начала года, по сведениям Клейтона, миссис Лэнсбери – а именно так ее звали – посетила не меньше дюжины спиритических сеансов в Лондоне и его окрестностях.

Подобный интерес к спиритизму удивил агента, поскольку, хотя выглядела старая леди совсем немощной, как и положено в ее годы, взгляд миссис Лэнсбери пылал решимостью, ничего общего не имеющей с добродушной рассеянностью, какую обычно ожидают найти в человеке, доживающем восьмой десяток. Напротив, этот взгляд выдавал несокрушимый дух и светлый ум. Не случайно она была изобретательницей Механического слуги, без которого теперь не могли обойтись ни в одном богатом доме Англии. Вот почему Клейтону трудно было понять, что заставило ее проматывать состояние на столь сомнительное увлечение, как спиритизм.

– Я очень хотела посетить сеанс Янтарной Леди, – призналась миссис Лэнсбери агенту во время мимолетного разговора, состоявшегося между ними в самом начале встречи. – Но список желающих попасть на него оказался слишком уж длинным, и я вряд ли дождалась бы своей очереди при жизни. Она действительно хороша в самых разных спиритических манифестациях, но ее материализации, как говорят, просто бесподобны. Кто знает, а вдруг в этом случае и вправду таятся Координаты Мальстрёма… Хотя я уже давно таких людей не встречала.

– Надеюсь, она вас не разочарует, – лаконично ответил Клейтон.

А что еще он мог сказать? Судя по всему, умственные способности старой леди не соответствовали ее живому взгляду, и агента огорчило, что нашлись бесчестные люди, готовые воспользоваться ее слабостью. Эти чувства невольно отразились в его глазах. Однако, к большому своему изумлению, нечто похожее он прочел и во взгляде миссис Лэнсбери: она тоже пожалела Клейтона, словно проникла в глубину его одинокой души и поняла, что покрывавший ее теперь слой пепла был оставлен пламенем, которое бушевало там всего лишь семь месяцев назад.

Голос профессора Бёрке вернул агента к реальности.

– Ах, как бы мне хотелось самому обыскать Янтарную Леди! – произнес он почти шепотом, чтобы его не услышали женщины и одновременно надеясь найти понимание у мужчин. – Думаю, никогда в жизни нам не представится случай коснуться такой красавицы. Разве я не прав, господа?

Все дружно закивали – все, кроме профессора Крукса, а также инженера Холланда. Первого, вероятно, возвысила над плотскими соблазнами его неземная любовь. Второй же не мог отреагировать иначе, так как его жена была одной из дам, находившихся за ширмой.

– Вне всякого сомнения, профессор, – так же шепотом посетовал Граф Дагган. Потом, чуть подумав, добавил: – Хотя, пожалуй, стоило доверить осмотр мне, потому что, скорее всего, в ее нижней рубашке имеется потайной карман. Вы не считаете, капитан, что нам следовало бы проверить…

– Боюсь, не могу вам этого позволить, Граф Дагган, – довольно сурово осадил его Синклер.

– Но ведь она такая красавица! – посетовал Граф Дагган. – Вы даже представить себе не можете, как она хороша, господа, поскольку не видели ее вблизи, к примеру, на балу у графини Колсберри, а я видел и уверяю вас: она еще прекраснее, чем на фотографиях.

Тут Бёрке попросил, чтобы его привязали к стулу, иначе он вряд ли сможет за себя ручаться. Все засмеялись.

– Не забывайте, красота не должна отвлекать вас от научного эксперимента, господа, – сказал Клейтон, не сумев скрыть презрения, которое внушали ему эти мужчины, выставляющие напоказ свои слабости.

Внезапный шум за ширмой прервал их разговор, и они увидели, как дамы, члены комиссии, выходят оттуда. Янтарная Леди появилась следом за ними. Миссис Джонс, главная медицинская сестра из школы Флоренс Найтингейл при больнице Святого Фомы [18], и миссис Холланд, пухленькая жена инженера, пришили ей на рубашку светящуюся ленту, и теперь медиум сияла, как будто была соткана из солнечных лучей. Она несколько секунд с мягкой улыбкой постояла у ширмы, позволяя любоваться собой, потом в сопровождении обеих дам направилась к членам комиссии. Каждый ее шаг сопровождался звоном колокольчиков. На Янтарной Леди не было ничего, кроме обтягивающей шелковой рубашки, которая скорее обнажала тело, чем помогала его спрятать. Пока Леди шла, тонкая ткань то натягивалась на ее маленькой упругой груди, то скрывала ее, и это тоже воспринималось как чудо. Волосы у медиума были настолько светлые, что казались совсем белыми. Их разделял извилистый пробор, и локоны мягко падали с двух сторон на округлые плечи. Она была изящного сложения и не слишком высока, а намеренная томность движений делала полудетское тело еще более неземным. Дойдя до середины салона, медиум остановилась и в знак приветствия одарила присутствующих теперь уже надменной улыбкой. Клейтон подумал, что такая улыбка составляет, вне всякого сомнения, часть спектакля. Янтарная Леди была созданием настолько воздушным, что стоявшие рядом женщины выглядели вырубленными из грубого камня. Вокруг Леди витал аромат фиалок, а ее лицо – бледное, с тонкими чертами – обольщало, как обольщает добродетель, готовая вот-вот поддаться самым темным соблазнам. Однако больше всего Клейтона поразили ее глаза, огромные и круглые, – Творец наградил их почти прозрачной голубизной.

– Мы осмотрели Янтарную Леди, господа, – профессиональным тоном объявила медицинская сестра Джонс, – и можем заверить вас, что она ничего не прячет ни в рубашке, ни во рту, ни в волосах.

Синклер согласно кивнул, но выглядел при этом словно околдованный, потом он подал знак членам комиссии, приглашая их занять места за столом, однако тут подал голос Клейтон.

– Я не сомневаюсь, что медиума осмотрели самым тщательным образом, но позвольте вам напомнить, господа: у женщин, кроме полости рта, есть и другие потаенные места, – произнес он с самым серьезным видом.

Дамы ошарашенно смотрели на агента, и даже некоторые мужчины испытали шок от его слов. Янтарная Леди состроила обиженную гримасу, которую она тотчас сменила на преисполненную достоинства улыбку мученицы, готовой самоотверженно вытерпеть любую пытку.

– Может, вы сами желаете осмотреть меня, агент? – спросила она с детской ужимкой, что заставило некоторых джентльменов судорожным движением ослабить галстучный узел.

Клейтон равнодушно посмотрел на нее и ответил, слегка пожав плечами:

– О, боюсь, одна из моих рук будет для этого слишком грубой. Она может причинить вам боль.

– А если воспользоваться только здоровой рукой? – предложила медиум с вызовом.

---

[18] *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) – английская медсестра; организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853–1856 гг.; создала систему подготовки кадров младшего и среднего медицинского персонала Великобритании. В 1860 г. основала школу для сестер милосердия при больнице Святого Фомы в Лондоне, отдав на организацию деньги, собранные по подписке в Англии.

– Именно про здоровую руку я и говорил. Вторая вас бы просто покалечила, – возразил агент и с нетерпением глянул на миссис Джонс. – Будьте добры, сестра.

Та бросила на членов комиссии вопросительный взгляд, но никто не стал возражать.

– Хорошо, – сказала она, не скрывая, что считает это такой же непристойностью, как игра в прятки среди могильных плит. – Тогда мы проведем осмотр в ваших покоях, Янтарная Леди, если, конечно, вы не против.

Медиум мягко кивнула, пронзила Клейтона ледяным взором и позволила двум женщинам вывести себя из зала. На лице агента не дрогнул ни один мускул.

– Бог мой, по-моему, такие строгости тут ни к чему, – сказал инженер Холланд, как только за дамами закрылась дверь. – У нас нет причин вести себя грубо и непристойно, вам не кажется?

– Это правда, – поддакнул ему Бёрке. – И, вне всякого сомнения, Янтарная Леди слегка обижена вашим последним требованием, агент Клейтон…

– Мы проводим научный эксперимент, господа, прошу не забывать об этом, – возразил Клейтон. – Даже если женщина предстанет перед нами полностью обнаженной, она, тем не менее, сможет скрыть от наших глаз какой-нибудь маленький предмет, с помощью которого потом устроит трюк, – скажем, кусок муслиновой ткани. Или даже резиновую маску.

В комнате внезапно повисла тишина. Даже Синклер, похоже, не находил нужных слов, чтобы спасти ситуацию.

– Агент прав, господа, – подал голос доктор Рэмси и стал хрустеть суставами всех пальцев по очереди. – Наша цель – установить истину, как и всегда, поэтому мы не можем избавить медиума от некоторых… э-э, неудобств, хотя никому из нас такие предосторожности, естественно, не доставляют удовольствия. Вспомните сестер Фокс, к примеру: они были еще совсем девчонками, и тем не менее комиссия велела раздеть их догола, а потом всех трех подвергла самым унизительным проверкам. Учитывая это, Янтарная Леди, надеюсь, отлично поймет необходимость… более тщательного осмотра.

– Я с вами полностью согласен, – сказал полковник Гарик, до тех пор помалкивавший. – Большинство медиумов, пользуясь нашей благовоспитанностью, идут на самое бессовестное мошенничество, поэтому мы должны держать ухо востро. Нельзя забывать, что почти все они шарлатаны, как, скажем, и тот служитель Церкви, который называет себя доктором Монком.

– Или ловкач Слейд, – вступил в разговор Граф Дагган, имея в виду медиума, который заставлял появляться надписи на грифельной доске; его судили за мошенничество, и это дело повлекло за собой длинную череду судебных процессов против жульничества во время спиритических сеансов. – Я ведь лично присутствовал на одном из его показов. Он проводил их в тех же комнатах пансиона на Рассел-сквер, где и жил, и за вход, между прочим, брал по двадцать шиллингов с персоны, хотя демонстрация длилась не более четверти часа. Слейд был настоящим мошенником, и к тому же самым умным из всех.

– Ну, знаете ли, не нужен особый талант, чтобы обмануть тех, кто желает быть обманутыми, – заявил Гарик.

Услышав это, Крукс встал на дыбы:

– Надеюсь, ваш комментарий не касается никого из нас конкретно, полковник.

– Нет, конечно, если только кто-то сам не знает за собой подобного греха… – пожал плечами Гарик.

Раздались смешки, но доктор Рэмси тотчас их пресек:

– Довольно, довольно, господа… Никаких личных обид.

– Большое спасибо за поддержку, Рэмси, дорогой мой друг, – вышел из себя Крукс, – хотя, боюсь, она несколько запоздала, да и вообще я в ней не нуждаюсь, ведь, как ты знаешь, в последнее время я научился защищаться самостоятельно.

– Бога ради, Крукс, я вовсе не имел в виду тебя. Тебе хорошо известно, как я отношусь к твоим исследованиям. И мне очень жаль, что в свое время ты счел мою позицию предательством. В любом случае я уверен: очень мало кого из медиумов можно освободить от подозрений, в том числе, боюсь, и обожаемую тобой Флоренс – ее, как ты знаешь, сумели разоблачить еще восемь лет назад.

– Я не присутствовал на тогдашнем злосчастном сеансе, а судить о том, чего не знаешь, – дело дурацкое, – ответил Крукс. – Но вот о чудесах, случавшихся под моим кровом, я судить могу… Послушай, Рэмси, что с тобой, черт возьми, произошло за эти последние годы? Я готов понять, и даже уважать, твой скептицизм, но никогда не пойму твоей слепоты. Неужели ты и вправду отрицаешь возможность потусторонней жизни, хотя свидетельства о привидениях сохранились со времен Тертуллиана? Загробный мир существует, и я не сомневаюсь, что он – точная копия нашего мира, как утверждал Сведенборг[19], самый великий из современных медиумов!

– Я никогда не отрицал возможности существования потустороннего мира, но и не рискнул бы утверждать, что он на самом деле существует, – уточнил Рэмси устало. Потом немного помолчал и добавил философским тоном: – Любая реальность – своего рода плагиат, но повторяет она саму же себя, только и всего.

– Плагиат… Вы не представляете, насколько вы правы, доктор Рэмси! – воскликнула миссис Лэнсбери и громко рассмеялась.

Рэмси посмотрел на нее с легким изумлением, затем снова повернулся в сторону Крукса:

– Ты не можешь не согласиться, Уильям, что древним привидения являлись крайне редко. Но если принять на веру все нынешние случаи, то говорить надо уже о подлинном нашествии, притом хорошо организованном, или даже… об эпидемии. Кроме того, я поставил под сомнение всего лишь подлинность дара Флоренс, – пояснил он, стараясь не встречаться взглядом с разгневанным старым другом.

– И не забывайте, Крукс: Маргарет Фокс сама написала письмо в *New York Herald*, где призналась, что все ее демонстрации были жульничеством. Разве это не доказывает, что медиумы – кучка шарлатанов, которые используют несчастья и чаяния людей, чтобы опустошать их кошельки?

– Газеты обожают подбрасывать плебсу жареные факты! – презрительно бросил Крукс.

– Тут я с вами полностью согласен, Крукс, – заявил Гарик. – Будем справедливы, господа: если некий человек явится в редакцию любой газеты с заявлением, будто он разгадал трюк, которым пользовался медиум, эту новость растрезвонят по всему свету. Но если тот же человек заявит о достоверности некоторых сверхъестественных явлений, об этом наверняка не упомянут ни словом. Да что там говорить! Газеты уже не те, что были прежде… Посмотрите хотя бы, как они описывают убийство двух проституток в Уайтчепеле…

И разговор тут же перескочил на кровавые подробности преступлений, которые пресса смаковала, не заботясь о достоверности, лишь бы потрафить нездоровому любопытству публики, чем сильно затрудняла работу полицейских, как поспешил объяснить Синклер. Тут каждый не преминул высказать свое мнение на сей счет – все, кроме Клейтона, который по-прежнему молчал. Когда он покончит с делом Янтарной Леди, он изучит отчеты о чудовищных убийствах, составленные инспектором Ридом из уголовной полиции, и тогда сделает собственные выводы, а пока лучше сосредоточиться на том, что целиком занимает его в данный момент.

А еще он подумал, что подобные споры происходят сейчас по всему Лондону, вернее, по всей Англии и даже по всему миру. С тех пор как сестры Фокс у себя дома в Гайдсвилле услы-

---

[19] Эммануил *Сведенборг* (1688–1772) – шведский ученый-естествоиспытатель, христианский мистик, теософ, изобретатель. Утверждал, что был в психическом контакте с жителями других планет. В своем труде “О небесах, о мире духов и об аде” выдвинул версию посмертного существования, согласно которой все, что есть на небесах, соответствует тому, что есть у людей.

шали первые аккорды великой духовной симфонии, прошло уже больше сорока лет, однако противники и адепты спиритизма продолжают вести между собой жестокую борьбу, а между двумя этими армиями находятся те, кто, как и Клейтон, все еще не решили, на чью сторону встать.

Агент был согласен с Рэмси и Гариком: большинство медиумов – обманщики, хотя это и не значит, что не бывает настоящих медиумов, способных творить чудеса, как считает Крукс. Мало того, именно Клейтон, носивший на шее ключ от секретной Камеры чудес, последним стал бы отрицать их существование. К тому же каждое утро ему приходилось завязывать галстук с помощью механической руки, и это постоянно напоминало ему о реальности невозможного. Иными словами, его недоверие к сеансам Янтарной Леди ни в коей мере не было основано на заведомых сомнениях в существовании сверхъестественного, ведь некая графиня на всю жизнь наградила его иммунитетом против таких сомнений. Но ей же, надо добавить, он был обязан и тем, что никогда больше не поверит в безгрешность красивой женщины.

Однако позвольте мне воспользоваться тем, что агент пустился в блуждания по лабиринту собственных мыслей, и представиться вам. Я хотел сделать это раньше, как обычно и поступаю, но, будучи от природы человеком крайне застенчивым, никак не мог улучить подходящий момент для вступления в разговор. Прервать для этого описание ужина, устроенного в честь агента Клейтона в замке, было бы преждевременно, а прервать разговор, который позднее состоялся у него с графиней, – неловко. Это, кстати сказать, две опасности, которых должен избегать любой уважающий себя рассказчик. Затем события начали развиваться, как вы и сами видели, с головокружительной скоростью. Но теперь мы, кажется, попали в тихую заводь, и я, если не буду тянуть резину, успею поблагодарить вас за желание прочесть эту историю про любовь за чертой смерти, последнюю из историй, которыми я решил с вами поделиться. И очень надеюсь, что удивительные судьбы моих героев не оставят вас равнодушными, несмотря на вполне предсказуемые оплошности скромного рассказчика – а загадку его личности я раскрою лишь в самом конце повествования, и это станет вам наградой за верность и долготерпение. Но сейчас, увы, я снова покидаю вас!

Дверь из личных покоев Янтарной Леди только что распахнулась, и медиум уже шла по коридору. Заметим, что оскорбительный осмотр, которому ее подвергли, не стер с уст красавицы целомудренной улыбки. Глядя на то, как она входит в комнату – словно нежная бабочка, у которой жестокий мальчишка оборвал крылышки, – Синклер выпятил грудь колесом и метнул на Клейтона красноречивый взгляд, беззвучно приказывая хорошенько подумать, прежде чем выдвигать новые требования. Затем, галантно улыбнувшись Янтарной Леди, капитан пригласил собравшихся занять свои места за столом.

Можно было начинать сеанс.

V

Несколько долгих минут в просторном зале, едва освещенном инфракрасной лампой, не было слышно ничего, даже дыхания людей, сидевших вокруг стола. После того как капитан Синклер велел всем молчать и они послушно соединили руки, никто не посмел даже кашлянуть, а вставной глаз капитана вроде бы умерил обычные свои мерцание и жужжание – так медленно угасает раскаленный уголек, погруженный в воду. Все словно окаменели, и только две вещи свидетельствовали, что жизнь продолжается: мерный шелест фонографа в углу зала, чей барабан вращался, словно не замечая ран, наносимых ему острой иглой, и глаза Клейтона, которые, хотя сам он сидел совершенно неподвижно, быстро шарили вокруг, заглядывая в каждый уголок.

Агент удостоверился, что многочисленные приборы работают исправно, и вперил взор в Янтарную Леди – она сидела напротив, томно прикрыв глаза. Ее привязали к стулу, а запястья присоединили короткими цепочками, снабженными замками, с одной стороны к запястью доктора Рэмси, с другой – к запястью полковника Гарика. Потом Клейтон обвел взглядом членов комиссии и не обнаружил на их лицах даже тени недавнего скептицизма. Пальцы одного касались пальцев другого, все вели себя учтиво и настороженно и твердо ожидали, что вот-вот случится что-то воистину потрясающее, будь то явление нашего мира или иного, загробного. Во всяком случае, тревожная атмосфера, которую распространяла вокруг себя Янтарная Леди, именно это и предвещала.

Все вздрогнули, услышав голос Синклера. Без всякого предупреждения капитан начал пояснительную речь для записи на фонограф и говорил так громко, будто аппарат находился где-нибудь в Париже, а не здесь же рядом. Быстро оправившись от неожиданности, члены комиссии вновь приняли неподвижные позы. Только Леди ни на что не реагировала и оставалась невозмутимой как сфинкс – она, судя по всему, уже успела войти в транс. Медиум сидела с чуть приоткрытым ртом и дышала глубоко и размеренно, от чего ее маленькая грудь под тонким шелком рубашки ритмично поднималась и опускалась, привлекая мужские взгляды, которые летели к ней как мотыльки на свет. “Что-то слишком уж ровное у нее дыхание”, – недоверчиво подумал Клейтон.

– Сеанс проводится двенадцатого сентября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года. Время: девять часов вечера. Место: дом Янтарной Леди, Мэйфлауэр-роуд, двенадцать, Лондон. Проверяющий справа от меня – полковник Гарик, проверяющий слева – доктор Рэмси. Ассистенты – миссис Холланд, инженер Холланд, профессор Крукс, Граф Дагган…

И пока Синклер продолжал перечислять предусмотренные комиссией строго научные меры контроля за сеансом и делал это невозмутимо, будто крошил кусок хлеба во время скучной послеобеденной беседы, Клейтон не отводил глаз от трех предметов, которые лежали в центре стола и были предназначены для опытов по телекинезу: позолоченного колокольчика, гардении и льняного носового платка. Агенту казалось, что, оставаясь совершенно неподвижными, они излучают тревогу, как будто сами своей волей уже решили сорваться с места и только ждут приказания от Янтарной Леди. Клейтон тряхнул головой, чтобы прогнать нелепое впечатление, вызванное, надо полагать, либо внушением извне, либо проклятым красноватым светом, из-за которого все в комнате выглядело каким-то ирреальным. На миг ему захотелось иметь не механическую руку, а механический мозг, чтобы можно было в любой ситуации сохранять хладнокровие и здравомыслие.

Капитан Синклер завершил свое вступительное слово так же внезапно, как начал, и в зале опять повисла тишина. Но именно в этот миг с полуоткрытых губ Янтарной Леди стали один за другим срываться тихие стоны. Теперь она напоминала актрису, выпущенную после долгих проволочек на сцену, и лицо ее выражало предельный восторг – тот восторг, алхимию

которого никому из участников сеанса никогда не будет дано познать. Затем ее прекрасное чело нахмурилось, но быстро опять разгладилось, как будто легчайший ветерок лишь на миг подернул рябью спокойную поверхность озера. И тут точно электрический ток пробежал по образованному людьми живому кольцу.

Всё в поведении медиума выглядело неподдельным, однако Клейтон был уверен, что она притворяется. Мало того, какой-то голос из самой глубины его души подсказывал: такая красота не может быть честной, она не может служить истине, ибо ни одна высшая власть не способна быть бескорыстной и неподкупной. А разве существует власть сильнее, чем власть красивой женщины? Он посмотрел по сторонам и тотчас заметил, что все мужчины бросают быстрые похотливые взгляды на грудь Леди. Даже сам капитан Синклер, к удивлению агента, не поборол соблазна. Никто из них не думал сейчас о контроле за сеансом, все мысли их были прикованы к ее нежной и обольстительной полудетской груди. Агент встретился глазами с Графом Дагганом, и тот по-свойски ему подмигнул. Клейтону стало тошно при одной только мысли, что этот экстравагантный тип сочтет, будто им владеют такие же чувства, как и остальными. Агент собрался было призвать членов комиссии к порядку, однако передумал. Ему не хотелось, чтобы фонограф запечатлел на долгие годы его брюзжание.

И тут колокольчик, прежде мирно лежавший на столе, зазвенел, но как-то отрывисто и даже яростно. Все взгляды разом метнулись к этому вроде бы самому обычному предмету, который вдруг превратился в мостик между двумя мирами. Но колокольчик так же внезапно смолк. Янтарная Леди снова застонала, выгнула спину и стала исступленно мотать головой из стороны в сторону. Волосы лунного цвета хлестали ее по лицу – казалось, что это прилетевшая невесть откуда чайка пытается выклевать ей глаза. И тотчас колокольчик начал очень медленно подниматься над столом, а когда оторвался от поверхности сантиметров на двадцать, невидимая рука принялась безжалостно трясти его, и он зашелся истошным звоном. Как будто вторя ему, в какой-то части зала отчетливо прозвучали очень громкие удары, хотя никто не смог бы сказать, откуда именно они доносились. Клейтон читал множество свидетельств о стуках, похожих на удары огромным кулаком в стену, но здесь они скорее напоминали звук, с которым вязальные спицы падают на мрамор, правда, теперь этот стук был во много раз сильнее. Колокольчик уже бился в истерике и будто старался заглушить стук, но тут и гардения заскользила к краю стола и упала на колени медицинской сестре Джонс, и та прижалась к спинке стула с выражением паники на лице, как если бы на юбку ей прыгнул скорпион. Мало того, еще и носовой платок пустился в полет и, приняв форму медузы, начал прогуливаться по воздуху прямо перед лицами потрясенных членов комиссии.

Тем временем взгляд Клейтона метался по залу, снова и снова проверяя все точки контроля. Агент был совершенно уверен: колокольчики, пришитые по низу портьер, ни разу не звякнули до начала переполоха. И ему пришлось признать, что толку от них в данной ситуации не было никакого, поскольку, если бы что-то и колыхнуло тяжелые шторы, слух все равно не уловил бы новых звуков. Правда, и взгляду было трудно ориентироваться в царящей кругом кроваво-красной полутьме. Со своего места Клейтон мог видеть термометры-регистраторы, инфракрасные излучатели и остальные приборы, расставленные по залу, но никакого движения рядом с ними не уловил. Отодвинувшись на несколько сантиметров от стола, но так, чтобы не нарушить цепочки из человеческих рук, он убедился, что опилки на полу тоже лежат нетронутые, на своих местах оставались доска, замуровавшая камин, и печати на окнах.

Что касается членов комиссии, то большинство из них успели забыть про роль строгих наблюдателей и завороженно следили за нервными судорогами колокольчика, плавными пируэтами платка и за самой Янтарной Леди, которая продолжала биться в конвульсиях, что выглядело непристойно и жутко. Возможно, когда сеанс закончится, эти непрошибаемые скептики отзовутся о нем расплывчато и пренебрежительно – такие отчеты Клейтону не раз доводилось читать в газетах, – но сейчас они вели себя как дети, околдованные фейерверком “Воздуш-

ные замки”. Особенно возбужденным выглядел Крукс. На его лице не осталось и следа обиды, теперь он с широкой улыбкой предлагал коллегам понюхать платок, поскольку перед началом сеанса, по его утверждению, ткань не испускала такого сильного аромата. Клейтон незаметно усмехнулся. Судя по всему, разбитое сердце Крукса было куда легче возродить к жизни, чем его собственное.

Разгневанный агент попытался встретиться взглядом с капитаном, но тот быстро отвел глаза. Когда колокольчик только принялся трезвонить, Синклер, как и его ученик, старался держать ситуацию под визуальным контролем, однако, после того как с плеча Янтарной Леди, бившейся в конвульсиях, сползла рубашка, обнажив место, где начиналась белоснежная грудь, он и думать забыл о деле.

Только одна персона за столом, судя по всему, могла поспорить своей невозмутимостью с Клейтоном – а именно миссис Лэнсбери, которая наблюдала за происходящим с холодным, можно даже сказать профессиональным, интересом. Клейтон внимательно посмотрел на старушку и спросил себя, чем объяснить такое поведение – несокрушимой верой в спиритизм или горьким разочарованием в нем. Могло быть и то, и другое, хотя что-то подсказывало ему: старая леди разделяет его подозрения.

Вдруг стуки прекратились, но случилось это так неожиданно, что наступившая тишина, казалось, всех оглушила. Секунду спустя колокольчик рухнул на стол, несколько раз подскочил и вяло покатился на прежнее место. Платок подлетел к Янтарной Леди, которая перестала биться в судорогах и теперь смотрела перед собой широко открытыми глазами, и опустился ей на лицо с нежной вкрадчивостью подвенечной фаты. Однако эффект от его прикосновения получился сокрушительный: тело медиума так напряглось, что стул, к которому она была привязана, буквально подпрыгнул, голова Леди резко откинулась назад, словно кто-то сзади грубо схватил ее за волосы, а потом мотнулась вперед, отчего платок упал ей на колени. Теперь она сидела неподвижно, уперев подбородок в грудь, волосы закрывали ей лицо и шею как шлем цвета слоновой кости, а из горла вырывались то хрипы, то отчаянные всхлипывания. Под бледной кожей предплечий напряглись мускулы и выступили жутко надувшиеся вены, будто тело ее испытывало нечеловеческое напряжение.

– Господи, она задыхается! – закудахтала медицинская сестра Джонс.

Но странные хрипы прекратились, прежде чем Джонс успела хоть что-нибудь предпринять. Тело медиума мгновенно расслабилось, и тотчас над ее головой появились светящиеся пятнышки – маленькие трепещущие стрекозы невиданной красоты. Они сразу же начали соединяться в крошечное созвездие, а слившись воедино, образовали сияющее газовое облако, которое постепенно росло и обретало плотность. Затем облако уподобилось воздушной пиявке и стало будто бы подпитываться из головы Янтарной Леди, а может, оно и рождалось из ее тела, вернее из ее волос. Как бы то ни было, облако парило в воздухе, плоско растянувшись над поверхностью стола и соединяясь с медиумом тонким длинным шнуром. Клейтон понял, что Янтарная Леди готовится провести свою знаменитую материализацию, так как именно эта практика приносила медиумам особую славу, к тому же она считалась самой рискованной и сложной для фальсификации.

– Смотрите, возникает лицо! – с волнением объявил Крукс и сильно заморгал, точно мечтал разглядеть сквозь туман черты прекрасной дочери знаменитого пирата.

Тут агент и сам убедился, что профессор говорит правду. В облаке стало что-то вырисовываться, хотя пока трудно было понять, что именно. К разочарованию Крукса, это скорее напоминало три четверти мужского лица, и различить можно было нос, усы и пухлые губы, как бы вытянутые вперед, словно их обладатель собирался поцеловать кого-то или просто свистнуть.

– Я чувствую его дыхание! Он дует мне на руку! – воскликнул полковник Гарик, и в голосе его звучали одновременно испуг и неподдельный восторг. Именно полковник находился ближе остальных к эктоплазме.

Потом под мужским лицом с двух сторон выросли очень белые кисти рук, и они выглядели уже более плотными и были лучше очерчены. Кисти с поразительным изяществом шевелили пальцами, но выше запястий руки постепенно делались все прозрачнее и под конец растворялись в светящемся облаке, которое окружало призрака.

Клейтон, поджав губы, взирал на лицо и руки, и внутри у него закипала злость. Больше всего ему сейчас хотелось вскочить на ноги и вцепиться в сотканные из тумана формы – вот тогда, в чем он был уверен, хитроумный трюк будет разоблачен. Но агент покорно сидел, как было приказано Синклером. Еще до начала сеанса капитан несколько раз повторил: ни в коем случае нельзя прерывать опыт, какие бы подозрения у них ни возникли. Кроме того, полученные сверху распоряжения тоже звучали более чем определенно: цель полицейских – удостовериться в надежности способов проверки, изучить *modus operandi*[20] медиума, записать сеанс на фонограф и проанализировать данные, полученные с приборов, чтобы затем сделать объективные выводы, в зависимости от которых будет решено, состоится следующий сеанс или нет. Иначе говоря, им предписывалось внимательно наблюдать за происходящим, но ни в коем случае ни во что не вмешиваться. А значит, у Клейтона не было свободы действий – оставалось только набраться терпения и ждать, пока Янтарная Леди совершит какую-нибудь оплошность и приборы зафиксируют некое отклонение от нормы, что позволит отдать медиума в руки правосудия. Клейтон нервно вздохнул и сосредоточил внимание на субстанции, выделенной Леди. Между тем фигура-облако неожиданно начала разрушаться. Лицо и руки постепенно таяли и наконец полностью утратили форму, словно сами себя уничтожили, и буквально через несколько секунд призрак вязким дождем упал на пол и исчез под столом.

Все в напряженном молчании смотрели на Янтарную Леди. Впечатление было такое, будто медиум спит или потеряла сознание. Голова ее склонилась на грудь, а тело обмякло и сползло бы со стула, если бы не поддержка двух проверяющих. Доктор Рэмси и полковник Гарик обменялись тревожными взглядами. Тут она сделала слабую попытку приподнять голову. Доктор мягко позвал ее по имени, и Янтарная Леди ответила протяжным стоном, как если бы никак не могла проснуться после долгого сна. Наконец ей удалось сесть прямо, она растерянно заморгала и обвела взглядом комнату. Затем наморщила лоб, несколько раз кашлянула и опять безвольно уронила голову – на сей раз на плечо полковника Гарика.

– Надо дать ей воды, – предложил доктор, – и я мог бы измерить Леди пульс.

– Повязки натирают кожу, – добавил полковник Гарик, но не столь профессиональным тоном, как Рэмси. Полковник, разумеется, млел от восторга, чувствуя тяжесть головы Янтарной Леди у себя на плече.

– Боюсь, с этим придется подождать, – сурово одернул их Клейтон.

– С водой можно действительно подождать, – подтвердил капитан Синклер, бросив сердитый взгляд на своего подчиненного. – Никому не позволяется вставать из-за стола, пока мы с агентом Клейтоном не снимем показания с приборов. Но развязать ее можно, а вы, доктор Рэмси, измерьте пульс и, пожалуй… прикройте мисс подобающим образом.

Клейтон молча посмотрел на капитана, и по сигналу Синклера оба они разом встали, осторожно приподняв при этом свои стулья, чтобы не двигать их по опилкам. Тем временем Гарик и Рэмси под сочувственными взглядами остальных оказывали помощь Янтарной Леди. Доктор освобождал ее запястья, а полковник мягко похлопывал по щекам, говорил что-то ободряющее невероятно нежным голосом и спрашивал, как она себя чувствует. Медиум пару раз с трудом открыла рот, но так и не смогла вымолвить ни слова. С вялой улыбкой она под-

[20] Способ действия (*лат.*).

несла бледную руку к горлу, будто прося прощения за свою несвоевременную и досадную слабость. Вдруг лицо ее, с которого Клейтон по-прежнему не сводил глаз, резко переменилось: улыбка застыла на губах, и внезапный ужас до неузнаваемости исказил тонкие черты, смяв их в комок, точно лицо было бумажным. Агент, не понимая, что происходит, проследил за взглядом Янтарной Леди.

В углу окутанная красноватым полумраком застыла мужская фигура. На мужчине был простой темный костюм, под ним угадывалось атлетического сложения тело. Из-за расстояния и плохого освещения Клейтон с трудом разглядел грубые черты его лица, диковатый взгляд и мощный подбородок, прикрытый растрепанной бородой. Но оторопь у агента вызвало совсем другое: в мужчине явно не было и намека на туманную расплывчатость или свечение, свойственные, по распространенному мнению, призракам. Напротив, фигура была плотной и четко очерченной, как у любого нормального человека. Правда, за одним исключением: мужчина был прозрачным. Хотя плоть и выглядела настоящей, сквозь нее проходил свет, вернее, в данном случае – полумрак.

Мнимый призрак ничего не делал и не говорил, он просто стоял перед ними, опустив руки вдоль тела. Взгляд его блуждал как у сомнамбулы. И тем не менее весь вид незнакомца излучал угрозу, а в глазах еще и сквозила почти звериная ненависть. Агент быстро повернулся к Янтарной Леди – ее била дрожь, а рот раскрылся в немом крике ужаса. Клейтон, сам не зная почему, нутром почуял, что ужас был подлинный. Остальные тоже смотрели в угол, но никто не рискнул встать из-за стола. Все были ошеломлены появлением мужчины, однако подействовал на них в первую очередь густой запах неотвратимого несчастья, из-за которого в зале стало невозможно дышать.

И тут Клейтон обратил внимание на миссис Лэнсбери. Она, как и все, со страхом уставилась на чужака, но в ее глазах агент прочел еще и нечто другое, нечто похожее на вызов.

– Ты! Это ты! Это ты! – зарычал незнакомец и вытянул руку, указывая на кого-то из сидящих за столом.

Все стали испуганно и растерянно переглядываться, пытаясь понять, к кому относились его слова. Только старая леди и медиум не отводили глаз от незваного посетителя.

– Я нашел тебя! Наконец-то я нашел тебя! И клянусь, теперь ты отдашь мне то, что должно принадлежать мне! – закричало привидение.

От ярости у него перекосился рот, и он сразу стал похож на злую гаргулью, сквозь тело которой кошмарнейшим образом просвечивал рисунок настенных обоев. К общему удивлению, миссис Лэнсбери встала со своего стула и, несмотря на маленький рост, гордо выпрямилась, хотя единственным щитом ей служило чувство собственного достоинства.

С этого мгновения события развивались с бешеной скоростью. И не только стремительно, но еще и беспорядочно, и у меня на их описание уйдет больше времени, чем они заняли на самом деле. В любом случае должен честно признаться, что из-за сумбурности происходившего моя версия может оказаться не вполне точной. Поэтому лучше скажу так: случилось *приблизительно* следующее. Незнакомец выругался, кинулся к столу, промчался мимо Клейтона, толкнув того в плечо, затем вспрыгнул на стол и набросился на несчастную миссис Лэнсбери. И тут паника, до тех пор полностью контролируемая, из-под всякого контроля вышла, вернее выплеснулась наружу как шампанское из бутылки. Все повскакивали на ноги, уже забыв и думать про опилки на полу, при этом кто-то кричал, кто-то растерянно охал, кто-то стоял столбом, кто-то нервно суетился – короче, каждый на свой лад проявлял охвативший их ужас. Медиум, например, упала на пол и на четвереньках устремилась к ширме, за створками которой спряталась. Клейтон и Синклер повели себя как настоящие герои – они сзади накинулись на незнакомца, уже успевшего схватить миссис Лэнсбери за горло. Тот отреагировал с поразительной ловкостью – резко запрокинул голову назад, угодив капитану прямо в нос, так что Синклер рухнул как подкошенный, оставляя за собой в воздухе кровавый след в форме дуги.

В падении он увлек за собой и растерявшегося Клейтона. Но агент сразу вскочил и потянулся было за пистолетом, выскользнувшим у него из руки, однако понял, что на это у него уже нет времени. Железные пальцы призрака так сдавили горло миссис Лэнсбери, что та перестала дышать и жизнь ее висела на волоске. Агент здоровой рукой провел захват шеи незнакомца, чтобы заставить его отпустить свою жертву. Несколько секунд Клейтон не мог свыкнуться с тем, что видит собственную руку сквозь чужое тело, хотя на ощупь оно было совершенно обычным. Однако полицейский быстро пришел в себя, напряг все силы, и его металлическая рука сжала прозрачное горло врага, хотя в том, казалось, кипела несокрушимая энергия безумца и он не ослаблял хватки, так что лицо несчастной старушки стало лиловым. Он убивал ее прямо у них на глазах, и Клейтон не мог ему помешать. И тут он услышал крик за спиной:

– Агент, на пол!

Клейтон глянул через плечо, увидел полковника Гарика с пистолетом в руке и, не раздумывая, упал ничком. И в тот же миг грохнул выстрел. Безжизненное тело миссис Лэнсбери рухнуло на пол рядом с агентом.

Кто-то зажег свет. Клейтон нагнулся над ней и с облегчением понял, что она дышит и вроде бы даже не ранена. Он поднялся и столкнулся с сестрой Джонс, спешившей им на помощь.

– Займитесь вот ею! – велел он.

Джонс кивнула и дрожащим голосом позвала доктора Рэмси, который опасливо отбежал в дальний угол зала и судорожно что-то записывал в маленький блокнот.

Клейтон быстро огляделся, ища незнакомца. Он увидел капитана Синклера – совершенно растерянный, с окровавленным лицом, тот кое-как поднимался с пола. С двух сторон ему помогали Бёрке и Крукс. Супруги Холланд стояли крепко обнявшись, оба страшно бледные, и казалось, именно миссис Холланд не дает мужу упасть в обморок. Граф Дагган дрожащими руками указывал агенту на ширму, перед которой уже находился полковник Гарик с дымящимся пистолетом в поднятой руке. Клейтон метнулся туда, на лету поймав брошенное ему Синклером оружие. Когда он подбежал к полковнику, тот наморщил лоб.

– Сдается мне, этот тип спрятался там, – прошептал он, кивая на ширму.

Клейтон знаком показал, что понял. Оба без слов наметили план действий, обменявшись красноречивыми жестами и махнув пистолетами. Потом осторожно каждый со своей стороны приблизились к ширме. И тут до них донеслись оттуда слабые звуки, как будто кто-то царапался в стенку. Подойдя еще ближе, они услышали женский голос, жалобно и невнятно о чем-то моливший. Клейтон знаками стал показывать полковнику, что надо тихонько отодвинуть ширму, но тот понял его превратно, если судить по мощному удару ногой, который он обрушил на створку. Ширма с грохотом опрокинулась, и когда облако пыли и опилок осело, стало ясно, что оба целятся в безобидную вешалку, на которой висит платье Янтарной Леди. При этом загадочные звуки не утихали и даже стали еще более отчетливыми. Клейтон вроде бы узнал голос Янтарной Леди, опять и опять жалобно тянувшей:

– Выпустите меня, ради бога, откройте, выпустите, откройте, я хочу выйти…

Агент направился в угол комнаты, внимательно изучил его и обнаружил узкую щель в оклеенной обоями стене – благодаря остроумно продуманному оптическому эффекту щель было почти невозможно заметить. Однако, когда они осматривали комнату перед сеансом, этой щели там точно не было. А теперь она появилась. Клейтон сунул туда один из своих металлических пальцев и наткнулся на крошечную пружинку, которая мгновенно пришла в действие. Две панели со скрипом разъехались, и за ними, в углублении, они увидели Янтарную Леди. Она стояла на коленях с залитым слезами лицом и скребла пол окровавленными ногтями, повторяя непрерывно:

– …Откройте, выпустите меня, откройте, ради бога, выпустите…

Заметив, что в ее убежище проник свет, медиум подняла глаза и завизжала, вытянув вперед руки, словно защищаясь от человека, который наклонился над ней.

– Нет, нет, нет! Я не хочу, чтобы вы возвращались! Не хочу! Зачем вы все опять вернулись? Прочь! Навсегда! Возвращайтесь обратно к себе в преисподнюю!

Без лишних церемоний Клейтон схватил ее за руки и швырнул полковнику Гарику, рядом с которым стоял капитан Синклер.

– Держите ее крепче! – велел он, не сознавая, что только что отдал приказ собственному шефу.

Правду сказать, в этот миг Клейтон не видел ничего, кроме куска пола, который недавно царапала Янтарная Леди. Он наклонился, решительно смахнул остатки опилок с кровью и даже с обломками ногтей и внимательно пригляделся к деревянной поверхности, но не нашел там ничего примечательного. Работу неведомого умельца следовало признать безупречной – стык получился совершенно неразличимым, хотя Клейтон знал, что он там есть. Агент ударил по полу металлическим кулаком.

– Я знаю, что вы меня слышите! – крикнул он. – С вами говорит агент Корнелиус Клейтон из специального подразделения Скотленд-Ярда. Именем ее королевского величества приказываю вам открыть люк и немедленно выйти. Кто бы вы ни были, выходите. С поднятыми руками.

Последовало тяжелое, напряженное молчание. Клейтон поднял кулак, чтобы снова ударить в пол, но тут раздался мужской голос, слабый, глухой и едва ли не робкий:

– Я не могу открыть люк. Механизм заклинило и… Я тут внизу… попал в ловушку.

– Кто вы такой? – спросил Клейтон, не веря, что этот испуганный голос принадлежит мощному мужчине, с которым он совсем недавно вступил в схватку.

– Я Генри Бленделл, архитектор ее величества, награжденный Золотой медалью Корпуса королевских инженеров Англии, почетный специалист по автоматическим механизмам общества часовщиков и конструкторов Праги, автор проекта знаменитого секретного подземного хода из замка…

Клейтон не видел реакции людей, стоявших у него за спиной, он сам был огорошен. Сэр Генри Бленделл? Агент постарался вспомнить облик архитектора: мужчина преклонных лет, но при этом атлетического сложения, среднего роста, с седыми волосами… Да, вполне можно было допустить, что, нарядившись соответственным образом, он сыграл роль призрака… Краем глаза Клейтон посмотрел на фонограф. Суматоха, царившая в зале, не помешала аппарату продолжать вести запись. Клейтон оперся руками о пол, наклонился еще ниже и сказал громко и отчетливо:

– Сэр Бленделл, вы признаете, что были соучастником Янтарной Леди?

– Пожалуйста, здесь почти не осталось воздуха…

Клейтон хлопнул по полу сразу двумя кулаками, настоящим и механическим:

– Вы признаете, что помогали своими знаниями медиуму, известной под именем Янтарная Леди, признаете, что помогали устраивать трюки на всех спиритических сеансах, которые она давала; что вы лжесвидетельствовали, подтверждая честность условий, в которых проходили ее сеансы; что вы с ней вдвоем вероломно раз за разом совершали преступления – занимались мошенничеством, обманом и фальсификацией?

– Да, да… Но, ради бога, умоляю, надо поддеть плиту каким-нибудь рычагом или просто стамеской. Я страдаю клаустрофобией…

– Признаете? Признаете, что это касается и сеанса, проходившего сегодня, двенадцатого сентября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года от рождества Христова в доме Янтарной Леди, по адресу Мэйфлауэр-роуд, двенадцать? – кричал Клейтон.

– Агент Клейтон, – вмешался Синклер, – зачем вам все это нужно…

– Да, да… я во всем признаюсь. Признаюсь! Только вытащите меня отсюда… Мне нечем дышать.

Клейтон выпрямился – лицо его искривила победная улыбка, слегка даже безумная. Лихорадочно блестевшие глаза искали чистые голубые глаза Янтарной Леди. Он хотел, чтобы эта женщина осознала все его презрение, он хотел прямо сказать ей, что со своими уловками она похожа на течную кошку, но обмануть могла только недоумков вроде того, который лежит сейчас внизу и хватает ртом воздух, но не агента Корнелиуса Клейтона из специального подразделения Скотленд-Ярда. “Мне очень жаль, моя дорогая, – хотел сказать он, – но ты не настолько хороша, как тебе кажется, или… не сумела стать достаточно плохой. Невозможно всегда добиваться своего, и настала пора преподать тебе урок…”

Но Клейтон ничего этого не сказал, потому что Янтарная Леди без чувств лежала на полу, и голова ее покоилась на коленях полковника Гарика, а ее руку держал в своей капитан Синклер, который пытался привести женщину в сознание, робко похлопывая по тыльной стороне ее ладони, и одновременно громко требовал, чтобы побыстрее принесли молоток и стамеску.

VI

Несмотря на то, что всю ночь специальный агент Корнелиус Клейтон не смыкал глаз, он шел к дому номер три по Фернивел-стрит пешком. И надеялся, что ледяное дыхание предрассветного утра проветрит ему мозги или, по крайней мере, уймет противную боль, которая среди ночи вдруг свила гнездо у основания черепа. Поэтому, покинув Скотленд-Ярд, он не стал брать кэб и зашагал в сторону реки. Сырой туман, плывущий по улицам, заставил его поднять воротник пальто и спрятать руки в карманы. Оказавшись на набережной Виктории, он решил идти до Стрэнда вдоль Темзы.

Ему нравилось наблюдать, как рассвет лениво освещает реку, словно вырисовывая дрожащей кистью ее изгибы среди столичных зданий. В этот час Темза все еще была прикрыта лоскутами тумана, но воду уже начинали бороздить первые баржи, груженные углем, устрицами или угрями. Они напоминали полуразвалившиеся плавучие замки. К обоим берегам в беспорядке жались лодки, баркасы и маленькие кораблики, с которых сгружали корзины, полные кальмаров, раков и прочей мелочи, отнятой у моря, а ветер разносил их отвратительный запах по ближним улицам. Не доходя до моста Ватерлоо, вычерченного вдалеке пепельными линиями, Клейтон пересек Стрэнд и вошел в Ковент-гарден. Он невольно подлаживал ритм своих шагов под беспечную мелодию, рождаемую суетливыми хлопотами торговцев, с четырех утра свозивших сюда товар. Потом мелодия разлеталась по шумным лабиринтам, образованным повозками с капустой и луком, корзинами с цветами, бочками с пивом и лотками с фруктами. Повсюду, несмотря на ранний час, уже носились стайки бездомных детей, не знающих, что такое детство, а также с царственной важностью вышагивали тощие кошки. И все они соперничали между собой, охотясь за тем, что выкидывали лавочники. Однако Клейтон ничего этого не замечал, хотя не без труда протиснулся между лотком с глянцевыми яблоками и лотком с гладиолусами, похожими на фантастические рапиры, которые под порывами ветра сшибались друг с другом. Он шел, любуясь лужами, где извилисто тянулись отблески тихо умирающих фонарей – своей смертью они возвещали наступление еще одного холодного и невеселого дня, какими богата лондонская осень.

Наконец агент пересек Кингзуэй. Однако мыслями он находился далеко от этих мест – в одном из кабинетов Скотленд-Ярда, где последние несколько часов вел допрос Янтарной Леди, которую на самом деле звали Сара Виллард. Допрашивал он также сэра Генри Бленделла, архитектора ее величества, самого достойного и честного человека во всем королевстве – по крайней мере таковым он считался до того момента, как эта красавица с серебристыми волосами и глазами цвета морской волны встретилась ему на жизненном пути.

Клейтон невесть в который раз восстанавливал в памяти долгую историю, которую им с Синклером удалось вытянуть из этой парочки. Сначала их, кстати сказать, заперли в разных помещениях, где, стараясь измотать, им снова и снова задавали одни и те же вопросы, пряча за ними маленькие ловушки. Они с капитаном даже прибегли к классическому методу, уверяя сначала медиума, а потом архитектора, что сообщник, сидевший в соседней комнате, все уже рассказал, чтобы спасти свою шкуру. Позднее, почти под самое утро, свели их вместе, надеясь, что кто-то один не выдержит и сломается.

Все было напрасно. Оба упрямо повторяли свои версии, совпадавшие в мельчайших деталях. Они признавали, что за последние годы провели сотни спиритических сеансов, обманывая участников и безмерно разбогатев на этом. Янтарная Леди, вопреки ее рекламным заявлениям, не обладала медиумическими способностями. Правда, в детстве они у нее были – она поклялась в этом на Библии, – но с приходом пубертатного периода она их утратила, и с тех пор Леди ни разу не удалось войти в контакт с духами, и никакие паранормальные явления ей не подчинялись. Однако, воспользовавшись растущей модой на спиритизм, Сара стала притво-

ряться, что детские таланты к ней вернулись. Она мечтала выбраться из бедности и потому объявила себя медиумом, и не каким-то там заурядным, а самым великим за всю историю. Свои действия Сара Виллард самым тщательным образом распланировала, в том числе и соблазнение Бленделла, так как понимала, что, несмотря на явные актерские данные и красоту, нуждалась в сообщнике, который помог бы ей в техническом плане. Бленделл слыл человеком с незапятнанной репутацией, однако соблазнить его оказалось, против ожидания, делом плевым. После первого же поцелуя несчастный старик обезумел от страсти и тотчас согласился на все – лишь бы овладеть красавицей. Именно в этом пункте прозвучало единственное противоречие в двух признательных показаниях: сэр Бленделл уверял, что двигало им исключительно христианское желание помочь заблудшей душе справиться с невыносимыми душевными муками. Короче, архитектор все свои замечательные познания отдал на службу Янтарной Леди и оборудовал ее жилище хитроумнейшими механизмами, способными обмануть любую комиссию. Там появились люки, сложные блоки, пружины, двойные стены, тончайшие прозрачные нити, мощные магниты, а также отверстия, способные извергать светящийся газ, и перчатки, изображавшие летающие руки, и резиновые маски, и прочее и прочее. А еще Янтарная Леди призналась в талантах иного рода: она могла спрятать в собственный желудок массу всяких предметов и таким образом обмануть самых строгих проверяющих при самых дотошных осмотрах, даже когда эти осмотры выходили за рамки пристойности. Скажем, минувшей ночью ей удалось, симулируя ужасные конвульсии, изрыгнуть резиновую капсулу с фосфористым водородом. Потом она раскусила капсулу, и газ, войдя в контакт с воздухом, образовал блуждающие огни и светящееся облако. Таким же образом появилась легкая газовая материя с нарисованным на ней лицом, и ткань колыхалась под воздействием потока воздуха, дувшего из тончайшей трубочки, прикрепленной под столом, – вот почему полковник Гарик почувствовал у себя на руке дыхание призрака.

До этого момента допрос не представлял для полицейских особых трудностей, но дальше и мисс Виллард, и сэр Бленделл проявили удивительное и несокрушимое единодушие: они соглашались хоть сто раз поставить свои подписи под только что сделанными признаниями, были готовы держать ответ перед обманутыми клиентами; были готовы понести наказание за мошенничество и стерпеть публичный позор… Но виновными в попытке убить миссис Лэнсбери они себя не признавали. Ни за что. Призрак, накинувшийся на несчастную старушку, к ним отношения не имел. Да, они мошенники, но не убийцы.

Клейтон поддал ногой лежавший на дороге обломок булыжника. Дело оказалось чертовски запутанным. Одно с другим никак не сходилось. Кем или *чем* было существо, которое агенту удалось схватить, прежде чем полковник Гарик выстрелил в него? Клейтон был почти уверен: зловещая фигура появилась в результате еще одного трюка, подстроенного этой парочкой. Кроме того, агент получил от загадочного существа вполне реальный удар, чувствовал под рукой его мускулы, когда применил к нему захват, прикасался к его одежде, ощущал тепло его тела, даже резкий запах пота… Да, действительно в какой-то миг создалось впечатление, что фигура прозрачная, но за прошедшие часы он и в этом стал сомневаться. Незнакомец был, разумеется, самым настоящим человеком, а вот роль эту не мог сыграть никто, кроме сэра Бленделла, – он, видно, успел переодеться или пропитал свою одежду каким-то химическим составом, скажем, эфиром, что и создавало странную иллюзию прозрачности. Потом архитектор зачем-то напугал бедную старушку, убежал через люк, избавился от маскарадного наряда и спрятался в потайном помещении. Да, тогда все складывается, но тем не менее остается слишком много вопросов без ответов, так много, что они вот-вот сведут Клейтона с ума. Например, такой: если мнимое привидение было частью представления, то зачем мошенникам эта часть понадобилась? К чему было нападать на беззащитную миссис Лэнсбери, вместо того чтобы, как обычно, довести до конца свой спектакль, который они могли более чем успешно завершить? Но если речь идет все-таки еще об одном трюке, почему они отказываются в этом признаться?

Фокус не удался, и теперь надо постараться свести ущерб к минимуму? Или они по неведомой причине хотели непременно расправиться со старухой? Но тогда злоумышленники поступили страшно глупо, замыслив убить ее в присутствии кучи свидетелей. С другой стороны, Клейтон не мог забыть, что ужас Янтарной Леди показался ему совершенно натуральным. Только поэтому он и взломал люк, понапрасну испортив тонкий механизм.

Во всем этом отсутствовал всякий смысл… Клейтон энергично затряс головой, как собака, которую внезапно окатили водой. Хотя какая на самом-то деле разница, есть тут смысл или нет? Главное – найти ключ, который смысл событиям придаст.

Во всяком случае, любые другие версии звучат еще более абсурдно, ведь, если принять на веру, что мисс Виллард и ее соучастник говорят правду, тогда… Тогда кем был загадочный мужчина, возникший буквально из воздуха? Убийцей, который давно преследовал мисс Лэнсбери и решил расправиться с ней во время спиритического сеанса, да еще в присутствии двух агентов Скотленд-Ярда? Полная нелепица! Но такая гипотеза по крайней мере объясняла то, что незнакомец сказал старой леди, и, главное, появившееся на ее лице выражение, как будто она узнала его, хотя позднее начисто это отрицала, сваливая свою реакцию на страх и смятение. Да разве мог кто-нибудь войти в запертую комнату без помощи Янтарной Леди или сэра Бленделла? Может, они втроем задумали убийство?

В конце концов, существовала еще одна возможность, и только она делала данный случай достойным внимания специального подразделения Скотленд-Ярда: это и вправду был призрак, и он явился из загробного мира. Но… Но зачем было призраку являться на спиритическом сеансе, устроенном мошенниками? Может, утраченные еще в детстве медиумические способности вернулись к Саре Виллард именно в тот вечер и она вызвала злой дух? На исходе ночи Синклер признал: именно эта версия, как бы абсурдно она ни звучала, на сей момент была наименее абсурдной из всех. Клейтон ничего не ответил, только поджал губы. Ладно, пусть Синклеру повсюду мерещатся привидения, если это помогает ему чувствовать себя не таким старым, но что касается Клейтона, то он уже успел получить несколько уроков и один из них не забудет никогда в жизни: соединение хитро изготовленного маскарадного костюма с участием в деле слишком красивой женщины дает мощнейший эффект, который нельзя недооценивать.

Клейтон презрительно скривился, вспомнив, как выглядела Сара Виллард, когда он простился с ней уже перед самым рассветом. Заносчивая женщина, которая своей неземной красотой свела с ума почти всех английских мужчин, включая членов комиссии, превратилась в подвалах Скотленд-Ярда в дрожащую от страха девчонку. Под конец допроса она схватила Клейтона за лацканы пиджака и, глядя на него глазами цвета морской волны, стала умолять, чтобы ее заперли в самую мрачную, если угодно, камеру, но только пусть, ради бога, Клейтон прежде прогонит оттуда всех духов и не позволит им больше возвращаться… Всхлипывая, она сказала, что не переживет снова тех ужасов, которые испытала в детстве: среди ночи ее охватывала паника, когда она чувствовала, как холодное прозрачное существо ложится рядом с ней в постель, чтобы согреться теплом ее тела. Она лежала очень тихо и читала все молитвы, какие только помнила, хотя от леденящего дыхания призрака у нее волосы вставали дыбом. А еще были зеркала – страх посмотреться в зеркало и увидеть у себя за спиной бледную фигуру, увидеть глаза, которые пристально следят за тобой, хотя, обернувшись, Сара никогда никого сзади не находила. А еще были голоса – в любой час были голоса… Теперь в Скотленд-Ярде она повторяла одно и то же – надрывно, борясь с истерикой, – и даже часовой у двери чувствовал себя при этом не в своей тарелке. Но на Клейтона рыдания Янтарной Леди мало подействовали, он бесстрастно отцепил от себя руки медиума, затем усадил ее на стул, где она и продолжала лить слезы, пока он, ни разу не оглянувшись, покидал кабинет.

Она врала. Они оба врали. Клейтон был в этом уверен. Он не знал, существуют ли на самом деле призраки – у него было маловато сведений, чтобы сделать заключение на сей счет, но агент не сомневался: мужчина, возникший в салоне Янтарной Леди, принадлежал к тому же

реальному миру, что и все присутствующие. Пусть Синклер сколько угодно охотится за привидениями, Клейтон ясно представлял, куда направит поиски он сам: надо найти проклятый маскарадный костюм и, если понадобится, приказать ради этого разнести в щепки дом Янтарной Леди. Хотя, прежде чем начать крушить дома, ему следует непременно побеседовать с одной любительницей спиритизма. Клейтон чувствовал, что миссис Лэнсбери знает куда больше, чем говорит, а за добрым и насмешливым взглядом, которым она встретила привидение, таился тот самый ответ, что поможет распутать все эти хитросплетения. Поэтому агент и направился сейчас прямиком к ее дому, не позволив себе поспать хотя бы пару часов.

Рассвет уже расчистил небеса. В тот миг, когда земля едва-едва осветилась несколькими робкими солнечными лучиками, вокруг еще царила полная тишина, и благостный утренний ветерок пролетал по дремлющей столице как дыхание ангелов, по выражению Диккенса. А это означало, что любой нормальный человек сочтет столь ранний визит не таким уж неприличным, скорее неожиданным. Специальный агент Корнелиус Клейтон смело завернул за угол, попал на Фернивел-стрит и зашагал к дому миссис Лэнсбери – зданию в готическом стиле с островерхими башенками на крыше и узкими витражными окнами по фасаду. Не раздумывая, он поднялся по лестнице и дернул за колокольчик. Затем постарался принять воинственную позу – заложил руки за спину и слегка расставил ноги, приготовившись таким образом ответить на ледяной прием, скажем, дворецкого, возмущенного неурочным посещением. В любом случае, даже если придется сразиться с целой армией разгневанных слуг, а потом самому подняться в спальню старой леди и разбудить ее, Клейтон добьется своего: заставит миссис Лэнсбери откровенно рассказать о собственной роли в этой запутанной истории.

К удивлению агента, ему отворила сама миссис Лэнсбери и сделала это почти без промедления, словно стояла прямо за дверью. Но еще больше поразили Клейтона ее необычный вид и совсем уж необычное поведение. Кэтрин Лэнсбери приоткрыла дверь ровно на столько, чтобы просунуть в щель свою растрепанную голову. От безупречной прически, которая украшала ее минувшим вечером, не осталось и следа, теперь седые пряди падали ей на глаза. Старая леди продолжала стоять, ухватившись за край двери обеими руками, пока агент Клейтон, отказавшись от своей бравой позы, снимал шляпу. Он вдруг почувствовал, что выглядит немного смешно под ее отрешенным взглядом, в котором страх мгновенно сменился сперва разочарованием, а затем изумлением и под конец стал скорее оценивающим. Миссис Лэнсбери несколько раз открыла и снова закрыла рот, словно сама не верила, что ей удастся выразить словами, какая карусель чувств и мыслей крутится у нее в голове. Наконец она приняла решение и тотчас оборвала робкое приветствие Клейтона, красноречивым жестом велев ему замолчать, потом опасливо выглянула на крыльцо и пробежала взглядом вдоль улицы. Потом взяла агента за руку, втянула в дом и поспешно захлопнула дверь у него за спиной.

Клейтон подчинился беззвучному приказу старой леди и покорно последовал за ней по полутемному холлу, борясь с нелепым желанием двигаться на цыпочках. Они вошли в какую-то дверь, и миссис Лэнсбери тщательно заперла ее за собой на ключ, несколько раз проверила результат, после чего не поленилась убедиться, что окна тоже надежно заперты. Агент с любопытством оглядел маленький кабинет, благо, он был освещен гораздо лучше холла. Комната была меблирована просто. Два больших окна, похоже, выходили в сад, перед окнами стоял изящный письменный стол, заваленный папками и листами бумаги, исписанными корявым почерком. На столе с краю красовалась ваза с розами, срезанными, очевидно, совсем недавно. Центр кабинета занимал маленький столик, и выглядел он здесь как-то беззащитно. На столике был приготовлен чудесный чайный сервиз. Тщательно все проверив, хозяйка быстрым, как у перепуганной мышки, взглядом окинула кабинет. Она словно забыла про агента, и тому пришлось несколько раз кашлянуть:

– Э-э… Миссис Лэнсбери…

– О! Простите, просто я ждала совсем не вас… – прошептала она, часто моргая.

– Вы ждали кого-то в столь ранний час? – тоже шепотом спросил Клейтон, кивнув на чайный сервиз.

– О да, да… Я ждала одного человека. Очень нужного мне человека. Я недавно послала за ним. Всю ночь я провела в раздумьях, но все-таки, чуть стало светать, отправила к нему домой мою верную Дорис с запиской… где слезно просила прийти сюда. Но он не пришел, даже ничего не ответил. И служанка тоже не вернулась… О, дорогая моя Дорис! Если по моей вине с ней что-то случилось, я никогда не смогу… У меня нет других слуг, понимаете? Я не в состоянии платить кому-то еще, кроме нее. Все деньги я трачу… Так что Дорис – единственная, кто обо мне заботится. Наверное, не надо было посылать ее за… Хотя… А что еще мне оставалось делать? – Миссис Лэнсбери посмотрела на Клейтона с мольбой. – Скажите, ну что еще мне оставалось делать? Он ведь меня нашел, он знает, где я скрываюсь, а значит, надо спешить. – Миссис Лэнсбери снова нервно огляделась, бормоча себе под нос: – Да, со временем у меня совсем плохо…

– Миссис Лэнсбери, боюсь, я не понимаю…

– Запамятовала ваше имя, мальчик мой, – перебила его хозяйка дома. Железная воля, которая светилась в ее взгляде, плохо сочеталась с внешней хрупкостью, и это опять поразило полицейского.

– Меня зовут Корнелиус Клейтон, я агент специального подразделения Скотленд-Ярда. Мы познакомились с вами вчера вечером, во время сеанса…

– О, я прекрасно помню, где мы познакомились, молодой человек! Только имя ваше позабыла. Я ведь еще не совсем выжила из ума. Да, вы тот самый юноша с разбитым сердцем. И я знаю вас лучше, чем вы полагаете. О да, гораздо лучше… Но садитесь же, пожалуйста. Хотите чаю?

Не дожидаясь ответа, она села и дрожащей рукой принялась разливать чай, при этом еле заметно шевеля губами, словно читала молитву. Клейтон тоже сел – с большими предосторожностями, чтобы не задеть острыми коленями столик и не свалить чашки на пол.

– Возьмите печенье, молодой человек, – предложила старушка и пододвинула к нему тарелочку. – Это “Кемп”, очень вкусное печенье. На сливочном масле, с анисом, никогда не пробовала ничего лучше. Я его просто обожаю. Такого нет там, откуда я прибыла сюда, понимаете? Очень, очень жаль, что мне довелось попробовать его так поздно, да и наслаждалась я им всего-то несколько лет… Но знаете, – она попыталась весело улыбнуться, хотя Клейтон заметил, что ее колотит дрожь, – боюсь, сегодня я ем его в последний раз.

– Почему же, миссис Лэнсбери? – удивился Клейтон.

Она какое-то время молча смотрела на него, и опять взгляд ее сделался оценивающим, как будто она прикидывала, какая от полицейского может быть польза.

– Потому что Злодей все-таки отыскал меня, молодой человек, – ответила она наконец, но так тихо, что Клейтону пришлось наклониться в ее сторону, чтобы услышать эти слова. – И он меня убьет.

– Злодей?

Старая леди жестом велела ему приглушить голос.

– Да, Злодей. Любая уважающая себя история должна иметь своего Злодея, не правда ли? И в нашей истории тоже был один такой, – стала вспоминать она с грустью. – Худший из всех Злодеев, какие только бывают на свете. И вот теперь он явился, чтобы убить меня.

– Если вы имеете в виду того мужчину, который напал на вас в доме Янтарной Леди, то, поверьте, вам нечего бояться: он сидит за решеткой, – попытался успокоить ее Клейтон.

– За решеткой? – Старушка хохотнула, точно ее забавляла наивность агента. – Никакая тюрьма не способна удержать Злодея, сынок. Никакая!

– Что вы хотите сказать?

– То, что сказала! Вам кажется, я изъясняюсь загадками? Так вот, он убьет меня, и убьет в самое ближайшее время. А пока лучше не задавайте лишних вопросов. У нас нет времени. Просто слушайте, – велела она строго.

Потом решительным жестом смахнула с платья крошки печенья, показала зажатый в кулаке ключик и подошла к секретеру. Открыла маленький ящик, вернулась с книгой в руке и с поразительной торжественностью протянула ее агенту.

– Что это? – выдохнул Клейтон.

– Берите, берите!

Агент взял книгу. Она была небольшой, размером с молитвенник, в темном кожаном переплете, первую сторону которого украшала золотая звезда с восемью концами, похожими на стрелы. Под звездой имелась надпись, тоже золотая: “Карта хаоса”. Клейтон веером пролистнул страницы. Они были исписаны от руки – вроде бы математическими формулами, но формулы перемежались странными геометрическими фигурами. Он в изумлении поднял глаза на старушку, и та положила руку ему на плечо. Ее по-прежнему била крупная дрожь – так дрожат листья на деревьях под порывами осеннего ветра, но взгляд оставался смелым, а голос звучал спокойно.

– На страницах этой книги описан способ спасения мира. И того мира, который вам известен, – она развела руки, словно желая охватить ими все вокруг, – и других миров, которые вы только можете себе вообразить. Вы должны знать, что вселенная находится в опасности. Так что выслушайте меня внимательно, агент Клейтон из специального подразделения Скотленд-Ярда. Тот, кто явился вчера на спиритический сеанс, ищет эту книгу, чтобы уничтожить ее. На его счету много убийств, и он без колебаний совершит еще одно. Он убил моего мужа… – ее голос слегка дрогнул, – но мне удалось скрыться и спасти книгу… Все это время я старалась выполнять план, который мы с мужем разработали. Но Злодей отыскал меня, прежде чем я успела довести дело до конца. Так что теперь все будет зависеть от вас.

– От меня? – переспросил Клейтон.

Старушка печально кивнула:

– Боюсь, что так, сынок. Я могла надеяться только на одного человека, за которым и послала служанку. Но он не явился, не знаю почему… Наверное, я должна была позвать его раньше… еще несколько лет назад, когда только прибыла сюда. Да, пожалуй, я допустила ошибку. Пожалуй, мы с мужем ошиблись, поставив все на Координаты Мальстрёма… Да, разумеется, мы совершили много ошибок, хотя теперь это уже не имеет значения… Теперь важно только одно – спасти книгу. Берегите ее, агент Клейтон. Вы должны сберечь ее – пусть даже ценой собственной жизни, если понадобится, и вручить тем, кто придет с Другой стороны…

– Тем, кто придет с Другой стороны? – перебил хозяйку дома Клейтон. – Но… О ком вы говорите? Что именно содержится в этой книге? И почему вселенная находится в опасности?..

– Разве вы не знаете, что очень невежливо перебивать старших? – рассердилась миссис Лэнсбери. – Неужели, по-вашему, я отдала бы вам столь ценную вещь, не объяснив, что это такое и как с ней надо поступить? Я ведь уже сказала: существует некий план.

– Я… Простите, – пробормотал Клейтон смущенно.

Внезапно раздался страшный грохот на верхнем этаже. Старушка посмотрела на потолок, и ее лицо стало белым как снег.

– Он уже здесь! – дрожащим голосом воскликнула она. – Злодей явился, чтобы убить меня.

Клейтон вскочил на ноги и быстро выхватил пистолет:

– Постараюсь помешать ему.

Он сунул книгу в карман пальто и кинулся к двери. Потом бесшумно вышел в холл и закрыл за собой дверь, оставив хозяйку в кабинете.

– Запритесь, – шепотом приказал он, – и не открывайте, пока я…

Не успев договорить, он услышал, как ключ повернулся в замке. Вытянув вперед руку с пистолетом, Клейтон оглядел лестницу, ведущую на второй этаж, но там царил полный мрак. Он еще не знал, как оценить слова сумасбродной миссис Лэнсбери, зато не сомневался, что кто-то действительно проник в дом – скорее всего, через окно. Он ведь сам слышал удары, от которых дрожал потолок. И если у миссис Лэнсбери не было других слуг, кроме Дорис, – об этом, кстати, свидетельствовали и пыль на лестничных перилах, и причудливые узоры из паутины, натянутой между балясинами, – шуметь мог только незваный гость. Однако, кем бы тот ни был, он не подозревал, что в доме находится полицейский, и это давало Клейтону важное преимущество. Он осторожно начал подниматься вверх, стараясь, чтобы ступени не скрипели. Но быстро понял, что предосторожности излишни, ведь сверху до него доносился страшный грохот, точно кто-то, не боясь шуметь, обыскивал комнату. Клейтон ускорил шаг и поднялся на второй этаж. Он попал в коридор, куда выходило несколько дверей.

Надо полагать, хозяйка приноровилась передвигаться впотьмах с ловкостью слепца, по крайней мере во всем доме, кроме кабинета, царил вязкий мрак. Утренний свет, пробиваясь сквозь круглое цветное окошко над лестницей, расщеплялся на голубые, красные и зеленые волокна и позволял хоть как-то ориентироваться, однако этого света было недостаточно, чтобы четко оценить обстановку. Клейтон напряг слух и легко определил, за какой дверью раздается шум. Он встал сбоку от двери, переложил пистолет в механическую руку, а здоровой медленно нажал на дверную ручку. Глазам его частями открывалась заполненная тенями комната. По смутным очертаниям мебели он понял, что перед ним спальня. Но с порога невозможно было увидеть ту половину комнаты, где находился убийца, – она была загорожена створкой двери. И тут в зеркале, которое висело между кроватью и разбитым окном, он различил силуэт. Клейтон смотрел на отражение и не мог поверить своим глазам. Мужчина стоял к зеркалу спиной и обыскивал ящики комода. Сложением он был схож с тем типом, из дома Янтарной Леди. Но ведь Клейтон сам недавно запер сэра Бленделла в тюремной камере. Как ему удалось выбраться на волю и явиться сюда? А если это не сэр Бленделл, то кто? Однако больше всего агента поразило другое: сквозь фигуру незнакомца просматривался комод и даже обои на стене, хотя и довольно мутно, как сквозь колышимую ветром тюлевую занавеску. Мужчина бормотал проклятья и с каждой минутой распалялся все больше, вышвыривая содержимое ящиков на пол. Затем через внутреннюю дверь, которая агенту тоже была не видна, он перешел в соседнюю комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.